АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

РУАЛ АМУНДСЕН

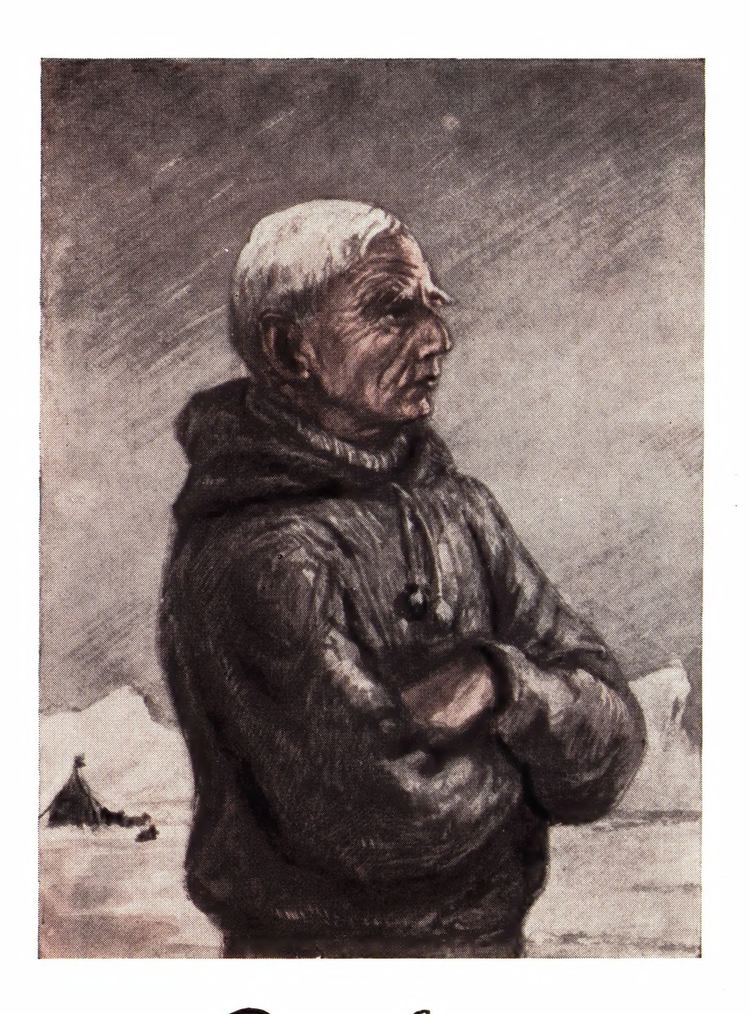
Путешествия Руала Амундсена

0°
„Йоа"
„№25"
Гренландия
„Латам"
N
„Норге"
„Мод"
Сибирь
Аляска
180°

ЖЗЛ

Roald Amundsen

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

РУАЛ АМУНДСЕН

1872—1928

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1957

Оформление и рисунки в тексте
художника В. ЦЕЛЬМЕРА

Александр Яковлев родился в 1886 году в семье маляра.

По окончании городского училища он работал телеграфистом, одновременно готовился к сдаче экзаменов экстерном. Получив аттестат зрелости, Александр Яковлев поступил в 1907 году в Петербургский университет на филологический факультет.

Со второго курса он был сослан в Сибирь за революционную деятельность. По отбытии тюремного заключения приехал в Екатеринодар на вольное поселение, где начал сотрудничать в газетах «Кубанский курьер» и «Утро юга».

Печататься Александр Яковлев начал с 1921 года. Им написано много романов, повестей и рассказов. Самые значительные из них: «Октябрь», «Терновый венец», «Пути простого сердца», «Ступени», «Человек и пустыня», «Огни в поле».

В 1928 году Александр Яковлев участвовал в экспедиции по спасению Нобиле. После этого написал рассказы о Севере и повесть «Руал Амундсен».

Александр Яковлев умер в 1953 году.

Настоящая книга — переиздание биографии Руала Амундсена, вышедшей в 1948 году.

МОРЕ ЗОВЕТ

По узким мосткам школьники прошли на пароход и сели цепочкой вдоль борта. Помощник учителя Кнутсен внимательно оглядел каждого мальчика. У всех в руках или за плечами были сумки с едой. Последним на пароход поднялся учитель Нордаль.

Палуба парохода была открыта со всех сторон; брезентовая крыша защищала пассажиров от дождя и солнца.

Город только просыпался. Солнце выходило из-за дальних гор. В долине под Нурмаркеном еще лежали синие тени. Вода у набережной казалась маслянистой и неподвижной. С пронзительными криками носились над водой чайки.

Пароход дал свисток. Под палубой зашипел пар. Два матроса убрали мостки, сняли чалки, и полоса воды меж берегом и пароходом стала расширяться. Мальчики встали со своих мест и звонко запели:

Да, мы любим эти скалы...

Громче и задорнее всех пел мальчик в зеленой куртке и зеленой шляпе. Кнутсен кивал мальчику го-

ловой в такт песне и, когда песня окончилась, сказал улыбаясь:

— У тебя, Руал, самый сильный голос.

— И самый неприятный, — тотчас же откликнулся насмешливый сосед Руала, белокурый мальчуган Фалькенберг.

Мальчики громко рассмеялись и заговорили, перебивая друг друга:

— У Руала в горле петух сидит.

— Какой там петух... Морж! Ишь, как ревет!

Кнутсен унял шутников:

— Ну, не обижайте его. Смотрите, как хорошо кругом!

Отойдя от пристани, пароход прибавил ходу, и город стал удаляться. Темная зелень под горами постепенно синела. Белые дома на фоне зелени были похожи на птиц, присевших отдохнуть. Из-за дальней горы шел к городу поезд. Длинным хвостом тянулся над ним белый пар. Мальчики во все глаза глядели на развертывавшуюся перед ними панораму. Многие из ребят впервые ехали по этому фиорду к дальнему городу, лежащему у самого моря.

Пароход быстро шел мимо берегов, где на обрывах белели красивые дома. Впереди показался низкий каменный остров. Вот он ближе, ближе, уже видны толстые каменные стены и жерла пушек. Учитель Нордаль протянул руку к острову:

— Эта крепость защищает подступы к нашей столице. Смотрите, как грозны эти стены и орудия.

Мальчики присмирели, молча рассматривая укрепления.

Миновав крепость, пароход вошел в узкий канал, извилистый, как ползущая змея. Высоко над каналом висел мост. По мосту двигались повозки, экипажи, люди. И когда пароход прошел под мостом, вдали показалось море, еще не ясное, спрятанное в утреннем тумане. Мальчики запели снова.

Песня стала громче, как только открылась широкая гладь фиорда, сливающаяся с туманным морем. Три шхуны с косыми белыми парусами плыли под гористым берегом, а самой серединой фиорда шел

океанский пароход: и он и шхуны направлялись к маленькому городку, расположенному на правом берегу.

Судно, на котором ехали мальчики, только подходило к городской пристани, а океанский пароход уже швартовался у соседнего мола. Среди рыбачьих шхун и маленьких пароходиков океанский гость казался великаном. Шумной толпой школьники высыпали на набережную и построились в ряды. Впереди шел учитель Нордаль в темной шляпе, а позади всех Кнутсен. Они шли неторопливо, разглядывая чистенькие городские дома, набережную, корабли.

— Итак, друзья мои, мы в Тонсберге, самом старом городе Норвегии, — сказал Нордаль торжественно. — Этот город основан задолго до рождения нашей столицы Христиании. Смотрите, сколько здесь кораблей! Они приходят сюда с рыбных и китобойных промыслов. Мы обойдем с вами всю набережную, а потом посмотрим, что делается на этих судах.

Набережная уже была полна народу. Вдоль нее в несколько рядов стояли остроносые суда с высокими бортами. На мачтах и реях висели свернутые паруса. Просмоленные веревочные лестницы и снасти походили на черную паутину. У всех парусников на верхушке передней мачты были укреплены бочки. Эти бочки больше всего занимали мальчиков.

— Зачем они там?

— Вы не знаете, для чего бочки на мачтах? — спросил учитель. — Матросы называют эти бочки «вороньими гнездами». Когда корабль входит во льды, капитан поднимается в это «гнездо» и в подзорную трубу осматривает горизонт: не видно ли где морского зверя, не покажется ли фонтан кита. Чем выше мачта, тем выше «гнездо», тем дальше видно.

Руал не отставал от учителя ни на шаг. Он ловил каждое его слово. В этом городе Руал был впервые, но море, корабли... с ними он сжился давно. Во время летних и зимних каникул Руал уезжал из Христиании в Борге, городок близ Сарпсборга-на-Гломме — самой большой реке Норвегии. Там, на берегу Гломмы, была отцовская судоверфь — Вервен. Зимой на приколе у берега реки стояли десятки судов, вот таких же, как эти. Руал знал даже, как строятся эти суда. Вместе с братьями он часто бывал на верфи.

Старший судостроитель Свэн Ульсен встречал мальчиков ласково, отвечал на сотни их вопросов, объяснял, для чего служит та или иная часть корабля, и разрешал им самим кое-что мастерить. Владелец верфи капитан Амундсен был доволен, что его мальчики с детства приучаются владеть пилой, топором, молотком, рубанком. Он не любил белоручек.

— Приучайтесь работать не только головой, но и руками, — говорил он им. — Ваш дед был рыбак, он не мог дать мне образования, но приучил меня работать не покладая рук. И я стал капитаном. Дети должны знать и уметь больше, чем их родители, иначе жизнь остановится.

Руал не хуже учителя мог сейчас объяснить, для чего служит та или иная часть судна, и все-таки с жадностью слушал объяснения. Каждое судно было для

него увлекательной сказкой. Ведь на этих судах смелые люди ходят в далекие океаны бить китов, моржей, тюленей, ловить рыбу. Они не боятся ни штормов, ни бурь, ни морозов.

— А где же матросы? — наивно спросил учителя белокурый Фалькенберг.

— Вот они, матросы. — И, указав на трех мужчин, кативших по узким мосткам большую бочку, Нордаль спросил удивленно. — Разве ты не видел матросов раньше?

Мальчуган слегка покраснел.

— Я впервые в Тонсберге, — пробормотал он.

Руал живо повернулся к Фалькенбергу:

— Ты думаешь, матросы это какие-то богатыри?

Мальчик, не отвечая, смотрел на матросов; на них были засаленные рубахи с открытыми воротами, кожаные брюки и высокие неуклюжие сапоги. Обветренные, обожженные морозами лица... Красные, усталые глаза...

— Разве это матросы?..—разочарованно протянул Фалькенберг.

— Ну, конечно, матросы.

— Откуда они пришли... такие?

Матросы в это время выкатили бочку на каменную набережную, установили ее рядом с другими бочками под деревянным навесом и пошли назад, к мосткам.

— Что разгружаете?— спросил у них Нордаль.

— Китовый жир, — сказал матрос, прикоснувшись рукой к фуражке.

— Далеко были?

— На Шпицбергене, — вежливо ответил матрос и побежал по мосткам навстречу толстенькому человечку, медленно сходившему с судна.

— Слышал? — обратился учитель к Фалькенбергу. — Этот корабль охотился на китов у Шпицбергена. А вот и сам капитан.

Толстенький бритый человечек мало чем отличался от матросов. Только его куртка была, пожалуй, немного чище да на рукаве желтела узкая золотая ленточка.

— А я думал... — пробормотал мальчуган.

Учитель наклонился к нему:

— Что ты думал?

Но тут вмешался Руал:

— Он думал, что капитан высокого роста, силач, а матросы — богатыри.

Учитель и мальчики рассмеялись.

— Нет, мой друг, — ласково сказал Нордаль, — матросы и капитаны не похожи на древних викингов, каких ты встречал в книжках. Теперь ты видишь — это самые обыкновенные люди.

Руал взял Фалькенберга под руку. Он понимал его разочарование. Он и сам еще недавно представлял себе матросов и капитанов людьми особенными. Но это было еще до того, как он познакомился с ними на отцовской верфи.

Громко перекликаясь, школьники шли по набережной. Всюду была суета: по мосткам ползли тачки с кипами тюленьих шкур, с грохотом катились тяжелые бочки, обитые железными обручами. Гавань была полна волнующими запахами. Пахло смолой, соленым морем. Множество чаек с пронзительным криком пролетало меж мачтами кораблей, над набережной, над водой, покрытой маслянистыми пятнами. С моря шли маленькие волны, и ветер тихо гудел в реях, будто звал куда-то вдаль, на простор.

Руал, задумавшись, шел позади товарищей. Он то и дело останавливался у каждого корабля и будто прилипал к нему глазами.

С набережной пошли в город.

— Позвольте мне остаться в порту, — попросил

Руал учителя. — Я хочу посмотреть, как здесь работают.

— И я, и я хочу остаться! — раздалось несколько голосов.

Учитель переглянулся со своим помощником:

— Вы, может быть, останетесь с ними, Кнутсен? Мы пойдем в музей, а к полудню встретимся в главной школе.

Школьники разделились. Большинство ушло с Нордалем, а несколько мальчиков с Кнутсеном осталось на набережной, где стоял пароходик, на котором они приехали из Христиании.

Теперь уже нечего было торопиться, и мальчики подолгу разглядывали каждое судно, которое их занимало и казалось необыкновенным.

После ухода учителя Руал стал объяснять товарищам, как управляют судами, как охотятся в далеких северных морях. Он заметно гордился своими знаниями, рассказывал оживленно, с задором. Было видно, что море для него — родная стихия.

И Кнутсен, с удовольствием слушая мальчика, спросил невольно:

— Ты кем же будешь, Руал, когда кончишь школу?

Руал посмотрел прямо в лицо Кнутсену и ответил решительно:

— Я буду моряком.

„ТЫ БУДЕШЬ ДОКТОРОМ“

Дверь в комнату тихо отворилась. Мать подняла от шитья голову: на пороге стоял Руал. Его глаза светились. Он радостно улыбался матери, но вдруг смутился, заметив в ее глазах слезы. Улыбка мгновенно погасла, лицо стало хмурым.

— Ты опять плакала, мама?

Мать склонила голову к шитью. Ей совсем не хотелось, чтобы сын видел ее слезы. Не поднимая глаз, она спросила глухим голосом:

— Проводил?

— Проводил, — ответил Руал. — Дождик накрапывает. Леон испугался, что испортит свою новую шляпу, и побежал... как заяц по огороду.

Руал хотел шуткой развеселить мать, но она еще ниже склонилась к шитью, и мальчик услыхал приглушенный всхлип.

— Ну, мама, не плачь же! — сказал он. — Все время слезы да слезы.

— Я не хочу плакать... Что ж! Раз так надо, пусть уходит. Все сыновья ушли скитаться по свету. Как они будут жить?

Голос у матери дрожал, и Руал видел, что она пытается подавить рыдания.

— Хорошо будут жить, мама. Не бойся. Будут работать, служить. Я тоже скоро начну работать. Ведь мне уже четырнадцать.

Мать покачала головой:

— Нет, ты еще не скоро будешь работать. Ты должен много учиться, чтобы стать доктором.

Мальчик сел за стол, положил руки на скатерть и внимательно посмотрел в лицо матери.

— Но, мама, я же тебе говорил, что я буду моряком.

— Нет, ты будешь доктором. Я не хочу, чтобы и ты покинул меня. У меня уже никого не осталось. Только ты один... — Она помолчала немного и сказала тихо, с мольбой: — Неужели и ты меня оставишь?

По лицу мальчика пробежала тень. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Прежде он всегда спорил с матерью. Два года подряд он упрямо твердил: «Буду моряком, буду!» Но с тех пор, как умер отец, — а это случилось год назад, — Руал решил не огорчать ее. Она теперь часто плакала, вспоминая покойного мужа. Плакала оттого, что большая семья начала распадаться... Вот сегодня ушел и Леон. И у нее остался только Руал.

Да, мальчик прав. Слезами себе не поможешь. Она успокоилась, подняла голову от шитья и, пристально глядя на сына, сказала тихо, но твердо:

— Так-то, мой мальчик: ты будешь доктором. Пройдет еще лет шесть или семь, ты окончишь университет, мы поселимся с тобой где-нибудь на тихой улице... а может быть, уедем из Христиании в Борге... и заживем мирной, спокойной жизнью.

Мальчик откинулся на спинку стула и, полузакрыв глаза, слушал мать.

«Доктор?» Руал представил себе их соседа, доктора Леви, седого, вечно кашляющего старика, с рыжеватой бородой, угрюмого, скучного. Он всегда ходит в черном сюртуке, и глаза у него такие, будто он недоволен всем миром. Неужели и ему, Руалу, придется стать таким же, как этот Леви? И он так же будет

ходить, опираясь на палку, зимой и летом по одной и той же улице и только менять летнюю шляпу на зимнюю шапку и черный сюртук на шубу с мохнатым воротником, как меняет их доктор Леви?

«Нет, доктором я не буду», — решил он про себя.

А мать говорила о том, как хорошо они будут жить в Борге.

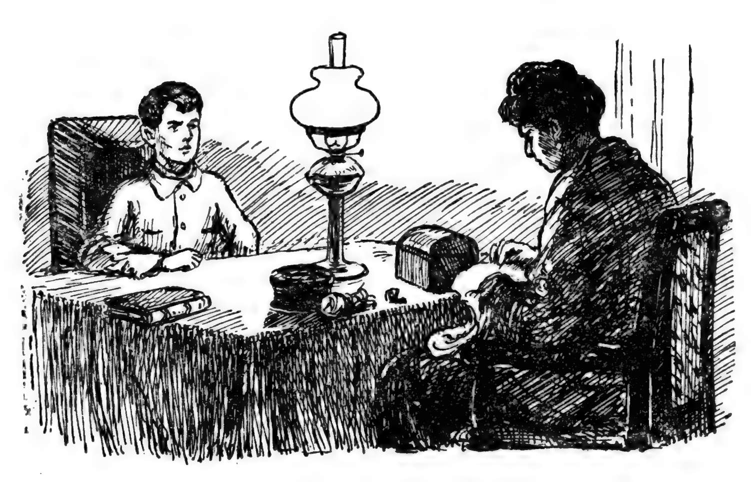
— Ведь Борге твой родной город. Мы увезли тебя оттуда трехмесячным ребенком. Там нам было хорошо. Но твой отец всегда хотел жить в столице. И вот мы переехали в Христианию. Правда, и здесь мы жили неплохо, пока не умер твой отец.

Руал закрыл глаза, думая о своем. В черные окна убаюкивающе барабанил дождь. Мать взглянула на сына, на его закрытые глаза:

— Ты спать хочешь? Иди ложись.

Руал стряхнул с себя сон, поднялся с места и, пожелав матери спокойной ночи, пошел к себе.

Маленькая комната его походила на каюту. Не зажигая света, он подошел к окну. Дождь все еще стучал в стекла. Однообразно шумели деревья, и где-то недалеко за стеной слышался глухой звон. То били башенные часы: раз, два, три... пять... десять... В соседнем дворе, у доктора Леви, залаяла собака: так она

лает всякий раз, когда доктора приходят звать к больному. Руал живо представил себе, как поздно вечером доктор вернулся домой, лег спать, и вот сейчас его будят, кому-то понадобился доктор Леви. Вот сейчас он, наверное, ворчит, кашляет и в глухую ночь, в дождь пойдет по темной улице туда, куда его позвали.

Нет, Руал не будет доктором! Вот уж сколько лет он думает только о море. Даже по ночам оно не оставляет Руала. Ему снятся океаны, моря, киты, моржи и тюлени, — он едет далеко на охоту. И вот сейчас... он засыпает с мыслью о море... Это не дождь шумит, это плещет море... «Нет, доктором я не буду!» Катятся холодные зеленые волны, и тихо поет ветер, будто зовет куда-то вдаль.

„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОНА ФРАНКЛИНА“

Был праздник. Руал не выходил из своей комнаты, хотя было уже двенадцать часов дня. Мать подошла к двери, постучала:

— Руал, ты спишь?

Бодрый голос ответил из-за двери:

— Нет, мама, я читаю.

— Иди же завтракать!

Руал появился на пороге столовой с толстой книгой в руках. Глаза его были широко открыты, он смотрел на мать, на накрытый стол с таким видом, словно не мог понять, как он сюда попал. Волосы его растрепались, ворот рубашки расстегнулся.

— Ну посмотри, Руал, на кого ты похож! — с укором сказала мать.

Руал машинально застегнул ворот, пригладил ладонью волосы и сел за стол, положив перед собою книгу. Мать пододвинула ему кофе. Не глядя, он взялся за стакан и уперся глазами в недочитанную страницу.

— Перестань читать! — возмущенно сказала мать. — Сначала позавтракай.

— Я сейчас, мама, вот только полстранички... Сейчас...

Его глаза бежали по строчкам.

Мать сама закрыла книгу. Руал торопливо пил кофе. Он спешил вернуться к книге.

— Что это за книга?

— «Приключения Джона Франклина».

— Опять моряки?

— Да, мама.

— Ох, эти моряки! Они вскружили тебе голову. Ты только о них и думаешь. А ведь уже не маленький. Пора бы тебе подумать о будущем. Ты же не моряком будешь, а доктором.

Руал исподлобья посмотрел на мать, — ему не хотелось спорить, и некогда было. Он допил стакан и бросился в свою комнату, на ходу отыскивая нужную страницу:

«Третью неделю шла борьба корабля со льдами. В темную ночь, когда свирепствовала буря, корабль вдруг затрещал, сдавленный льдами. Точно ружейные выстрелы раздавались внутри корабля: то лопались переборки и бимсы. Вода хлынула в трюм, и люди уже были бессильны спасти корабль. На палубе и в трюме раздались крики:

— Спасайтесь!

Множество ног затопало в темноте. При свете факелов люди начали сгружать с корабля прямо на лед лодки, ящики и бочонки со съестными припасами, кипы одежды».

Руал затаив дыхание читал дальше:

«Всю ночь бушевала буря, и всю ночь трещали льды. Когда настало утро, люди увидели, что от их корабля остались только раздробленные бревна да валявшиеся на льду мачты со спутанными вантами. Но вдали, к счастью, виднелись черные берега, покрытые на вершинах синим льдом и снегами. Люди потащили на себе лодки и продовольствие к берегу через взломанный лед. Дрожа от холода, они сгибались от усилий так, что почти касались грудью льда.

Два дня им понадобилось, для того чтобы добраться до берега.

На этом тяжком пути четыре человека провалились под лед. Товарищи не успели им помочь, и льды сомкнулись над головами несчастных.

Мало радости ждало путешественников на суше. На тысячу километров здесь не было человеческого жилья: только оледенелый камень и ледяная пустыня. Где-то далеко к югу, на громадном расстоянии отсюда, были фактории американцев. Чтобы добраться до них, нужны недели и месяцы, а продовольствия было мало. Но силен человеческий дух, и сильна воля. Джон Франклин убедил своих спутников идти вперед. Он сказал, что надо, не останавливаясь, двигаться к югу, скорей, скорей, пока есть еще силы, пока не наступила глухая полярная ночь.

И, ободренные его словами, люди пошли к югу. Они тащили на себе лодки, поставленные на самодельные сани. В лодках лежали скудные запасы пищи и оружие. Дни становились короче и короче, с севера дул ветер с колючим снегом, пронизывая путников до костей. Вечером люди устраивали стоянку, прятались от ветра под лодки, а на рассвете снова пускались в путь.

К концу второй недели иссякли запасы продовольствия. В ночь с пятницы на субботу умерли от голода и холода два матроса, и это привело всех в отчаяние. Всем захотелось лечь, не вставать и ждать смерти. Но пришло утро, и Джон Франклин, как обычно, поднял всех на ноги, и отряд снова двинулся к югу. В понедельник увидели хижину, сделанную из бревен, выброшенных морем. Все приободрились. А вдруг в этой хижине живут люди? Еще немного, и можно будет найти теплый приют и пищу. Они побежали, напрягая последние силы. Вот, наконец, и хижина... Дверь открыта, окно выломано. Летом здесь, должно быть, жили индейцы. По всему было видно, что они уже давно ушли на юг. Ни пищи, ни дров. Только у одной стены валялся скелет белого медведя с присохшими

к костям кусочками мяса. Люди жадно кинулись к скелету, но Джон Франклин остановил их, соскоблил остатки мяса и разделил его между всеми поровну.

Эту ночь несчастные путешественники переночевали в хижине, а утром опять пошли дальше. К исходу второго дня у них не осталось ни крошки пищи. На каждой стоянке умирали матросы, умирали без ропота, без жалоб. Но Джон Франклин шел впереди всех, ободряя людей, обещая им скорое избавление.

На одной из стоянок матрос Джемс снял сапоги с умершего товарища, отрезал от голенища длинный ремень и стал его жевать. Глядя на него, другие матросы тоже отрезали куски кожи от своих сапог и жевали ее. Сам Франклин сделал то же самое. Нужно было хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь утолить нестерпимый голод...»

Руал поднял голову от книги. Как? Сапоги, свои сапоги люди ели? Он посмотрел под кровать, где у него стояла пара крепких кожаных башмаков. Может быть, у этих людей была такая же кожаная обувь... Он взволнованно поднялся со стула, прошелся по комнате. Шесть шагов в одну сторону, шесть шагов в другую.

Он ясно представил себе, как люди идут по темной ледяной пустыне навстречу свирепому ветру. Ветер хлещет им в лицо, сбивает с ног. Они падают от усталости и истощения, умирают на стоянках... Что привело их сюда? Жажда знать и видеть, что находится далеко за Полярным кругом. Во имя науки пошли они на все невзгоды...

Руал взволнованно остановился перед окном. Сад был залит солнцем. Небо сияло, глубокое, как море. Джон Франклин ушел вот из такого же города, и матросы также ушли из городов, где светит ласковое солнышко, ушли к вечным полярным льдам, где ждали их страшные муки и, может быть, гибель... Но они хотели все знать, все видеть... Они погибали... Но что может быть почетнее смерти во имя науки?

— Я буду полярным исследователем, таким, как Франклин! — вслух сказал Руал и выпрямился, сияющий, будто нашел, наконец, то, что долго искал.

ВСЕ — К ОДНОЙ ЦЕЛИ

Книга Джона Франклина была перечитана множество раз. Руал знал наизусть те места, где говорилось об ужасных страданиях и гибели славной экспедиции. И странно — страдания эти не пугали его, и он все тверже укреплялся в своем решении стать полярным исследователем.

И только мысль о матери беспокоила его. Что она скажет, когда узнает, что ее Руал будет не только моряком, но и полярным исследователем? Моряк — еще куда ни шло. Правда, жизнь у моряков беспокойная, опасная, многие моряки погибают в бескрайных просторах морей и океанов. Но ведь немало моряков доживает и до глубокой старости, мирно проводя свои последние дни где-нибудь в тихом городке в кругу семьи. Может быть, рано или поздно мать и примирилась бы с тем, что Руал будет моряком...

Но никогда не примирится она с мыслью, что ее сын будет полярным исследователем. Она сама читала книги о полярных экспедициях. Люди, отправлявшиеся за Полярный круг, часто исчезали бесследно...

«Не надо ничего говорить ей до поры до времени, —

решил Руал. — Вот когда я вырасту, стану самостоятельным... Сейчас пусть думает, что я буду доктором. А самому необходимо готовиться».

Так на два русла разделилась жизнь юного Руала Амундсена.

По-прежнему он учился, как и все мальчики: аккуратно ходил в школу и не всегда получал хорошие отметки, хотя мать и учителя считали Руала прилежным учеником. Но он отдавал ученью только самое необходимое время. А исподволь готовился к опасным путешествиям по неизведанным полярным странам.

Генрик Петерсен, верный и преданный товарищ по школе, мечтал вместе с Руалом о том, как они сделаются моряками. В первые дни, когда Руал решил стать полярным исследователем, он очень хотел поговорить об этом с Генриком. Но Генрик часто бывал у них, он мог забыться, заговорить при матери о тайных планах Руала. Все открылось бы, и мать снова начала бы волноваться и плакать. Нет, лучше молчать. Не говорить никому! Недаром есть норвежская пословица: «Настоящее большое дело делается втайне».

Итак — тайна! Он сам в одиночку будет готовиться к великим завоеваниям. Он поставит себе цель, ясную цель, и будет к ней стремиться.

Книга о путешествии Джона Франклина стала любимой книгой Руала. Он не расставался с нею и всегда носил ее в ранце между учебниками. Но книга библиотечная. Ее пришлось вернуть. Тогда он купил себе такую же, чтобы она всегда была с ним. Руал вырезал из книги портрет Франклина, вставил его в рамку и повесил у себя над столом, чтобы великий путешественник, погибший во льдах, всегда был перед его глазами.

Дни шли за днями, недели за неделями. Руал с головой погрузился в книги о путешествиях.

Тысячелетия прошли, как люди начали плавать по морям и океанам. А все-таки Земля и до сих пор еще мало исследована. Никто не знает, что находится на Северном и Южном полюсах, никто не знает, можно ли пройти на корабле вдоль северных берегов Америки из Атлантического океана до Берингова пролива или вдоль северных берегов Европы и Азии от Белого моря

до того же Берингова пролива. На географической карте все, что лежит за Полярным кругом, обозначено белыми пятнами.

Да и вообще совсем-совсем недавно почти весь земной шар был сплошным белым пятном.

Только четыреста лет назад каравеллы Христофора Колумба впервые пересекли Атлантический океан.

Несколько лет спустя Васко да Гама ощупью прошел вокруг Африки, а другой путешественник, Америго Веспуччи, первым из европейцев описал берега Америки.

А таинственные области вечных льдов на севере и юге долго еще были скрыты покровом неизвестности.

Два века назад корабли Кабота, Баренца, Гудзона и многих других путешественников робко приблизились к кромке вечных льдов и отступили, чувствуя себя бессильными.

И лишь в XVIII и в первой половине XIX века, отыскивая новые торговые пути и неудержимо стремясь к знаниям, люди начали проникать все дальше и дальше в область вечных льдов.

Много труда на освоение Севера положили русские. Уже с XVII века русские рыбаки и зверобои промышляли на Шпицбергене, известном у них под именем Груманта. В XVIII веке русские прожили на острове несколько лет, построили там избу, которая сохранилась до сих пор. На острове поставлено несколько крестов — знаки их пребывания. Еще раньше русские освоили остров Новую Землю, где промышляли не только летом, но и не раз зимовали. Много сил отдали они также изучению северных берегов Сибири и прилегающих островов.

Выполняя завет беспокойного царя Петра Первого, лелеявшего мечту о «дороге через Ледовитое море в Китай и Индию», вела работу Великая Северная экспедиция. Она исследовала все побережье Полярного океана и нанесла на карту границы России на огромном протяжении, от Белого моря до устья Колымы.

Так постепенно моряки-исследователи и моряки-промышленники проникают в полярные страны. Они терпят лишения, многие из них гибнут, но мало-

помалу срывается таинственная завеса с таинственных стран.

И, погружаясь в книги, Руал Амундсен узнавал все ближе и ближе этих отважных людей.

Кто они? Чем они отличаются от других?

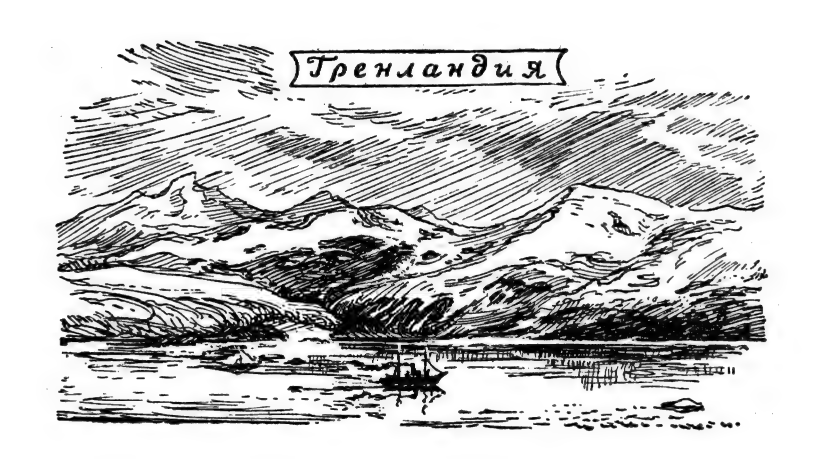
Они смелы. Они решительны. Они выносливы и неприхотливы. У них железное здоровье. Они не боятся лишений, голода и даже смерти. Их воля крепка как сталь. И невольно Руал сравнивал себя с ними.

Что он собою представляет? Он изнежен, боится холода. Здоровье? Где у него здоровье? Он такой же, как все мальчики, которые хотят стать докторами, адвокатами, бухгалтерами. Даже глаза у него побаливают от постоянного чтения по ночам.

Воля? Нет у него воли: сегодня он решает одно, а при первом же препятствии отступает.

Знания? Нет у него и знаний, чтобы по-настоящему работать. А все великие путешественники — он это теперь знал — были и большими учеными.

Здоровье, воля, знания!.. Руал все взвешивал, обсуждал. Да, много надо работать, чтобы приготовить себя к будущим трудам и лишениям. Мало-помалу мальчик представлял себе тот образ, на который он, Руал, должен был походить, чтобы называться полярным исследователем. А им он будет. Он станет полярным путешественником и откроет тайны Севера.

ЧЕЛОВЕК СИЛЬНОЙ ВОЛИ

Все как будто шло по-старому. Каждое утро с сумкой, набитой учебниками, Руал ходил в школу, отвечал уроки учителям, старался всегда быть ровным и спокойным. Только во время перемен он уже никогда не оставался в душном классе, а бежал на широкий двор и там возился с товарищами. Прежде он не любил футбол, а теперь пристрастился к нему и хоть пять минут, хоть десять, а играл напористо, с увлечением. Футбол лучше всякой другой игры укрепляет мускулы ног, а крепкие ноги особенно нужны полярному путешественнику.

По-прежнему он много читал. Но и читал не так, как раньше. Он завел особую тетрадь и заносил в нее все, что полярные исследователи писали об экспедициях: об одежде, обуви, снаряжении, необходимом при походах через льды. У Руала было записано, чем питались путешественники, на чем везли свое снаряжение, как вели научные наблюдения.

Кропотливые записи росли строчка за строчкой. Эта тетрадь стала самой большой ценностью Руала.

Между тем наступила зима. В усердных за-

нятиях Руал почти не замечал, как бежало быстроногое время.

Время тянется долго только для ленивых и нетерпеливых.

С конца ноября горы вокруг Христиании покрылись снегом.

За окном своей комнаты, на раму с наружной стороны, Руал приделал термометр. Морозы стояли небольшие — в пять-шесть градусов. Лишь однажды термометр показал двенадцать градусов. «Ого, сегодня холодно, — решил Руал, увидав, как упала ртуть в градуснике, — надо одеться потеплее». И тут у него мелькнула мысль: «Это же совсем пустяковый мороз против тех, что там, за Полярным кругом. Какой же я полярник, если боюсь двенадцатиградусного мороза? Я должен приучить себя переносить такой мороз незаметно».

И с этого утра Руал начал приучать себя к морозам.

Всю зиму он ходил в школу в легкой куртке и без перчаток. Утром и вечером обливался холодной водой со снегом. Он должен был сделать свое тело сильным и выносливым.

Как-то ночью, готовясь ко сну, он подошел к своей постели, снял одеяло, поправил простыню и подушку. «А как придется спать т а м? — мелькнула у него мысль. — Т а м ведь не будет ни подушек, ни матраца, ни простыни. Я привык спать в тепле и с удобствами».

Он тихо вышел в переднюю, чтобы не разбудить мать, снял с вешалки свое теплое пальто и положил его поверх одеяла. Потом он открыл окно — холод хлынул в комнату. Руал торопливо потушил лампу, разделся и юркнул под одеяло. «Вот так... хоть сколько-нибудь похоже на т е ночевки». Из-под одеяла торчал только его нос.

Так с открытым окном проспал он первую ночь.

Рано утром мать постучала к нему.

— Руал! Почему так дует из-под твоей двери?

Руал быстро вскочил с кровати, и холод тотчас пронизал его до костей.

— У меня открыто окно, мама.

— Затвори сейчас же. Что это за выдумки! Вся квартира выстыла.

Захлопнув окно, Руал стал одеваться, дрожа от холода. «Я не имею права мерзнуть. Я не должен мерзнуть. Мне тепло!» — убеждал он себя, стараясь побороть дрожь.

За завтраком мать, кутаясь в теплый платок, сердито выговаривала ему, что нельзя так вымораживать квартиру. Руал, улыбаясь, отмалчивался. А вечером, перед сном, прежде чем отворить окно, он положил под дверью коврик, свернутый трубкой, чтобы холод не проходил в другие комнаты.

Утром мать опять заметила: из комнаты Руала дуло, как со двора.

— Почему ты отворяешь окно на ночь?

— Я хочу привыкнуть к холоду. Холод укрепляет.

— Ты же простудишься!

— Нет, я хочу закалить себя.

Мать сердилась, уговаривала его прекратить «чудачества». Но Руал стоял на своем: всю зиму его окно открывалось на ночь. Он стал замечать, что ему уже не так холодно, как в первые ночи.

«А как передвигаются там путешественники? — пришло ему однажды в голову. — Конечно, только на лыжах». А разве он не сможет научиться хорошо ходить на лыжах?

И Руал решил сделаться лучшим лыжником в Христиании.

На первые же деньги, полученные им от матери, он купил лыжи, и началась увлекательная работа. Для Руала это был не спорт, а именно работа.

Неуклюже ходил он первые дни, лыжи не слушались его, Руал падал, ушибался. Но чего не сделает человек, если захочет!

Он пользовался каждым свободным часом. И скоро заметил, что лыжи начинают ему покоряться. Он стал ходить уверенней, присматривался, как двигаются опытные лыжники, как опираются палками, как легко, будто без всяких усилий, бегут по снежной равнине, взбираются на холмы, летят с гор, как птицы.

В свободные дни, с мешочком за плечами, он с утра отправлялся на лыжах в горы и возвращался только поздно вечером, уставший, но довольный своими успехами.

К апрелю Руал уже был настоящим лыжником. Он мог пройти без отдыха два десятка километров.

„НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ"

В конце зимы 1888 года Руал зашел в библиотеку, чтобы прочитать в журналах новости о путешествиях, и вдруг увидел статью «На лыжах через Гренландию».

У Руала задрожали руки. «Гренландия? Лыжи?» Вот куда бы он отправился с восторгом! С волнением принялся он читать статью. Молодой ученый Фритьоф Нансен собирался пройти на лыжах через ледники Гренландии! На корабле он дойдет до восточного берега этого мертвого острова, на лодке пробьется через плавучие льды, что окружают берег, поднимется на ледник и на лыжах пройдет через всю Гренландию до местечка Готгаб на западном берегу.

Несколько минут Руал сидел ошеломленный.

Вот это путешествие! Пока он, Руал, мечтает о дальних краях, его земляк Нансен уже готовится к походу через недоступную, неизведанную Гренландию.

Кто такой Нансен?

В статье о нем не было ни слова.

Руал подошел к библиотекарю.

— Скажите, пожалуйста, где можно прочесть о Нансене?

Библиотекарь взглянул на Руала и улыбнулся.

— Ага, и вас захватило? Вы тоже не прочь отправиться с ним в поход?

Руал вспыхнул от смущения: библиотекарь будто прочел его сокровенные мысли.

— К сожалению, я еще не вырос, чтобы пуститься в такой путь, — скромно сказал он.

— Жалеть нечего. Нансен затеял безумное предприятие. Прочтите-ка вот это.

И библиотекарь подал Руалу тоненький юмористический журнал, услужливо развернув нужную страницу.

Руал прочел:

«В июне нынешнего года лаборантом Нансеном будет дано замечательное представление: бег на лыжах по материковому льду Гренландии. Места для публики устроены в трещинах ледников. Брать обратные билеты излишне».

Тут же была картинка: среди ледяных гор лежит длинноногий человек с привязанными к ногам лыжами. Он замерз, его заносит снегом.

Руал нахмурился. Насмешка его обидела.

— Я хотел бы прочесть что-нибудь более серьезное, — сказал он, возвращая журнал.

— Вам, я вижу, это не нравится, — рассмеялся библиотекарь. — Но в самом деле затея Нансена похожа на безумие. Мало кто пишет об этом деле серьезно. Впрочем, можете прочесть вот эти газеты.

В газетах сообщалось, что молодой ученый Нансен живет в Бергене... Ага, он уже подбирает себе спутников! Ему нужны три человека, привыкшие к полярным путешествиям. «А что, если я напишу ему?» — подумал Руал, и от одной этой мысли у него похолодели руки.

Но тотчас же он прикинул: ему еще не было шестнадцати лет (он родился в 1872 году, 16 июля), он никогда не путешествовал не только по полярным странам, а даже просто по океану.

В тот памятный вечер он просидел в библиотеке до ее закрытия, перечитывая газеты и журналы, в которых говорилось о Нансене. Руал увидел, что большинство

авторов не верит в затею Нансена — называет ее вздорной, и сердился на них. Но в двух-трех статьях планы Нансена хвалили и одобряли.

С этого дня Руал напряженно следил за всеми приготовлениями к походу. Газеты сообщали: поход, очевидно, состоится — Нансен нашел трех спутников. Спутники Нансена — норвежцы: капитан Свердруп, лейтенант Дитрихсен и молодой крестьянин Тран. Кроме них, поедут еще два лапландца.

В яркий апрельский день Христиания провожала Нансена и его друзей. Вся набережная была запружена нарядными толпами. Суда в порту украсились разноцветными флагами. Наконец показался Нансен. Он шел с непокрытой головой сквозь толпу.

Руал стоял возле самых мостков. Жадными глазами смотрел он на отважного путешественника, кричал «ура» и размахивал шляпой. Когда пароход, на котором уезжал Нансен, отошел от пристани, во всем порту загудели гудки судов и на всех мачтах взвились флаги: «Счастливый путь!» С крепостных стен прогремел пушечный салют. Огромная толпа на набережной запела гимн: «Да, мы любим эти скалы».

Пароход миновал старые стены крепости, висячий мост и скрылся за поворотом канала. Толпа начала расходиться. Руал ушел с набережной последним.

Теперь его утро начиналось с газеты: «Нет ли вестей о Нансене?»

А вести были скупы. Нансен прибыл к Копенгаген, Нансен выехал в Шотландию, Нансен едет в Исландию, чтобы сесть на корабль «Язон», который доставит путешественника к восточному берегу Гренландии. В начале июня промелькнула последняя короткая заметка: «Нансен и его спутники сели на «Язон» и отправились в океан».

А затем начались мучительные дни. Два месяца в газетах не было никаких сведений о Нансене. Руал напряженно ждал вестей. Газеты молчали. Наконец, уже в сентябре, появилось короткое сообщение: «В середине июля Нансен и его спутники в двух лодках отправились с «Язона» на берег Гренландии через плавучие льды».

И снова потянулись дни ожидания.

Месяц спустя пришла новая весть: «Экспедиция Нансена благополучно перешла на лыжах через ледяные пустыни Гренландии и осталась зимовать на западном берегу, в местечке Готгабе, куда корабли ходят только летом».

Это известие Руал прочел в газете утром по пути в школу. Он хотел бежать назад, домой, чтобы немедленно сообщить матери об этом величайшем событии. Но вернуться домой — значит опоздать на уроки. Нет, этого делать нельзя. Он побежал в школу. Размахивая газетой, он ворвался в класс:

— Нансен перешел Гренландию! Ур-ра!..

Во всех норвежских газетах и журналах появились восторженные статьи о Нансене. Руал каждый вечер приходил в библиотеку. Тот же библиотекарь, который недавно еще посмеивался над Нансеном, теперь говорил льстиво:

— Нансен? О, да! Фритьоф Нансен — наш герой.

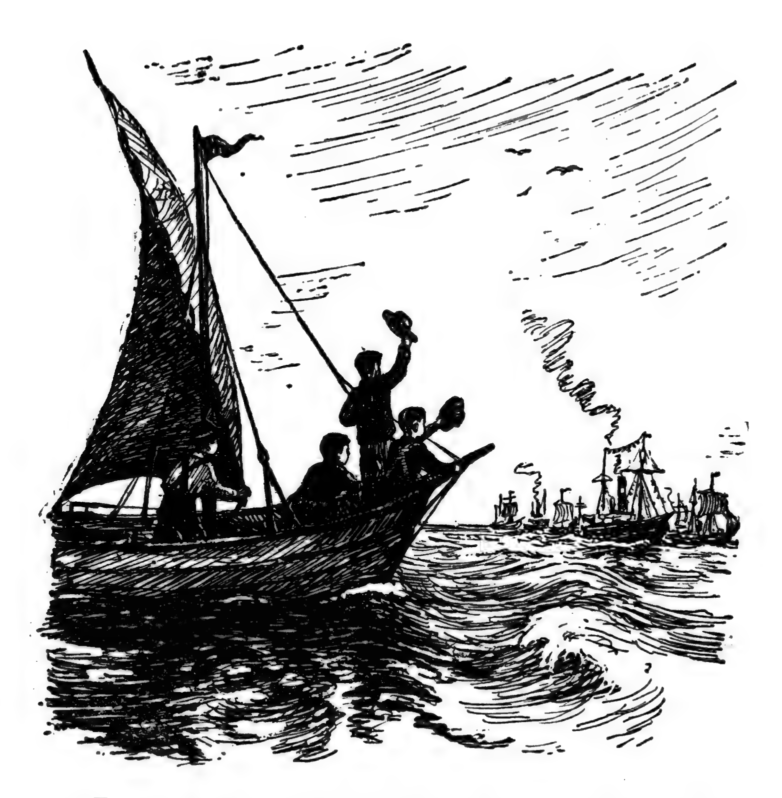
И газеты, ругавшие и поносившие сумасбродные «затеи» Нансена, сейчас пели ему гимны.

В журналах появились портреты Нансена, его отца и матери, снимки домика, в котором он жил, училища, в котором учился. Вот Нансен-мальчик. Белокурые подстриженные волосы, такая же курточка, какую носил в детстве и Руал. Нансен увлекается охотой, он любит рыбную ловлю. Газеты наперебой сообщали различные события из жизни Нансена. «Однажды маленький Фритьоф пошел ловить рыбу. Клев был богатый, и скоро в корзине-садке плескалось десять больших рыб. Фритьоф заторопился и, закидывая удочку, взмахнул леской так неудачно, что крючок впился в его верхнюю губу. Нестерпимая боль заставила его ухватиться обеими руками за крючок. Он попробовал вытащить его. Крючок держался крепко. Тогда Фритьоф с крючком в губе побежал домой. Кровь заливала его куртку. Мать встретила его испуганным криком:

— Что с тобой?

— У меня в губе крючок, — стараясь быть спокойным, ответил Фритьоф.

Мать попыталась вытащить крючок. Он не выле-

зал. Тогда она взяла острый нож, разрезала кожу на губе и вытащила крючок. Фритьоф не кричал, не плакал и как будто даже не волновался».

«А если бы со мной это случилось? Заплакал бы я? — спросил себя Руал. — Пожалуй, заплакал бы. А мама?.. Она, наверное, кричала б от страха».

Еще писали газеты: в детстве и юности Нансен увлекался лыжным спортом. Сейчас он ходит на лыжах так, что немногие сумеют его перегнать. Издавна готовясь к далеким путешествиям, он закалял себя постоянными упражнениями.

Это обрадовало Руала. И он делал как раз то же самое, что и Нансен. Значит, путь его правильный. Когда-нибудь и он также совершит большое путеше-

ствие в полярные страны. И вся Норвегия будет так же гордиться им, как сейчас гордится Нансеном.

Приближался май 1889 года. Страна готовилась встречать Нансена. Зиму Нансен провел в Готгабе и в апреле выехал на родину. Его ожидали тридцатого мая. Вся Христиания с утра вышла его встречать. Берега фиорда, стены старой крепости, висячий мост через канал — все было усеяно народом. Сотни судов и тысячи лодок отправились навстречу пароходу, который вез Нансена и его спутников.

Руал и три его товарища вышли в лодке далеко в море. Их опередили только пароходы и большие ёлы. Но вот вдали забелел пароход. На всех паровых судах загудели гудки, и на мачтах взвились разноцветные флаги: «Добро пожаловать!» Руал впился глазами в пароход. Там, на баке, возле сигнального колокола, стояла небольшая группа людей: четверо высоких и двое маленьких.

Лодка с мальчиками встала на пути парохода. Забыв обо всем, они бросили весла, неистово закричали и замахали шляпами.

Нансен, — Руал сразу узнал его, — поднял над головой шляпу и ответил на горячее приветствие.

— С ними женщины, — сказал Петерсен, сидевший у руля, и показал на маленьких спутников Нансена.

— Это не женщины. Это лапландцы Балто и Равно, — объяснил Руал (из газет и журналов он знал по имени каждого участника экспедиции).

Пароход медленно шел к пристани. Длинным хвостом тянулись за ним лодки и ёлы. Со стен крепости загрохотали пушки — приветственный салют отважным путешественникам. Толпа на берегу пела песни, кричала «ура».

Руал, изо всех сил работая веслами, старался не отставать от парохода. Он греб, кричал, пел, и глаза его светились счастьем.

До поздней ночи тысячи людей толпились у дома, где остановился Нансен. Руал, конечно, был в этой толпе и не мог уйти. Время от времени Нансен выходил на улицу. Его встречали громогласным «ура». Он был истинным народным героем.

ПЕРЕЛОМ

Неторопливо потянулись студенческие годы Руала Амундсена. По настоянию матери он изучал медицину. Но тайно по-прежнему готовился к полярным исследованиям. Он пользовался каждым свободным часом, чтобы ходить на лыжах. Зима в Норвегии длинная — она тянется с ноября по апрель. Молодой Амундсен стал опытным лыжником. Его успехи были не совсем обыкновенны.

Он свободно проходил за день пятьдесят километров, мог легко взбираться на горы и в беге на лыжах завоевал первенство. Летом Амундсен увлекался греблей и футболом. Это был верный путь к укреплению здоровья. А ночью Руал читал книги, изучал языки. Он научился говорить по-немецки, по-французски, по-английски.

Так прошло два года его студенческой жизни. Оставалось еще три года до окончания университета. Он мечтал о том дне, когда получит диплом доктора, и тогда... тогда он скажет матери правду. Зачем ее тревожить сейчас? Ведь не завтра же поедет он в полярные страны. Время еще терпит.

Вот если бы ему стать таким, как Нансен! Но он будет таким же.

В эту зиму все норвежские газеты опять заговорили о Нансене. Он собирался в новую экспедицию — к Северному полюсу.

К полюсу! К полюсу! Сердце Амундсена сжалось. Ведь это то, о чем он тайно мечтал. А газеты трубили вовсю. Теперь ни одна из них не осмеливалась сомневаться в Нансене, никто не пытался критиковать его замыслы.

Нансен строит корабль небывалой формы. У корабля нет киля, днище у него полукруглое, как половина яйца. Если его сожмут полярные льды, он поднимется вверх, а не будет раздавлен, как знаменитая «Жаннета».

Руал уже читал о трагической судьбе «Жаннеты» и ее командира де Лонга. Корабль затерло льдами у берегов Восточной Сибири. Экипаж покинул его. Льды потащили «Жаннету» к полюсу, раздавили ее, и обломки корабля были найдены на берегах Гренландии пять лет спустя.

Нансен недаром думал о «Жаннете», когда строил свой корабль. Гибель «Жаннеты» и дрейф ее обломков подтверждали многочисленные наблюдения полярных путешественников. Они не раз встречали у восточных берегов Гренландии вмерзшие в лед сибирские сосны, ели, лиственницы. Их вынесли в холодный океан сибирские реки — Обь, Енисей, Лена. Деревья были захвачены ледовым течением и вместе со льдами пришли в Гренландию.

Значит, льды не стоят на месте, а движутся. Очевидно, на полюсе нет земли, там вечно движущееся ледяное поле. А может быть, и открытая вода.

И Нансен решил на своем корабле повторить путь сибирских сосен, лиственниц и обломков «Жаннеты». На своем корабле он вмерзнет в лед и вместе с ним проплывет через полюс к берегам Гренландии.

Смелый план Нансена потряс Руала. Вот как надо работать и мыслить! Смелость, широта взгляда, остроумие! Тысячи людей знали о том, что льды приносят сибирские деревья к берегам Гренландии, знали, что

обломки «Жаннеты» сделали тот же путь, что и деревья; знал об этом и сам Руал, но только Нансену пришла в голову великая мысль проплыть со льдами через полюс.

Осенью корабль был закончен и спущен на воду. Имя ему дали «Фрам», что по-норвежски значит: вперед!

Имя было под стать творцу корабля. Оно хорошо сочеталось с именем человека, ставшего национальным героем Норвегии. Вперед! К полюсу!

В конце 1892 года Нансен поехал в Англию. Ему надо было узнать мнение специалистов о плане его экспедиции. Руал мысленно был с ним. Нансен сделал доклад в Лондоне в Географическом обществе в присутствии многих полярных путешественников. И... план Нансена был отвергнут. Известный путешественник Мак-Клинток заявил, что никогда в Географическом обществе не обсуждалось столь безрассудного по своей смелости плана.

— Судно будет неизбежно раздавлено льдами! — заявили специалисты.

Адмирал Нерс сказал просто:

— Северного полюса достичь нельзя!

Руал возмущался. Ведь все так ясно, просто, остроумно. Может, англичане говорят так из зависти?

Он страдал, должно быть, больше, чем сам Нансен. Он боялся, что Нансен отступит... откажется от своего плана. Тогда... Что тогда? Тогда сам Руал возьмется осуществить его. Как это прекрасно: пройти через полюс на корабле!

Но Амундсен волновался напрасно. Прием в Лондонском географическом обществе не смутил Нансена. Вернувшись в Норвегию, он с новой энергией принялся за подготовку экспедиции. Он решил довести свой план до конца.

Отплытие «Фрама» было назначено на иванов день — 24 июня 1893 года. Этот день считается в Норвегии народным праздником. Еще накануне Руал приехал из дому к бухте Люзакер, где стоял «Фрам». Одиноко бродил он по набережной, издали посматривая на корабль. Как жаль, что он не мог поехать с Нансе-

ном! Он молод... неопытен... Нет, он уже не был бы обузой для экспедиции. Он многому научился, многое знает. Но мать... Что сказала бы она?

В ночь на 24 июня начался праздник: на горах загорелись костры, повсюду зазвучали песни. Молодые и старые плясали и пели. А Руал печально бродил среди веселящихся людей. Да, он завидовал. Завидовал Нансену, завидовал тем, кто завтра поедет на «Фраме» к полюсу.

Так прошла бессонная ночь и наступил день. С утра накрапывал дождь. Но все набережные у бухты Люзакер были полны народу. Нансен вышел из дверей своего дома. Его провожали жена с маленькой дочкой на руках и тысячи восторженных людей. Они верили Нансену, верили в успех экспедиции. Нансен простился с провожающими, сел в маленький катер и понесся по бухте к «Фраму». Вслед кричали «ура», гремела музыка. Вот катер остановился возле «Фрама», и Нансен поднялся на палубу. Корабль расцветился флагами и двинулся из бухты к морю. Вскоре сетка мелкого дождя скрыла корабль. Но Руал Амундсен еще долго всматривался в серую, неясную даль.

Сколько же ему еще ждать? Два года, три, четыре? Он возвращался домой угрюмый, угнетенный. Ему почему-то долго не открывали дверь. Он звонил, ждал... Вот сейчас загремит засов, покажется бледное лицо матери — она всегда встречала его сама. Но дверь открыла пожилая женщина, соседка Марта.

— А где мама? — удивленно спросил он.

Марта смутилась, голос ее был едва слышен:

— Она лежит... заболела.

Руал торопливо разделся, побежал в комнату матери. Она лежала с закрытыми глазами. Лицо ее пылало. У изголовья сидел старый доктор Леви. Он поднял руку, требуя тишины, и Руал послушно спросил шепотом:

— Что с ней?

Старик ничего не ответил, тяжело поднялся с места, взяв Руала за руку, увел в соседнюю комнату.

— Вероятно, она больна уже давно... но перемогалась. Болезнь подкосила ее сразу.

Когда они вернулись к больной, хмурый доктор Леви наклонился над ней, тронул ее веки, искоса взглянул на Руала и покачал головой, будто хотел сказать: «Дело совсем плохо». Руал сел у ног матери. Он глядел на нее, не мигая, не понимая, что происходит. В комнату тихо входили какие-то женщины — наверное, это были соседки, услыхавшие печальную весть. Он никого не узнавал, не слышал их шепота, вздохов, всхлипыванья. Доктор Леви вышел в соседнюю комнату и поманил за собой Руала. Здесь уже стояли брат Леон, его жена, тетка Улава Кристенсен, какие-то люди. Они молча здоровались с Руалом, говорили шепотом.

Руал подошел к окну. Летняя ночь была полна тревожной тишины, будто и она трепетно ждала: умрет или не умрет мать Руала Амундсена...

Мать умерла к утру.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Смерть матери ошеломила Руала. Недели две после ее похорон он не находил себе места, тяжелая тоска сдавливала его сердце. Он ощущал вокруг себя пустоту, которую ничем нельзя было заполнить. Из его жизни ушел человек, который нежно любил его, заботился о нем... И вот теперь он остался один.

Его угнетало одиночество, пустые, безжизненные комнаты, могильная тишина в доме. Все валилось из рук. Но надо было ходить в университет, слушать лекции...

Для чего это ему сейчас? Ведь он же никогда не будет доктором. После недолгого раздумья Амундсен подал заявление, где писал о том, что прекращает занятия.

Он знал, что вслед за этим последует обязательная воинская повинность. Пока он был студентом, ему полагалась отсрочка. Однако Амундсену самому хотелось поскорей попасть в армию, тем более, что военная служба длилась тогда недолго — всего лишь несколько недель. Она не могла оторвать его от намеченных целей.

С готовностью, но и с некоторым страхом пошел он в призывную комиссию. Примут ли его, или скажут «не годен»? У него было слабое зрение. Он читал ночами напролет, испортил глаза, и врач предписал ему носить очки.

Амундсен отказался от очков в надежде, что зрение исправится. Ведь у путешественника должно быть острое зрение.

Но при тщательном осмотре близорукость откроется, и его могут забраковать. С бьющимся сердцем Амундсен подошел к столу главного врача воинского управления. Сейчас решится его участь: годен или не годен?

Рядом с ним стояли его сверстники, раздетые догола.

Врач, окинув Амундсена с головы до ног быстрым взглядом, вдруг поднялся, подошел к нему и сказал:

— Повернитесь-ка, молодой человек!

Амундсен повиновался.

— Прекрасно, прекрасно, молодой человек! Великолепная мускулатура. Отличное сложение!

Он пощупал руки и ноги Руала: они были тверды, как железо. Доктор несколько раз обошел вокруг него, любуясь его фигурой. Наконец он спросил:

— Как это вам удалось развить такую мускулатуру? Передо мной каждый год проходят тысячи новобранцев, но я ни разу не видел такой великолепной фигуры.

— Я занимаюсь физическими упражнениями, — ответил Амундсен.

— И давно?

— Уже шесть лет.

— А какими именно?

— Лыжи, футбол, гребля, бег, ходьба.

Доктор подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, и крикнул:

— Пожалуйте-ка сюда, господа, полюбуйтесь новым чудом.

В приемную вошли офицеры, члены комиссии.

— Вот вам образец человека, который сам сделал себя богатырем, — сказал доктор.

Офицеры осмотрели Амундсена и тоже рассыпались в похвалах. Восхищенный доктор забыл даже освиде-

тельствовать зрение новобранца, и Руал был принят на военную службу.

С рвением занимался Амундсен военным строем и гимнастикой, стоял на часах, совершал переходы по горам. И здесь впервые понял, как далеко опередил он своих товарищей. Он был сильнее всех в роте, выносливее и легко переносил все солдатские тяготы.

На рождество молодые солдаты были отпущены домой. Военная служба не представляла для Амундсена серьезного испытания. Он надеялся, что она будет более тяжелой, он хотел испытать такие трудности, которые хоть немного походили бы на те, что переживали полярные путешественники.

Зима в том году была суровая, с вьюгами и морозами. Амундсен был рад такой зиме: она напоминала ему о вьюгах и морозах, которые были там, в полярных пустынных странах.

«А что, если побывать в эту зиму где-нибудь в ледяной пустыне? Как я буду там себя чувствовать?»

Время у него есть. Он мог бы уехать куда-нибудь на две недели. Но где в Норвегии найдешь ледяную пустыню? Ба! А Хардангерское плоскогорье? Чем не пустыня? Если его пересечь с востока на запад, это будет Гренландия, только, конечно, раз в тридцать-сорок поменьше.

Амундсен припомнил все, что слышал и читал об этом плоскогорье.

Оно лежит высоко над уровнем моря. На плоскогорье постоянно дуют холодные ветры. Зимой там никто не бывает, лишь летом иногда заходят пастухи и охотники. Да, зимой у плоскогорья было много общего с полярными странами. Перейти через плоскогорье — значит узнать в какой-то мере, какие трудности переносят полярные путешественники. Только одному пуститься в такой путь нельзя. Для этого похода нужен верный товарищ. Мало ли что может случиться! А кого же взять? Он перебрал в памяти всех друзей. Приглашал одного, другого. Никто не решался идти в такое трудное и опасное путешествие. Наконец Руал обратился к старшему брату Леону, лейтенанту запаса, и тот согласился.

Братья готовились к этому путешествию так тщательно, будто это был настоящий полярный поход. Руал впервые использовал на практике накопленные им книжные знания. Они начали свой путь прямо из Христиании, откуда вышли на лыжах ранним утром и к вечеру второго дня добрались до маленькой усадьбы Муген, лежавшей на восточной стороне плоскогорья. Усадьба представляла собой небольшой домик со службами. Прямо за домиком шел подъем на плоскогорье, а внизу простиралась долина, разукрашенная синеватыми узорами лесов.

Молодых путешественников встретил старик, владелец усадьбы Муген. Он повел их к дому. Два сына старика, их жены и жена хозяина удивленно смотрели на незнакомых молодых людей. Зачем они сюда пожаловали, да еще в такую пору, когда к усадьбе нет ни прохода, ни проезда? Приход их вызвал подозрения — с добром ли они явились?

Братья попросили разрешения переночевать. Хозяин поколебался мгновенье, но пригласил их в дом. Скоро на очаге закипел кофе, стол был накрыт, и все сели за ужин. Старому хозяину, его сыновьям и особенно женщинам хотелось поскорей узнать, зачем пришли к ним эти люди.

— Куда же вы направляетесь? — осторожно спросил старик.

Руал ответил просто:

— Мы хотим пройти к усадьбе Гарен. Вы знаете такую усадьбу? Она лежит на восточной стороне плоскогорья.

Старик и его сыновья засмеялись: они думали, что Руал шутит.

— Как можно пройти по ледяным горам зимой, когда там даже летом никто не проходит? Нет, вы скажите правду: зачем пришли сюда?

— Я говорю правду, — нахмурился Руал.

Старик испытующе посмотрел на него и покачал головой.

— Вам что же, жить надоело? Вы там заблудитесь, замерзнете, попадете в пропасть. Мы-то знаем эти места вдоль и поперек: там ходить опасно.

— Все-таки мы пойдем.

— Сколько же времени вы намерены там пробыть?

— Думаю, мы пройдем через все плоскогорье в два дня. От вашей усадьбы до усадьбы Гарен всего сто километров. Этот путь мы легко осилим.

— А где вы переночуете?

— В снегу. У нас есть спальные мешки.

Старик покачал головой.

— Рискованное дело. Конечно, желаю, чтобы вы благополучно дошли, только что-то плохо этому верю. А в снегу я вам ночевать не советую. Как раз на полдороге стоит пастушья хижина. Найдите ее и в ней переночуйте. Там есть дрова. По крайней мере не замерзнете.

Сыновья старика и женщины слушали этот разговор с испугом: они считали братьев безумцами. Трудно было понять, зачем они, образованные, здоровые, молодые люди, идут на явную смерть.

После ужина все улеглись спать. Гостям отвели место у камина — самое теплое и почетное: «пусть поспят... перед смертью».

Братья решили выйти как можно раньше. Но еще до рассвета началась метель. Снег крутился вихрем — в двух метрах ничего не было видно. Идти в такую метель было рискованно и опасно. Путешественники решили переждать. Однако прошел день, два, три, пять, а метель не прекращалась. Только в ночь на девятые сутки ветер, наконец, утих, и братья тронулись в путь. Старик и два его сына пошли проводить их вверх по долине до того места, где начинался подъем на плоскогорье. По дороге они еще раз пытались отговорить путешественников от безумной затеи.

— Вот видите, восемь дней дула метель. Она может повториться, вы заблудитесь и погибнете.

— Не погибнем! — бодро ответил Руал.

Старик покачал головой. Он указал на едва заметную, занесенную снегом выемку, что извивалась между оледенелыми скалами.

— Идите здесь, это самый лучший подъем. А наверху придется идти уже по компасу: там никаких дорог нет.

Путешественники сердечно простились с гостеприимными хозяевами и пошли по тропке. Подъем был крут. Они двигались медленно. Старик и его сыновья махали им снизу шапками, желая счастливого пути. Голоса их становились все глуше и слабее. Целых два часа братья одолевали «самый лучший подъем» и, наконец, осилили его.

Открылся великолепный вид на долину. Далеко внизу лежали синие пятна леса и селений. Низко над горами висели белесые зимние облака. Руал развернул карту, вынул из кармана компас, показал брату:

— Сейчас мы вот здесь, а идти нам надо так. Вот тут приблизительно будет и хижина. Главное — не сбиваться с пути, не терять времени, идти прямо к хижине.

Они вскипятили на спиртовке кофе, позавтракали и двинулись в путь. У каждого за спиной висел спальный мешок из оленьих шкур, сумка с провизией и маленькая спиртовая лампа. Съестные запасы состояли из галет, плиток шоколада, небольшого количества масла и бутербродов.

Окинув взглядом долину, братья повернулись и, оттолкнувшись палками, заскользили по снегу. Он плотно укрывал небольшие однообразные холмы Хардангерского плоскогорья. Руал шел впереди, время от времени проверяя путь по компасу. Путники то поднимались на холмы, то спускались вниз, в небольшие долинки. Снег мягко скрипел под лыжами, братья быстро продвигались вперед. Но зимний день короток, близились сумерки, а кругом были все те же однообразные холмы, те же долины, и низко висели белесые облака.

Старший брат затревожился:

— Найдем ли хижину?

— Найдем, — твердо отвечал Руал. — Компас доведет.

Вот уже и совсем стемнело, а хижины все не видно. Только глубокой ночью путешественники наткнулись на нее. Братья радостно прокричали «ура». Но попасть в хижину оказалось не легко: она была занесена со всех сторон снегом, а окна и дверь забиты досками. Леон поднялся на крышу, пытаясь пробраться в хижину через трубу. Однако труба, также зало-

женная тяжелыми досками, была очень узка. Поднялся ветер, путники замерзали. С большим трудом, лыжами и палками, они отрыли снег от двери, а затем ножами вырвали из досок гвозди и вошли в хижину. За этой работой оба они отморозили пальцы.

В хижине лежали заготовленные дрова. Руал поднялся на крышу, убрал доски, закрывавшие дымоход. Леон развел в очаге огонь. Но дым валил в хижину, ел глаза.

Около двух часов ушло на то, чтобы растопить печь. Путешественники вконец устали, и только яркий

огонь ободрил и развеселил их. Они вскипятили кофе, согрелись и, закутавшись в спальные мешки, улеглись около очага.

Утром, едва забрезжил свет, они встали, полагая, что теперь их мытарства кончились, — им остается пройти только половину пути. К вечеру они доберутся до усадьбы Гарен. Братья не сомневались, что найдут ее, — ведь нашли же они эту одинокую хижину!

Но не радостно было утро: на дворе бушевала метель.

— Что же нам делать? — растерялся Леон.

— Делать нечего, — сказал Руал. — Будем сидеть и ждать, когда прекратится метель. Полярные путешественники должны быть терпеливыми.

Они обшарили всю хижину, заглянули под лавки и нашли в углу маленький мешок с ржаной мукой.

— Вот это пока и будет нашей пищей, — сказал Руал, — а запасы побережем для дороги.

Они растопили в котелке снег и сделали из муки жидкую кашицу. Невкусна была эта кашица, но полярный путешественник должен привыкать ко всему. Ели же спутники Франклина свои сапоги!

Два дня бушевала метель, и два дня братья сидели в хижине. На третий день метель утихла, и они пошли дальше.

С западной стороны плоскогорья есть только два удобных спуска: один спуск рядом с усадьбой Гарен, а другой — в пятидесяти милях от нее. Нужно было внимательно следить по компасу и по карте, чтобы точно выйти к намеченному пункту, — иначе собьешься с дороги, попадешь в пропасть, погибнешь. Руал поминутно развертывал карту и справлялся по компасу. Не успели они пройти и десяти километров, как повалил густой влажный снег. Карта размокла. Руал пытался сложить ее и спрятать, но она расползлась под руками. Пришлось ее бросить и ориентироваться только по компасу.

Сквозь пелену снега они смутно видели все те же невысокие холмы и все те же долины. А где-то за ними, далеко у обрыва плоскогорья, стояла усадьба Гарен.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Шесть часов шли они не останавливаясь. Стало смеркаться. Дальние холмы слились с небом. Надвинулась ночь. Ветер засвистал сильнее, снег плотной завесой падал со всех сторон — за три шага впереди ничего не было видно. Братья шли рядом, боясь потерять друг друга. Леон совсем выбился из сил, у него болели руки, отмороженные в тот вечер, когда они пытались открыть дверь хижины.

— Не могу больше идти, — в изнеможении сказал он.

— Что ж, будем ночевать здесь, в снегу, — предложил Руал.

Братья сняли лыжи, вытоптали маленькую площадку, поели немного галет и бутербродов, забрались в спальные мешки, не стряхнув снега с одежды, и закрылись с головой. Сумки с провизией они положили у ног и воткнули возле них лыжные палки.

А вьюга продолжала бушевать. Ночью снег на их одежде стал таять, и мешки промокли изнутри.

Среди ночи ударил мороз: мешки начали промерзать, холод дал себя почувствовать. Первым проснул-

ся Руал. В темноте он заворочался и вдруг понял, что совсем окоченел и не может разогнуться. С трудом повернулся он с боку на бок. «Так, пожалуй, я замерзну, — подумал он. — Не выпить ли спирту из лампы? Авось согреюсь». Лампа лежала у него в сумке с провиантом. Он вылез из спального мешка, нащупал лыжные палки, как раз возле них была положена и сумка. Руал вырыл одну ямку, другую, третью — его сумки не было. Он встревожился и разбудил брата.

— Послушай, где твоя сумка?

Леон вылез из спального мешка. Сумки его также не было. Целый час братья ползали в сугробах, разрывая снег руками. Холодный ветер пронизывал их до костей, и метель не прекращалась.

— Отыщем утром, когда рассветет.

Измученные, они опять забрались в мешки и без сна пролежали до рассвета. На рассвете они перерыли лыжами и палками всю площадку. Однако обе сумки с провиантом исчезли бесследно. Должно быть, их утащили лисицы.

— Ну что ж искать напрасно, — сказал Руал. — Пойдем так.

Братья переглянулись. Они понимали всю серьезность положения: если им не удастся выйти к жилью, они погибнут от голода и холода. Нельзя терять времени, надо идти немедленно, пока еще есть силы. Быстро собравшись, они встали на лыжи и, сверясь с компасом, пошли на запад, к усадьбе Гарен. Не прошли они и километра, как снова повалил густой снег. Они ничего не могли разглядеть впереди себя даже за несколько шагов.

«Куда мы идем? Может быть, мы уже подошли к спуску? Так можно слететь в пропасть и погибнуть», — думал каждый про себя.

— Послушай, Руал, — сказал Леон, — вернемся! Мы найдем хижину, отдохнем и пойдем назад, к усадьбе Муген.

Руал молчал. «В самом деле, спуск с плоскогорья в такую погоду найти невозможно. Возвращаться — обидно. Но идти вперед — безумие».

И он сказал коротко:

— Хорошо, вернемся.

Они повернули назад, в сторону хижины. Ночь была уже близка. А снег продолжал идти непрерывно. Воздух потеплел. Это испугало Руала — он знал, что предвещает это тепло: снег таял, едва коснувшись земли, и одежда их сразу промокла. В полной темноте они добрались до небольшой скалы и здесь укрылись от ветра.

— Давай выроем в снегу ямы, — предложил Руал, стараясь не терять бодрости. — В снегу будет теплее.

— Не могу, — простонал Леон. — У меня нет сил.

Он кое-как забрался в мешок и почти потерял сознание от слабости. А Руал лыжами и палками вырыл глубокую яму и улегся туда в спальном мешке. Он читал, что путешественники в полярных странах не раз спасались так от мороза и метелей. И в самом деле,

он довольно быстро согрелся и заснул, измученный дневным переходом.

Мокрый снег толстым слоем укрыл яму. Под утро ударил сильный мороз и сковал весь снег. Когда Руал проснулся, то почувствовал, что не может пошевелиться. Тело его окоченело. Руал сделал усилие, и промерзший спальный мешок затрещал.

«Что это? Я, кажется, вмерз в ледяную глыбу?» — подумал Руал, цепенея от ужаса. Он отчаянно пытался освободиться и не мог. Тогда он стал звать брата. Однако голос его был едва слышен, он угасал где-то рядом, возле рта. Так, вероятно, кричит в гробу заживо погребенный.

«Мы погибли», — решил Амундсен.

Ему представилось, что Леон тоже вмерз в снег и не может освободиться. От волнения он потерял сознание. Очнувшись, он мысленно приказал себе: «Прежде всего спокойствие. Не надо волноваться!» Он старался спокойно обдумать, как спастись, и тут услышал отдаленный крик: «Руал! Руал!» То кричал Леон. Руал пытался откликнуться, но брат не слышал его и кружил где-то около. Вдруг Леон заметил на снегу темное пятнышко — это были волоски шерсти от наружной поверхности спального мешка Руала. Леон копнул палкой и обнаружил, что под снегом действительно лежит Руал.

Смерзшийся за ночь снег был тверд как лед. Откопать и вытащить брата было не легко. Целых три часа понадобилось на то, чтобы освободить его из ледяной могилы.

ИХ НЕ УЗНАЮТ

Когда Руал вылез из своей ямы, он едва держался на ногах от слабости. Леон сидел на снегу без шапки, без рукавиц, от него валил пар. Дул резкий ветер, и мела поземка.

Было еще рано, небо прояснилось, и в нем мерцали поздние звезды.

Братья понимали, что если они попробуют заснуть снова, то больше уж не проснутся.

— Пойдем! — решительно сказал Руал.

— Пойдем, — откликнулся Леон сквозь зубы.

Он был зол на брата за то, что тот втянул его в такую авантюру.

Они встали на лыжи, закинули за плечи спальные мешки и вышли из-за скалы. Стоя спиной к ветру, Руал зажег фонарь, сверился с компасом.

— Будем идти по звездам, — сказал он.

Молча они двинулись в путь. Ветер утих. Небо на востоке начало белеть. Леон шел впереди, шагах в тридцати. Руал отчетливо видел его. Вдруг брат мгновенно исчез, будто провалился сквозь землю.

Резко затормозив лыжи, Руал повалился на бок, ползком пробрался к краю обрыва и услышал глухой голос:

— Руал! Осторожней! Я свалился!

Далеко внизу виднелось черное пятно. Это был Леон.

— Ты жив? — крикнул Руал.

— Жив и невредим. Я упал на спину, на спальный мешок.

Руал долго искал, где можно было бы спуститься вниз. С трудом он добрался к брату и помог ему вскарабкаться наверх.

— Будем ждать рассвета, иначе можно сломать головы.

Они прижались друг к другу спинами и сели на краю обрыва. Их мучил жестокий голод. Уже четыре дня прошло с тех пор, как они в последний раз обедали в усадьбе Муген, и два дня, как они поели мучной кашицы. Силы их убывали. Чтобы хоть немного утолить голод, они то и дело пили воду — на плоскогорье было много небольших озер, и вода пробивалась изподо льда ручьями.

С рассветом они двинулись дальше. Они шли весь день. Вокруг была та же пустыня, укрытая льдом и снегом.

Уже начало вечереть. С беспокойством глядели они по сторонам: неужели им, промерзшим и голодным, придется и эту ночь провести под открытым небом? Но на их счастье в сумраке зачернело какое-то строение. Они прибавили ходу и скоро увидели небольшой каменный сарай, полный сена. Вокруг сарая виднелись лыжные следы. Руал радостно закричал:

— Ну, мы спасены! Переночуем здесь, отдохнем, а утром пойдем по лыжным следам.

Они сняли лыжи, вошли в сарай, глубоко зарылись в сено и заснули как убитые.

Первым проснулся Руал. Он вылез из сарая, надел лыжи и позвал брата:

— Вставай, Леон! Уже утро.

Но брат ответил мрачно:

— Я не могу двигаться, я измотался.

— Ну, тогда ты подожди, я пойду по лыжным следам.

Руал обогнул холм и увидел вдали человека. Человек шел куда-то в сторону. «Должно быть, охотник, — решил Руал. — Он идет осматривать свои ловушки и капканы». Он крикнул, но крик его был похож на хрип. Тогда он побежал к человеку, замахал шапкой. Человек остановился, удивленно всматриваясь в Амундсена, потом вдруг повернулся и со всех ног пустился наутек, вообразив, что перед ним не живое существо, а дух, бродящий по ледяному плоскогорью. Руал бросился за ним.

Так они бежали по снеговой равнине. Руал кричал, чувствуя, что силы его иссякают:

— Подожди, подожди, друг! Стой!

В голосе его было столько отчаяния, что человек, наконец, остановился и пошел к Руалу навстречу. Еще издали он спросил:

— Кто ты такой?

— Мы заблудились. Мой брат умирает от истощения... Он в том сарае... Далеко ли отсюда до жилья?

— До жилья недалеко! Вон там, под горой, усадьба Муген.

— Я пойду за братом, — сказал Руал и вздохнул. Целых четыре дня они бродили по снеговой пустыне и пришли туда же, откуда вышли.

Когда он пришел к сарайчику, Леон беспомощно сидел у стены.

— Живо собирайся! — закричал Руал.

Леон собрал последние силы, встал на лыжи, но привязать их уже не мог: пальцы на обеих руках у него были отморожены. Руал привязал ему лыжи, и путники пошли по лыжным следам. Скоро они узнали местность — вот холмы, которые они уже видели, вот и знакомая долина. Они спустились с обрыва без особых трудностей. Маленький домик усадьбы Муген был на этот раз занесен выше крыши, только с одной стороны хозяева очистили снег от стен, от окон и от крыльца.

Руал постучал в дверь. На стук вышел хозяин, осмотрел путников с головы до ног и нехотя пригласил их зайти.

Братья вошли в дом. Три женщины пряли шерсть. Сыновья старика вырезали что-то из дерева. Пристально и недружелюбно смотрели они на непрошенных гостей. Руал удивился. Ведь эти же самые люди пять дней тому назад так сердечно попрощались с ними, а теперь смотрели на них с недоверием и явной неприязнью.

— Вы нас не узнаете? — спросил Руал.

Старик криво усмехнулся:

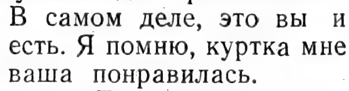
— Трудновато узнать людей, когда видишь их впервые.

— Как впервые? Мы же были у вас пять дней тому назад. Вы сами провожали нас до подъема на гору.

— Неужели это вы? — спросил старик недоверчиво.

Все осматривали гостей с головы до ног.

— Это они, отец! — крикнул молодой крестьянин.—

В самом деле, это вы и есть. Я помню, куртка мне ваша понравилась.

— Да... теперь я узнаю. Но что с вами случилось? Поглядите на себя.

Руал подошел к маленькому зеркальцу, висевшему в простенке. Заросший клочковатой бородой, с ввалившимися щеками, пожелтевший, он походил на мертвеца.

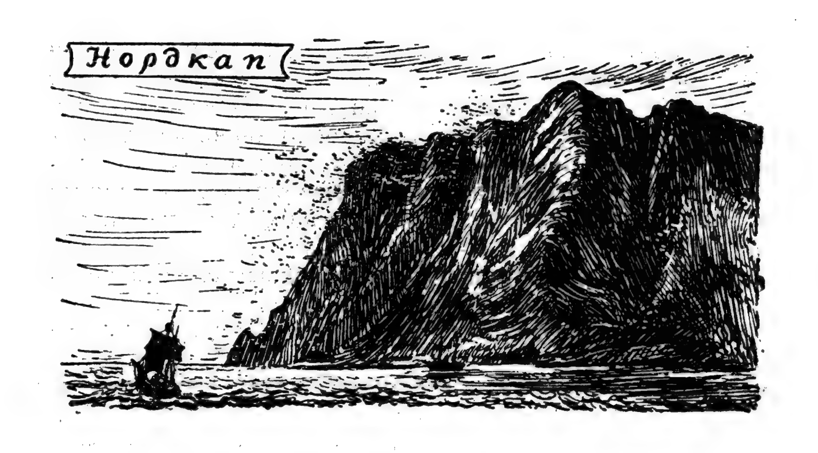
— Мы едва не погибли, — сказал Руал. — И вот уже два дня ничего не ели.

— Ага, я вам говорил, а вы меня не хотели слушать, — сказал старик торжествующе. — Ну, мать, скорей давай им есть.

Женщины захлопотали вокруг очага.

Три дня братья прожили в усадьбе. На четвертый день они вернулись в Христианию.

А три года спустя Амундсен случайно узнал о том, как хозяин усадьбы Гарен на западной стороне Хардангерского плоскогорья, выйдя однажды утром из дома, увидел в нескольких шагах от своих дверей лыжные следы. Они шли откуда-то с востока. А оттуда в это время года никто никогда к усадьбе не подходил. Удивленный крестьянин долго шел по лыжным следам, ведущим далеко за холмы. Было видно, что здесь прошли два человека. Значит, братья Амундсен добрались до самых дверей усадьбы, но не заметили ее в темноте, да и вьюга тогда кружила страшная.

МАТРОС

Военная служба окончилась. Руал Амундсен был совершенно свободен и мог целиком отдаться осуществлению своих планов.

Изучая книги о полярных путешествиях, он заметил одну странность: начальники полярных экспедиций, отправляясь в плавание, почти всегда нанимали чужое судно, так что на корабле было две власти — капитана и начальника экспедиции. Капитаны не всегда подчинялись начальникам экспедиций, часто не хотели идти туда, куда им приказывали, в долгие полярные зимы происходили стычки, ссоры, и в конце концов из-за такого двоевластия экспедиции погибали.

Амундсен решил стать капитаном, чтобы в будущем самому вести корабль. Но капитан обязан пройти всю морскую службу, начиная с матроса.

«Что делать? Жаль терять время. Однако это необходимо. А если необходимо, тогда и раздумывать не следует», — рассудил Амундсен и в ту же весну решил поступить матросом на парусное судно.

Он поехал в Тонсберг, откуда в Ледовитый океан отправлялось множество судов на тюленьи и рыбные

промыслы, и несколько дней ходил по гавани, пока не высмотрел самое лучшее, как ему казалось, судно. У дальнего мола стояла большая шхуна «Магдалена». Амундсен много раз уходил от нее и вновь возвращался. Вдруг он увидел, что от «Магдалены» отвалила шлюпка с тремя матросами. Когда матросы вышли на набережную, Руал подошел к ним, поздоровался и спросил:

— Далеко идет «Магдалена»?

— На Шпицберген, за тюленями.

«На Шпицберген? Для меня это подходит», — подумал Амундсен и спросил:

— А где капитан?

— Во-он в том кабачке.

И матрос показал на синюю вывеску с нарисованной на ней пенящейся кружкой пива.

— Мы идем туда же, — доверительно сказал матрос. — А для чего тебе понадобился капитан?

— Я хотел бы поступить к вам на шхуну. Вам матрос нужен? — спросил Руал.

Матросы осмотрели его с головы до ног. Их смутил городской костюм Руала.

— Если не шутишь, пойдем. Мы познакомим тебя с капитаном.

В кабачке, за столиком у окна, сидел толстенький рыжий моряк. Матросы подвели к нему Руала.

— Капитан, этот человек желает наняться к нам матросом.

— Матросом? — недоверчиво спросил капитан, испытующе глядя на Руала. — Вы когда-нибудь плавали?

— Нет, не плавал.

— А что ж вы делали до сих пор?

— Учился в университете.

— Вот как?.. — удивленно протянул капитан. — И хотите поступить матросом?

— Да, я хочу изучить морскую службу, чтобы потом сдать экзамен на штурмана.

— А-а, тогда дело другое, — обрадовался капитан. — Это подойдет. Такого матроса я возьму охотно.

Руал и матросы уселись за столик капитана, и в десять минут все было решено. Руал завтра же пересе-

ляется на судно, а через четыре дня «Магдалена» пойдет в Ледовитый океан бить зверя.

Вечером того же дня Амундсен пришел на судно со всеми своими пожитками, уложенными в небольшой сундучок. В тесном кубрике ему отвели точно такую же койку, как и у других матросов. В кубрике было темно и душно, но со всеми этими неудобствами он сразу примирился. «Если это путь к великой цели, то его все равно надо пройти. И чем он будет трудней, тем лучше».

Спустя четыре дня на рассвете «Магдалена» подняла якорь и, держа курс вдоль берегов Норвегии, направилась в Ледовитый океан.

Новый матрос работал усерднее всех. Вначале товарищи посмеивались над «студентом», как они его прозвали. Прежде всего ему поручили вымыть палубу и камбуз. Амундсен сделал работу быстро и так хорошо, что даже боцман — старый суровый человек — про-

мычал нечто одобрительное. Ни одной минуты Руал не оставался без дела. Он хотел все знать, все уметь и главное — не терять времени.

Миновав мыс Нордкап, самую северную точку Норвегии, судно вышло в открытый океан. Дул восточный ветер. Волны длиной в целый километр и вышиной метров в пятнадцать швыряли «Магдалену» так, что казалось, она вот-вот опрокинется. Потоки пенистой воды хлестали через борт, переливались по палубе, били в наглухо закрытые люки, в стенки рубки и камбуза. Ветер все усиливался. Капитан, закутанный в брезентовый плащ, не сходил с мостика. В такие ответственные часы он никому не мог доверить управление судном.

А море свирепело час от часу. «Магдалена» зарывалась в воду, будто хотела нырнуть на дно. Капитан пронзительно засвистел. Матросы выскочили на палубу.

— Убрать парус! — приказал капитан.

Матросы, как кошки, бросились к бортам, ослабили блоки, и парус медленно пополз вниз. Амундсен работал у борта. Волны окатывали его с головы до пят, но он держался цепко и старательно разматывал трос.

Убрав парус, матросы побежали в кубрик.

— Ну как, студент, понравился тебе ветерок? Должно быть, душа в пятках? — пошутил кто-то из матросов.

— Ничего, привыкну! — бодро ответил Амундсен.

— Привыкай, привыкай! Трудно только первые десять лет, потом ничего.

Амундсен забрался на свою койку. Все кругом скрипело и качалось. Тошнота подступала к горлу. Он закрыл глаза, старался думать о земле, о горах — там, не качает; он хотел силой воли победить морскую болезнь. А «Магдалена» качалась сильнее и сильнее. Волны, как выстрелы, били в борт. Вдруг наверху, на баке, колокол прозвонил смену вахт.

— Амундсен! На вахту! — крикнул боцман.

Амундсен торопливо накинул на себя плащ, завязал у шеи шнурок и взбежал наверх. Океан кипел. Брызги волн долетали до верхушек мачт. Низко над волнами неслись разорванные облака. Цепляясь за поручни, Амундсен пошел к штурвальной будке.

Сорок восемь часов ветер трепал судно. Для Амундсена это были мучительные часы. Хоть и закалено было его тело, но оно еще не привыкло к такой трепке. Приходилось собирать всю силу воли, чтобы заставить себя спокойно переносить бурю.

Только в начале третьих суток ветер стих, волны смирились, в воздухе похолодало, и боцман сказал весело:

— Ну, студент, радуйся, скоро будет кромка. Конец твоим мукам. Но ты молодец: впервые на море, а держался как надо.

Амундсен рассмеялся про себя: знал бы боцман про его переживания, не хвалил бы!

Уже двое суток не заходило солнце. В полночь оно стояло высоко над горизонтом. И в этот же час вдали показалась белая блестящая полоска. Кто-то крикнул:

— Лед!

Амундсен побежал на нос судна, поднялся на бак, приложил к глазам бинокль. Весь горизонт светился. Вправо и влево далеко-далеко тянулась долгожданная кромка. Это был лед — вечный плавучий лед Северного Ледовитого океана.

Часа через три на пути «Магдалены» стали попадаться отдельные льдины. Появились чайки. Стайками летели они за шхуной.

Боцман полез по вантам в бочку, укрепленную на передней мачте. Едва он устроился в бочке так, что видны были лишь плечи да голова, едва он приложил к глазам подзорную трубу, как тотчас же крикнул:

— Есть!

Капитан, стоявший на мостике, спросил:

— Много?

— Как будто много. Держите на северо-восток!

— Тюлени! Тюлени! Боцман видит много тюленей, — заговорили на судне.

Все заволновались. Стрелки побежали в кубрик одеваться, матросы подошли к шлюпкам. Каждый знал, что ему надо делать. Руал тащил два мешка с хлебом и салом к шлюпке номер первый, — он должен был ехать на этой шлюпке. Стрелки один за другим выходили на палубу и здесь проверяли свои винтовки.

«Магдалена» медленно подошла к кромке льда. Тысячи мелких льдин качались на волнах. Они ударялись одна о другую и распадались на куски. Шхуна своими бортами отбрасывала их с пути. На льдинах сидели чайки и кайры. А вдали на большом ледяном поле виднелись черные пятна: это были тюлени. Вдруг перед самым носом корабля высунулась из воды тюленья голова, похожая на мокрую голову собаки, и тотчас скрылась.

Капитан крикнул с мостика:

— Приготовить шлюпки! Занять места!

Стрелки и матросы разделились на партии и сели в три шлюпки. Шхуна уменьшила ход, остановилась среди льда. С мостика раздалась новая команда:

— Шлюпки на воду!

Затрещали блоки, взвизгнули тросы, шлюпки с людьми медленно спустились на воду.

Всюду на льдинах лежали тюлени. Тихий ветер дул с востока. Одна за другой шлюпки поплыли влево, в сторону от «Магдалены». Они ловко обходили льдины. Амундсен греб изо всех сил. Вполголоса он спросил у соседа по веслу:

— Зачем мы уходим так далеко?

— Нужно подплыть с подветренной стороны. Иначе тюлень почует человека и уйдет, — тихо ответил матрос.

Шлюпки прошли далеко в лед и разделились. Рулевой первой шлюпки скомандовал:

— Стоп!

Шлюпка пристала к большой льдине, и стрелки один за другим вылезли прямо на лед. Их было пятеро. Крепкие и ловкие, они быстро побежали по льдинам. Тюлени беспокойно поднимали головы. Один заворочался и пополз к краю льдины. Он полз медленно, то и дело останавливаясь и вытягивая шею. За ним пополз другой, третий,

четвертый. Вот-вот они нырнут в воду. Вдруг стрелки и матросы дико заревели. Удивленные ревом, тюлени остановились. Но эта остановка стоила им жизни. Стрелки бежали прямо к ним. Грохнул выстрел, и крайний тюлень уронил голову на лед. Тотчас затрещали еще выстрелы, тюлени заметались, поползли в разные стороны. Меткие выстрелы укладывали их на месте. Матросы вылезли на лед, чтобы подобрать убитых зверей. Руал привязывал к ластам веревку и волоком тащил добычу к шлюпке. Через два часа шлюпка была так полна, что ее борта поднимались над водой едва лишь на четверть фута.

Промысел начался удачно.

Шхуна продвигалась все дальше и дальше к востоку вдоль кромки льда, выискивая новые лежбища тюленей. Круглые сутки стоял ясный день. Бесконечные ледяные поля простирались за горизонт. Лед все время двигался. Глыбы льда громоздились по краям полей, падали, опять вздымались, а отдельные льдины, оторвавшиеся от полей, уносились по вольной воде вдаль к западу и югу. Они были похожи на лебедей, важно и неторопливо плывущих по морю. И, глядя на эти льдины, Амундсен вспоминал, что где-то в этих же широтах такие льдины удивили Баренца.

«Мы видим бесконечные стада белых лебедей», — записал в своем дневнике Баренц.

Тысячи чаек и кайр носились над бело-зелеными волнами. Иногда пролетал черный поморник — северный морской разбойник, отнимающий у чаек их добычу. Шхуна уходила все дальше и дальше к востоку.

Время от времени на ее пути встречались громадные ледяные горы — айсберги. У них были изумительно причудливые формы: один айсберг был похож на дворец, другой — на храм, третий — на гигантского белого льва... Вода и солнце вырыли в айсбергах пещеры. Их наполнял нежный синий свет. А сам айсберг сверкал золотыми, голубыми, зелеными огнями.

Сказочная картина! Вот он, волшебный полярный край, о котором так долго мечтал Амундсен. Придет время — он пустится на завоевание этого края. По

льдам он пройдет далеко-далеко в высокие широты и... может быть, побывает на полюсе.

А сейчас он матрос. Он еще только проходит начальную морскую грамоту и как новичок выполняет самую черную работу: он обязан был убирать каюты, помогать коку в камбузе, мыть палубу, чистить гальюн.

Он все делал старательно, как можно лучше. Для него не существовало различия между черной и белой работой. Любое дело он считал важным, раз оно необходимо.

Скоро все на шхуне убедились, что Амундсен становится мастером на все руки. Он, как и опытные охотники-зверобои, быстро научился ходить по плавучим льдинам, хорошо стрелял, умело снимал шкуры и сало с убитых тюленей, отлично работал на веслах.

После трех месяцев охоты «Магдалена», перегруженная добычей, вернулась в Норвегию. Амундсен решил перейти на другое судно — на барк «Вальборг», уходивший в Канаду. Капитан «Магдалены» убеждал Амундсена остаться на шхуне. Но Руала тянуло в новые страны, к новым морям. Ему хотелось поучиться работать также у других капитанов.

На барк «Вальборг» он пришел уже как настоящий матрос. Ему поручили выпечку хлеба для всей команды. С обычным усердием и внимательностью Амундсен принялся за изучение новой для него профессии пекаря.

До этого он никогда не имел дела с кухней, не умел даже сварить себе кофе, а сейчас стал помощником кока. На первый взгляд кажется странным, что человек, поставивший перед собой такие великие задачи, радовался, что ему поручили печь хлеб и помогать коку.

Но Амундсен думал о том, что кулинарные знания ему пригодятся в будущем, когда он отправится в полярное плавание или будет жить на зимовке.

«Всякое ремесло полезно человеку» — эта старинная поговорка стала законом для Амундсена.

За несколько месяцев работы на «Вальборге» он отлично научился печь хлеб, булки и крендели. А много лет спустя, в годы своих великих путешествий, он угощал в праздничные дни своих спутников великолепными булочками, печеньем и тортами.

Весной 1895 года Амундсен покинул «Вальборг» и на деньги, полученные при расчете, отправился в путешествие по Франции, чтобы посмотреть страну и лучше изучить французский язык. Он уже убедился, что знание иностранных языков очень важно для путешественника.

Амундсен проехал всю Францию с севера на юг на велосипеде, ночуя в гостиницах маленьких городков, завтракая и обедая в придорожных кабачках. Общение с народом Франции обогатило его новыми знаниями.

Из Франции он поехал в Испанию и здесь нанялся на норвежский барк «Оскар». Капитаном его был старый знакомый Юст Скрадер, служивший некогда на верфи у отца Амундсена. Барк шел на остров Святого Фомы, а затем в порт Пенсаколу. Там, в Мексиканском заливе, «Оскар» должен был взять большой груз для Англии. Капитан Скрадер охотно принял сына покойного Амундсена в свою команду, однако платить ему жалованье не мог. Амундсен согласился работать «за стол» — так хотелось ему скорее научиться управлять парусником.

Капитану Скрадеру было известно, что Амундсен учился в университете. И вскоре все на барке узнали об этом. Само собой, команду интересовало, как будет вести себя молодой Амундсен в должности матроса, работающего только «за стол». Но очень скоро и капитан, и штурман, и матросы убедились, что новый матрос усердно исполнял свои обязанности, во время авралов первый являлся на отведенное ему место, работал, не жалея сил и не щадя себя. А после вахты, чуть отдох-

нув, уже сидел за книгами, изучал иностранные языки или теорию судовождения.

Книги о полярных путешествиях продолжали оставаться любимыми его книгами. Знание языков давало ему возможность читать обширную литературу о полярниках Англии, Франции, Америки, Германии и других стран.

На «Оскаре» Амундсен побывал в Мексике, потом в Англии и затем вернулся в Норвегию. Один из его братьев — Густав — в это время был уже штурманом на большом пароходе «Хюльдра». Зная, что Руал готовится к экзамену на штурмана, Густав решил помочь брату. Он взял его к себе на пароход матросом, а в свободное от вахт время занимался с ним всеми теми науками, которые Руал должен был сдавать на экзаменах в морское училище.

Однажды в каком-то порту на пароход попали свежие газеты, и в одной из них Амундсен прочел:

«Лейтенант бельгийского флота де Герлах организует научно-исследовательскую экспедицию в Антарктику, к магнитному полюсу».

Сообщение взволновало Руала.

— Как бы я хотел попасть в эту экспедицию! — сказал он брату.

— Так в чем же дело? Попытайся, — засмеялся Густав.

— А как это сделать?

— Узнай, кто такой де Герлах, съезди к нему, поговори. Теперь ты мог бы пойти на корабль не только матросом, но и штурманом.

Густав вызвался помочь брату попасть в экспедицию де Герлаха. Оказалось, де Герлах был достаточно известен в Норвегии. Судно для своей антарктической экспедиции он купил на норвежской верфи в Саннефиорде. Это была трехмачтовая зверобойная шхуна водоизмещением в двести пятьдесят тонн, рассчитанная на плавание во льдах. Она называлась «Патриа», но де Герлах дал ей новое имя — «Бельгика». Шхуна стояла еще в Саннефиорде, де Герлах жил в Бельгии, а на верфи находился его представитель. Руал и Густав побывали у него и попросили написать рекомендатель-

ное письмо к де Герлаху. Наведенные о братьях справки были благоприятные: все знали Амундсенов как отличных работников.

Захватив с собой письмо к де Герлаху, братья тут же уехали в Антверпен, где жил владелец «Бельгики».

Де Герлах отнесся к Руалу очень благосклонно.

— У меня нет штурмана, и я буду рад, если вы займете это место. В экспедицию мы пойдем через год, — надеюсь, вы к этому времени сдадите экзамен.

Он дал слово, что место штурмана останется за Амундсеном.

Для Руала это было исполнением заветной мечты. Вот наконец-то он пойдет в полярные страны!

С новым рвением готовился он к экзамену. Во время разговора с де Герлахом он заметил, что французский язык дается ему все же с некоторым трудом. Ему недоставало практики, и, чтобы в совершенстве овладеть живым французским языком, он поступил матросом в команду французского барка «Рона». На этом судне Руал ходил в Африку.

Для экзамена на штурмана надо было иметь трехлетний стаж плавания на различных судах. Когда Амундсен вернулся из Африки, ему не хватало нескольких месяцев до полного стажа. Тогда он нанялся на зверобойное судно «Язон» и недостающий срок провел на нем в Ледовитом океане на тюленьих промыслах. Это было то самое судно, на котором когда-то Нансен отправился в свое знаменитое путешествие через Гренландию.

В этой экспедиции Амундсен выполнял уже обязанности шкипера. Он знал каждую мелочь в управлении кораблем.

На «Язоне» было несколько матросов, плававших еще в то время, когда судно перешло Атлантический океан и высадило Нансена и его пятерых спутников на лед у берегов Гренландии. Они нередко вспоминали смелого земляка-полярника, три года назад ушедшего на «Фраме» к Северному полюсу. С тех пор о Нансене не было никаких известий и многие считали, что Нансен погиб со всеми своими спутниками, так же как погибла

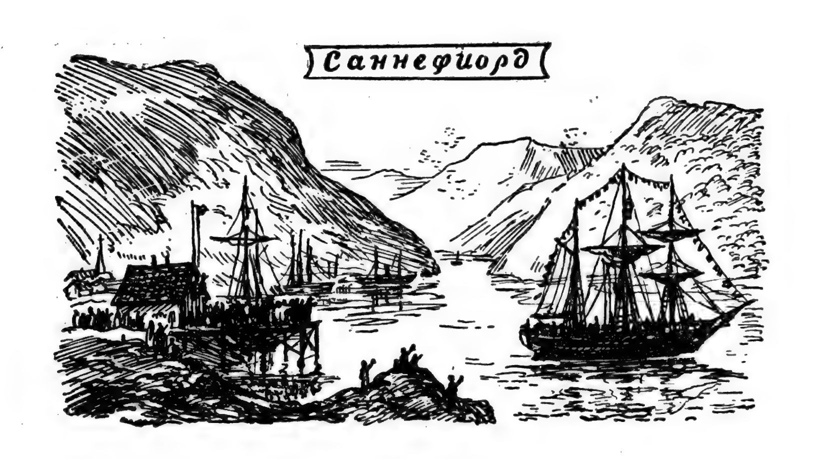
когда-то знаменитая «Жаннета» де Лонга. Вероятно, и «Фрам» тоже раздавлен льдами.

Но разговоры и слухи о гибели Нансена не пугали Амундсена. Скорей бы и ему отправиться в такое же опасное и такое интересное путешествие!

Осенью 1896 года Амундсен вернулся в Христианию и блестяще сдал экзамен на штурмана. Первая ступень была пройдена. Теперь он мог быть штурманом «Бельгики».

«Если человек сильно захочет, то добьется своего...»

Ему было тогда двадцать четыре года.

К МАГНИТНОМУ ПОЛЮСУ

В июне 1897 года молодой штурман Амундсен вошел в состав команды «Бельгики».

Шхуна находилась еще в Саннефиорде, где снаряжалась в дальнее плавание.

Амундсен энергично взялся за работу. Вот где он, наконец, сможет применить свои знания и свой опыт!

«Бельгика» была построена на славу; рангоут (деревянные части вооружения судна, реи, бушприт, мачты), такелаж (веревочные снасти на судне), паруса, сейзни (снасти, которыми подвязываются паруса) — все было прекрасного качества. О лучшем судне и мечтать было невозможно. Стоила «Бельгика» пятьдесят тысяч крон — деньги по тем временам очень большие.

И как раз в эти же дни, когда заканчивалось снаряжение «Бельгики», в Норвегии произошло крупное событие: из полярного плавания вернулся сначала Нансен со своим спутником Иогансеном, а затем и «Фрам» под командой Свердрупа. Их возвращение праздновала не только Норвегия, но и многие другие страны. Амундсен с огромным вниманием читал все то, что писалось о великом подвиге Нансена и его спутников.

«Фрам», как и рассчитывал Нансен, продрейфовал со льдами от берегов Сибири до открытого моря севернее Шпицбергена. Но льды протащили его на значительном расстоянии от полюса. На 84° северной широты Нансен покинул судно, надеясь достичь полюса пешком. С ним пошел его молодой спутник лейтенант Иогансен. У них было два каяка, поставленных на двое саней в собачьей упряжке. Нансен достиг 86°15′ северной широты. До полюса оставалось еще около четырехсот километров. Но близилась зима, провизия почти вся вышла, дорога была чрезвычайно тяжелая. Нансен решил повернуть назад, к югу. С огромным трудом достигли они Земли Франца Иосифа и перезимовали здесь в каменной пещере, а весной отправились на один из южных островов Земли Франца Иосифа, где встретились с зимовавшим там полярным исследователем Джексоном. Летом сюда прибыл корабль, доставивший Джексону продовольствие. С этим кораблем Нансен и Иогансен вернулись в Норвегию. А «Фрам» после ухода Нансена продолжал дрейфовать вместе со льдами и, наконец выйдя из ледяного плена, вернулся в Норвегию через несколько дней после приезда Нансена.

Незадолго до отплытия «Бельгики» из Саннефиорда на судно неожиданно пришли три гостя. Сам де Герлах, приехавший в Норвегию за несколько дней перед этим, встретил гостей у трапа. Амундсен сразу узнал их: это были Фритьоф Нансен — герой его юношеских мечтаний, капитан «Фрама» Свердруп и Иогансен.

Вот они — люди, овеянные великой славой! Вот они поднимаются по трапу на капитанский мостик. Де Герлах представил им штурмана «Бельгики» Амундсена. Нансен спросил молодого штурмана, плавал ли он в полярных льдах.

— Да, плавал — на «Магдалене» и на «Язоне».

— На «Язоне»? — оживленно спросил Нансен.

Видимо, воспоминание о первом походе было для него очень приятно.

— Команда «Язона» гордится тем, что когда-то доставила вас к берегам Гренландии,— сказал Амундсен.

Лицо Нансена потеплело, глаза засветились. Амундсен назвал несколько имен. Нансен помнил их.

Де Герлах пригласил гостей осмотреть «Бельгику». Нансен интересовался снаряжением судна, расспрашивал о задачах, которые поставила перед собой экспедиция. Заметив кое-какие недостатки в снаряжении, он дал совет, как их исправить. Несколько замечаний сделал и молчаливый капитан Свердруп. Амундсен жадно слушал, стараясь не пропустить ни одного слова.

Де Герлах рассказывал Нансену о планах экспедиции: «Бельгика» произведет научные исследования в районе южного магнитного полюса *, оставит на зимовку четырех научных работников, вернется в Рио-де-Жанейро, а когда наступит весна в южном полушарии, приедет за зимовщиками.

— А кто же останется на зимовку? — спросил Нансен.

— Пока еще не решено, — сказал де Герлах. — При снаряжении экспедиции мы приняли это во внимание и закупили для зимовки все необходимое: специальную одежду, палатки и небольшой домик.

«На зимовку останусь я», — решил было вмешаться Амундсен. Но промолчал. Это успеется. А сейчас его интересовали важные детали: какое должно быть у зимовщиков снаряжение? Какая одежда? Какая обувь? Нансену понравились горячие расспросы молодого штурмана. Он охотно отвечал ему. Эти минуты были

* В своих книгах Амундсен употреблял термины «северный магнитный полюс» и «южный магнитный полюс», условно помещая их соответственно в северном и южном полушариях Земли. Но северный конец магнитной стрелки притягивается, как известно, южным магнитным полюсом Земли. Следовательно, в северном полушарии, в Арктике, находится истинный южный магнитный полюс, а в южном полушарии, в Антарктике, — северный.

Советские ученые доказали, что магнитного полюса, как точки, где пересекаются все магнитные меридианы, в северном полушарии нет. Магнитные меридианы сходятся не в одной точке, а вдоль «линии схождения», определенной советскими магнитологами. Длина этой линии — более 2 тысяч километров. Одним концом ее является «старый» магнитный полюс, открытый Россом, а другим концом «новый» магнитный полюс, названный «полюсом Седова». Перемещения магнитного полюса Росса в пространстве незначительны, магнитный же полюс Седова не сохраняет определенного положения, а движется вокруг полюса Росса, описывая эллипс. *(Прим. автора.)*

началом сближения прославленного уже на весь мир путешественника Нансена и безвестного молодого штурмана Амундсена.

«Бельгика» простояла в Норвегии несколько дней, и почти каждый день Нансен и его два спутника бывали на судне. Нансен подарил карты из своих коллекций, кое-какие книги для судовой библиотеки, сани для образца и приборы для научных исследований.

Наконец «Бельгика» подняла якорь. Провожали ее торжественно. Среди провожающих были Нансен, Свердруп, Иогансен и другие члены команды знаменитого «Фрама». На «Бельгике», кроме Амундсена, было еще пять норвежцев-матросов — опытных, закаленных людей, привыкших к плаваниям во льдах. Ничто, казалось, не могло их испугать.

Амундсен был счастлив: в этот день он делал самый большой шаг на пути к своей цели. Пока «Бельгика» шла из Норвегии в Антверпен, он почти не покидал капитанского мостика. Рейс был легким. Летом Северное море обычно тихое. Но Амундсен относился к этому рейсу очень серьезно: ведь он впервые самостоятельно вел корабль.

В Антверпене собрались все члены экспедиции: ее начальник Андриен де Герлах, его помощник и капитан корабля лейтенант Лекуант, бельгийский ученый Данко, который должен был вести магнитные наблюдения, поляк Арктовский — химик, геолог и метеоролог, румын Раковица — натуралист, поляк Добровольский — метеоролог, два механика и девять матросов, из них четверо — бельгийцы.

«Бельгике» недоставало только врача, но за несколько дней до выхода в море де Герлах получил телеграмму из Америки от известного полярного путешественника доктора Кука с просьбой включить его в экспедицию. Де Герлах тут же телеграфировал Куку выезжать в Рио-де-Жанейро, куда направлялась «Бельгика». Об этой телеграмме, посланной де Герлахом, не знал никто, кроме капитана Лекуанта.

16 августа 1897 года корабль экспедиции под гром пушек покинул Антверпенский порт и, выйдя в Атлантический океан, повернул на юг.

ДОРОГА НА ЮГ

Магнитный полюс лежит в Антарктике, к югу от Австралии, и корабль должен был идти мимо Африки и Австралии. Но уже в первый день по выходе в океан для всех стало ясно, что капитан по приказу начальника экспедиции ведет корабль совсем по иному пути. Они направлялись не на юг, а на юго-запад — к Южной Америке. Это открытие взволновало Амундсена: он мечтал поскорей попасть в Южный Ледовитый океан, а сейчас мечта отодвигалась.

— Куда идет корабль? — спрашивал он своих спутников, которые недоуменно пожимали плечами.

Каждый день в кают-компании, в кубрике шли тихие разговоры:

— Куда мы идем?

Но никто не мог спросить об этом ни капитана, ни начальника экспедиции. Суровая корабельная дисциплина запрещала такие вопросы. Наконец разговоры эти дошли до де Герлаха. Как-то за обедом в кают-компании он сказал:

— Я заметил, что вас волнует вопрос о маршруте. Мы идем к мысу Горн. У нас достаточно времени для

того, чтобы обогнуть Огненную Землю и пройти к магнитному полюсу с востока. Лето в здешних широтах только начинается.

«Плохо дело, — про себя отметил Амундсен. — Пожалуй, мы завязнем!»

По пути «Бельгика» зашла в Рио-де-Жанейро, взяла на борт доктора Кука и в начале декабря — в этих широтах это самый разгар лета — достигла Магелланова пролива.

Пройдя пролив, «Бельгика» повернула к югу, вдоль берегов Огненной Земли. В те годы Огненная Земля была еще мало исследована, и де Герлах мечтал сделать здесь немало новых открытий. Поэтому он не очень спешил к своей основной цели — к магнитному полюсу.

«Бельгика» медленно шла вдоль берегов Огненной Земли, останавливаясь в каждом заливе. Ученые собирали образцы камней, изучали жизнь птиц и зверей, составляли гербарии, наносили на карту неизвестные острова и вели метеорологические наблюдения. За такой работой прошло много недель. Наконец «Бельгика» миновала Шетландские острова, и вдали на горизонте показалась ледяная полоса, блестевшая в лучах незаходящего солнца.

Это и была Антарктическая земля, внутри которой где-то далеко, за льдами и снегами, лежал Южный полюс.

Огромные глетчеры сползали с земли в океан. Прежние исследователи назвали эту местность Землей Грахама.

«Бельгика», пройдя вдоль берегов Земли Грахама, вошла в широкий пролив. Он тянулся на юго-запад и отделял Землю Грахама от ряда больших островов. Корабли заходили сюда очень редко, правильной карты местности не существовало. На некоторых островах еще никогда не бывали европейцы. Черными, мрачными утесами поднимались острова над холодным океаном, и на вершинах утесов лежал снег.

Больше двадцати раз «Бельгика» бросала якорь у таких островов, обследуя только их берега.

Амундсену же очень хотелось сделать санную экс-

курсию в глубину какого-нибудь острова. Геолог Арктовский, доктор Кук и натуралист Раковица соглашались принять участие в такой экспедиции. С разрешения де Герлаха маленькая группа решила провести подробное обследование Брабантского острова. Захватив с собой спальные мешки, шелковую палатку, сани, лыжи, примус и провиант на несколько дней, маленькая группа с трудом высадилась на берег.

Погода в этот день была очень бурная. Ветер вздымал тучи снега, гнал по проливу крутые волны, разбивавшиеся об отвесные скалы острова. Снег лежал только в ложбинах, а ребра скал мрачно чернели. Таща на себе сани, путники стали подниматься по снегу вверх на плато, лежавшее на высоте трехсот пятидесяти метров. Подъем был очень труден. Сани глубоко уходили в снег.

Четыре часа ушло на преодоление трудного подъема. Наконец смельчаки добрались до плато, и перед ними открылся необозримый ледяной простор. Ветер здесь был еще свирепее, чем у берега: он резал лицо, слепил снегом глаза.

Усталые путешественники раскинули палатку под защитой небольшой скалы и тут же легли отдохнуть. Через несколько часов они двинулись в глубь острова.

Это было нелегким и опасным предприятием: то и дело встречались трещины, покрытые коркой льда и снега. Неосторожный шаг — и можно было провалиться и погибнуть.

Земля Грахама

Как раз опустился густой туман. Идти пришлось ощупью. Время от времени путешественники останавливались, производили магнитные наблюдения, изучали состояние материкового льда и в редких местах, где земля оттаяла и обнажилась, собирали камни и растения.

На третьи сутки, когда все спали, поднялась буря. Палатку разорвало в клочья. Надо было возвращаться на корабль. Обратный путь тоже был нелегок.

Так Амундсен узнал, какие труды и лишения могут встретиться в путешествиях по полярным странам. Однако это не только не смутило его, а будто придало ему новые силы.

Несколько дней спустя «Бельгика» вышла в Южный Ледовитый океан.

Зима уже приближалась. С Южного полюса дул леденящий ветер. Все чаще на пути корабля встречались плавучие ледяные горы. Однажды их насчитали более сотни. Птицы стаями летели навстречу «Бельгике» в теплые страны, а перед экспедицией лежал далекий путь к магнитному полюсу. Две недели подряд корабль на всех парах шел вдоль кромки льдов, лавируя меж ледяными горами.

В ЛОВУШКЕ

На исходе второй недели, вечером, Амундсен, стоя на вахте, заметил, что с севера, с открытого океана, надвигается буря. Темные облака низко неслись над самой водой. Ветер гнал ледяные горы к кромке вечных льдов.

Капитан поднялся на мостик.

— Нам предстоит выдержать хорошую бурю, капитан. Вероятно, будет снег и град, — сказал Амундсен.

— Так что же? Нам не впервые, — буркнул капитан и указал на огромный айсберг, похожий на остров. — Держите к этому айсбергу. За ним, как за стеной, можно идти, спасаясь от ветра и волн.

Все четыре часа своей вахты Амундсен вел корабль вдоль ледяной горы. За горой ветер был тише, и волны едва покачивали судно.

Но вот на баке пробили склянки. Пришел новый вахтенный — второй штурман. Амундсен повторил приказание капитана:

— Держите курс вдоль этой горы, чтобы спастись от ветра и волн.

Засыпая, Амундсен слышал, как наверху выл ветер,

корабль сильно качало, волны глухо били в борта, но винт корабля работал ритмично.

А утром, проснувшись, Амундсен не услышал ни шума, ни грохота, ни свиста. Стояла мертвая тишина. Корабль не двигался.

Амундсен быстро оделся и выбежал на палубу. Вокруг корабля высокими стенами поднимались ледяные горы; корабль был заключен между горами, как в тюрьме. Амундсен подошел ко второму штурману.

— Что случилось?

Штурман смущенно ответил:

— Ночью был такой ветер, что я в темноте не заметил, как нас оторвало от айсберга и бросило вот сюда. Мы спаслись чудом.

Капитан, начальник экспедиции, научные работники, механик, матросы — все молча стояли на палубе. У всех на лицах была тревога. Однако нужно же найти выход из плена! Был дан приказ развести пары, и винт заработал снова. Капитан сам повел корабль вдоль ледяных гор.

А за горами продолжала бушевать буря. Ледяные горы медленно покачивались, время от времени с них срывались огромные глыбы льда и с грохотом падали в воду. Какая-нибудь глыба могла свалиться на корабль и разбить его в щепки. Вот впереди открылась небольшая щель, и капитан направил в нее судно. Издали щель казалась очень узкой, но когда подошли ближе и примерились, то обнаружилось, что через нее можно пройти.

«Бельгика» благополучно проскользнула между ледяными горами и вышла в открытое море. Страшная опасность миновала. Но океан еще продолжал бушевать. «Бельгика» шла вдоль кромки на запад. Огромные волны катились с севера и прижимали корабль ко льдам. Амундсен стоял у штурвала. Волны все сильней и сильней били в борт. Еще удар, и корабль столкнется с льдиной. Амундсен повернул руль, чтобы уйти дальше от опасных льдин. Этого требовало простое чутье моряка.

— Зачем меняете курс? — закричал капитан — Держите вдоль кромки.

— Нас ударит о льдину.

— Будем искать во льдах заводь, зайдем в нее и переждем бурю. Поворачивайте на прежний курс.

Амундсен нахмурился. Он понимал, что капитан ошибается. Если ветер гонит корабль на льды, надо приложить все усилия, чтобы уйти как можно дальше, в открытое море, иначе бешеная волна может поднять корабль и разбить его о лед. Сколько раз Амундсен читал о таких случаях! Может быть, сказать капитану? Но морская дисциплина велит: «Не спрашивают — не лезь с советами». Амундсен угрюмо стоял у штурвала.

И корабль, подкидываемый волнами, шел по-прежнему вдоль самой кромки. В одном месте кромка разорвалась, и открылся проход шириной в четверть километра — он вел прямо к югу, во льды.

— Держать курс в этот проход! — приказал капитан.

Удивленный этим диким приказом, Амундсен вопросительно взглянул на де Герлаха, но тот кивнул головой в знак согласия с капитаном.

Амундсен повернул руль, и корабль, подгоняемый сильным ветром, понесся по проходу к югу.

Так он прошел в течение четырех часов во льды почти на сто километров и остановился. Волнения здесь уже не было. Справа и слева от корабля простирались необозримые ледяные поля. Все радовались избавлению от опасности. Не разделял этой радости только один Амундсен. Вскользь он сказал капитану:

— Нас захлопнет, как в ловушке. Льды могут сомкнуться.

— Ничего, — равнодушно ответил капитан. — Постоим несколько дней, переждем бурю и снова пойдем в океан.

Всю ночь Амундсен провел на палубе. Он слышал, как потрескивали и двигались льды. Но проход не закрывался. Стиснув зубы, Амундсен нервно ходил по палубе. Будь он капитаном и начальником экспедиции, он немедленно вывел бы отсюда корабль. Пока же... Пока приходилось молчать и ждать. Перед рассветом он ушел в свою каюту и не успел прилечь, как услышал наверху топот и крики. Он снова поднялся наверх. Да, все вы-

шло так, как и предполагал Амундсен: льды сжали корабль. От прохода не осталось и следа. «Бельгика» плотно засела во льдах.

Это случилось 3 марта 1898 года. Зима только начиналась — страшная полярная зима с многомесячной темной ночью.

В течение первых двух недель Амундсен каждый день спускался на лед и ходил на лыжах вдоль закрывшейся трещины, надеясь отыскать проход для корабля. Трудно было примириться с тем, что придется зимовать среди плавучих льдов. Он понимал, в какое опасное положение попали люди и корабль. Только у четырех человек была теплая одежда. Ведь первоначально предполагалось, что на зимовку останутся только четверо: Раковица, Артковский, Добровольский и Амундсен. Давняя мечта Амундсена осуществилась. Но он не предполагал, что всему экипажу придется зимовать без мехового платья, без достаточного запаса пищи и даже без ламп для освещения кают.

Амундсен исходил много километров, отыскивая открытую воду, но все кругом было заковано льдом. С юга дул холодный ветер, каждый день гуляли метели, — ясно было, что зимовка неизбежна.

В последний раз он прошел по льдам больше десяти километров и со стесненным сердцем вернулся на корабль.

— Прохода нет! — глухо сказал он, глядя на унылые лица матросов и растерянное лицо капитана.

Вечером весь экипаж собрался в кают-компании. Все молчали, хотя каждый в душе обвинял капитана в оплошности, — ведь это по его вине «Бельгика» была затерта льдами. Долго длилось молчание. Наконец доктор Кук заговорил:

— Итак, друзья мои, нам придется зимовать. Это теперь ясно. Приготовимся к зиме, долгой и трудной.

Он остановился, будто не зная, что можно сказать еще.

— Первый раз в истории человечества люди остались на зимовку в Антарктике, — сказал вдруг Раковица.

И, словно в ответ на эти слова, из полутемного угла раздались рыдания. Все повернулись туда. Там, прислонив голову к стене, плакал матрос Вильямс. Он уже давно, до того как корабль застрял во льдах, беспокойно посматривал на море и вслух раскаивался в том, что пошел в эту ужасную экспедицию. Доктор Кук быстро подошел к нему:

— Нельзя плакать, Вильямс, слезами горю не поможешь. Мужайся!

— Мы все погибнем, все погибнем! — сквозь слезы повторял Вильямс.

Кто-то простонал, кто-то выругался сквозь зубы, — в кают-компании стало душно, как в могиле. Начальник экспедиции пробормотал:

— Ну, сейчас не время совещаться. Поговорим после.

Он поспешно вышел из кают-компании и заперся у себя. За ним тут же ушел капитан. Вильямс не сдержался и погрозил ему вслед кулаком:

— Вот кто виноват! Вот через кого погибаем! — крикнул он.

Амундсен крепко сжал Вильямсу руку:

— Перестань! Разве ты не знал, на что мы идем? Будем верить, что найдем выход.

Бормоча проклятия, Вильямс ушел из кают-компании. Скоро все разошлись по своим местам. На корабле стало тихо. Только часто слышались вздохи да сердитые бормотанья.

Амундсен долго ходил по верхней палубе. Надвинулась ночь. Далеко к югу, на горизонте, засветилось белое пятнышко, — вот оно выросло, и вдруг огненные столбы поднялись высоко над головой и заиграли, задвигались. Это было полярное сияние. Амундсен не раз видел его далеко за Северным полярным кругом и теперь видит здесь. И сколько еще раз он увидит это южное сияние в длинную и страшную ночь?

Что ждет их? Спасенье? Гибель?

И память подсказала ему все те случаи страшных смертей и лишений, о которых читал он в книгах о полярных зимовках.

Кто погибал? Прежде других — малодушные. У них опускались руки, и люди теряли силы.

Холод вдруг пробежал у него по спине. Неужели он боится? Нет. «Я знал, на что шел, — подумал он вслух. — Мне не страшны никакие лишения». Но кто будет ему верным товарищем в трудные недели и месяцы? Жить одному среди отчаявшихся, малодушных людей трудно. Нужен товарищ. Он перебрал в памяти всех матросов, научных работников, подумал о капитане. Нет, это не то. Он видел, как они ведут себя сейчас. А ведь самое страшное впереди. Доктор Кук? Да, этот не дрогнет. Это, пожалуй, самый крепкий из всего экипажа человек.

Амундсен спустился с палубы и подошел к каюте доктора.

Доктор Кук, сидя за столом, что-то писал. Он вопросительно посмотрел на Амундсена.

— Я пришел посоветоваться, доктор. Нам надо будет держать дисциплину, беречь всех, успокаивать. Вы представляете себе, что у нас будет через месяц?

— Да, представляю... Будем делать все, что в наших силах, — сказал твердо доктор. — Иначе и они погибнут, а с ними и мы.

Они выразительно посмотрели друг другу в глаза, пожали друг другу руки и молча разошлись.

Прошло еще две недели. Метели нанесли вокруг бортов корабля горы снега. Толстым слоем лежал он на палубе, забивал люки, и утром трудно было открыть двери кают.

Амундсен и доктор Кук с помощью матросов соорудили перед каждым люком защитную стенку из парусов. С карандашом в руках они высчитали, какое количество топлива имеется на корабле, распределили его по месяцам, чтобы хватило на всю зиму. Ламп на корабле было очень мало, поэтому решили освещать только кают-компанию.

Начальник экспедиции де Герлах и капитан Лекуант молча соглашались с предложениями Кука и Амундсена. Эти двое лучше знают условия полярной зимовки. Глядя на Амундсена и Кука, научные сотрудники экспедиции в первые недели тоже держались бод-

ро и работали энергично. Неподалеку от корабля была сделана прорубь, и ежедневно в нее опускали сетку для ловли планктона — мельчайших морских животных, ежедневно измеряли лотом глубину, брали пробы воды с разных глубин, следили за изменениями температуры воды и воздуха.

Несколько поодаль от корабля была построена будка, которую пышно называли «обсерваторией». В будке установили различные инструменты для научных работ и в строго определенные часы производили метеорологические наблюдения. Вскоре было установлено, что лед не стоит на месте, а беспрерывно движется по воле ветра и течения. Определили путь передвижения «Бельгики» и нанесли его на карту: он был похож на ломаную линию — корабль шел то вперед, то вправо, то влево, то возвращался назад.

Пока еще было светло, Амундсен и Кук с двумя матросами ежедневно ходили на охоту и убили больше пятидесяти тюленей и много пингвинов, притащили их к кораблю и зарыли туши в снег, чтобы мясо не испортилось. Запас продовольствия заметно увеличился, и голодная смерть уже не могла угрожать экипажу.

Но тут случилась нежданная беда. Как-то за обедом, когда все сидели в кают-компании, де Герлах вдруг нагнулся над своей тарелкой и долго нюхал кусок жареного мяса.

— Что это такое? Тюлень? — резко закричал он. — Чтобы этого больше не было! Мы не собаки, чтобы есть падаль. Это мясо вредно, оно отравляет нас.

Все удивленно переглянулись. Некоторым тюленье мясо очень нравилось. Доктор Кук сказал:

— Позвольте! Я как медик смею уверить вас, что это мясо отлично поддержит наши силы. Что же мы будем есть, если откажемся от тюленины?

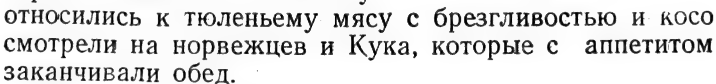
— У нас есть сушеные овощи, есть консервы.

— От консервов может появиться цинга, а спасенье от цинги — это тюленье мясо.

— Я запрещаю готовить обед из тюленьего мяса и никому не позволю есть такую падаль! — сердито сказал начальник и вышел из кают-компании.

— Я тоже не могу есть: противно, — сказал капи-

тан Лекуант и отодвинул от себя тарелку.

— Да, тюленина не наша пища, — поддержали капитана Арктовский, Данко и Раковица.

Они впервые были в полярном плавании и поэтому относились к тюленьему мясу с брезгливостью и косо смотрели на норвежцев и Кука, которые с аппетитом заканчивали обед.

Доктор Кук наклонился к Амундсену и проговорил:

— Если так пойдет дело, то, конечно, экипаж погибнет.

Амундсен молча кивнул головой.

После обеда они вышли на палубу: ночь кругом лежала непроглядная. Солнце показывалось в последние недели не более как на час в сутки.

— Что же мы теперь будем делать? — тихо спросил Кук. — Ведь такой приказ — это катастрофа.

— Пусть будет так, как хотят начальник и капитан. Мы не имеем права нарушать дисциплину. А там посмотрим.

— Надо все-таки заставить экипаж работать. Иначе от безделья все заболеют.

— Это правильно, — согласился Амундсен.

Они прошли до кормы. Позади, в темноте, кто-то позвал:

— Доктор! Доктор, это вы?

Доктор Кук откликнулся. К нему торопливо подошел один из матросов.

— Идите скорей, доктор, с Вильямсом что-то неблагополучно.

— А что такое? Отравился?

— Нет, собрался уходить. Буянит. Вон, смотрите, он уже вышел на палубу.

Доктор Кук и Амундсен пошли к дверям кают-компании. Там столпились матросы. Они держали за руки Вильямса, за плечами у него висела сумка, а в руках он сжимал крепкую палку.

— В чем дело? Почему вы его держите? — спросил доктор.

— Он хочет уходить.

— Как уходить? Ты куда собрался, Вильямс?

— В Бельгию. Я не буду здесь зимовать.

— Как? Пешком через льды и океаны?

— Да, пешком. А где надо, я поплыву. Я очень хорошо плаваю.

— Да, пожалуй, переплыть можно, — спокойно сказал доктор. — Но пока я тебе, друг, не советую уходить. Подожди немного: вот взойдет солнце, и я сам составлю тебе компанию. Пойдем вместе.

Доктор взял матроса за руку и, ласково разговаривая с ним, увел его к себе в каюту.

Амундсен и матросы остались на палубе.

— Не корабль у нас, а коробка! — сказал матрос Эмиль. — А тут еще сумасшедший. Беда!

Амундсен в душе согласился с ним, но вслух ответил:

— Ничего, брат, держись! Главное — не теряй бодрости. Бодрость потерять — все потерять.

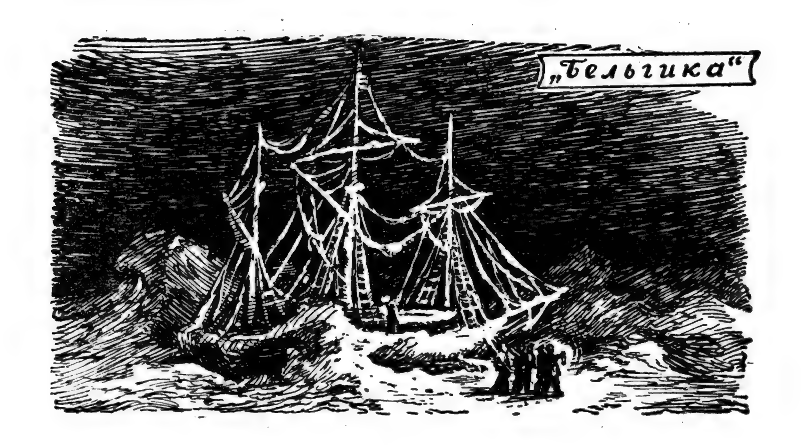
— Где ее набраться, бодрости? — сердито буркнул Эмиль.

Амундсен не сказал ничего. Да и что можно сказать людям, которые при первой беде становятся малодушными? Он вздохнул и спустился вниз.

Проходя мимо каюты доктора, он увидел в полуоткрытую дверь, что доктор и матрос Вильямс сидели друг перед другом, и услышал:

— Ну, вот мы и пойдем скоро...

Это сказал доктор. Матрос весело засмеялся. Должно быть, он поверил ему. Амундсен прошел в свою каюту, в темноте разделся и лег. Он устал от волнений этого дня. Что же будет дальше?

АМУНДСЕН — НАЧАЛЬНИК

Потянулись страшные недели. Зима с каждым днем становилась суровее. Дни все укорачивались. 15 мая в последний раз на горизонте появилось солнце и скрылось на семьдесят дней.

Семьдесят суток непрерывной ночи!

Ударили такие морозы, что на палубу нельзя было высунуть носа. И хотя чугунная печь в кают-компании была все время раскалена докрасна, но грела она плохо. Вокруг нее сидели и лежали люди. Амундсен и Кук устроили в углу кают-компании мастерскую и с помощью нескольких матросов делали сани, шили из тюленьих шкур одежду.

Однажды матросы сказали доктору, что их товарищ Эмиль уже два дня не встает с койки.

Доктор бросил ножницы и вышел из кают-компании. Минут через пять он вернулся и позвал Амундсена.

— Идите посмотрите, — сказал он вполголоса, когда они вышли в темный коридор. — Случилось то, что должно было случиться. У Эмиля цинга.

Они молча пошли в кубрик. Плошка с тюленьим жиром слабо освещала тесное помещение. На койке

лежал Эмиль. Доктор Кук и Амундсен нагнулись над ним.

— Открой рот! — приказал доктор.

Эмиль слабо разжал челюсти. Тяжелый запах ударил Амундсену в лицо. Десны у Эмиля распухли и почернели. Язык еле ворочался.

— Цинга самая настоящая, — сказал Амундсен. — Нужно свежее мясо. Будем кормить его... чтобы не знали ни капитан, ни начальник.

— Да, придется. Готовить будем сами.

И тайно от капитана они кормили больного Эмиля тюленьим мясом.

Но прошла неделя, и цингой заболело несколько матросов. Доктор Кук вызвал всю команду на медицинский осмотр. У многих уже была первая и вторая стадия цинги: распухшие десны, язвочки на ногах, лоснящиеся лица серовато-бледного цвета. Кое-кто жаловался на болезнь сердца, на боли в желудке, на бессонницу. Сказывалось однообразное питание консервами.

Кук и Амундсен решили поговорить с де Герлахом.

— Положение экипажа очень серьезное, — предупредили они, — необходимо свежее мясо, иначе все слягут и не встанут.

Де Герлах рассердился:

— Вы опять о том же?! Я запретил готовить падаль. И никаких разговоров!

Кук и Амундсен не смели спорить: слово начальника экспедиции — закон. Приходилось молчать и ждать дальнейших событий.

Не прошло и трех суток, как Данко позвал доктора к себе в каюту.

— Посмотрите, доктор, что со мной. У меня опухли ноги.

Кук осмотрел его. Признаки цинги были явными.

— Единственное средство спасения — тюленье мясо. Будете есть тюленя? — спросил Кук.

Данко сделал брезгливую гримасу.

Кук пытался его уговорить:

— Смотрите, друг! Ваша брезгливость доведет вас до беды. Вы вконец расстроите здоровье.

Но Данко был непреклонен:

— Нет, нет, доктор! Не говорите мне об этом!

Кук и Амундсен видели, что Данко слабеет с каждым днем. Он лежал хмурый и печальный. Сильнее всех он тосковал по родной Бельгии. Болезнь развивалась стремительно, и уже в начале июня — первого зимнего месяца — Куку стало ясно: Данко обречен на смерть.

Грустно было доктору и Амундсену стоять у постели больного и не иметь возможности ему помочь.

В середине июня Данко умер.

Навсегда осталась в памяти Амундсена картина похорон Данко. В кают-компании над покойником прочитали молитвы. Кук сказал короткую речь. Тело Данко положили в мешок, привязали к ногам чугунный груз и молча понесли с корабля на лед, чтобы там опустить в прорубь. Все, кто еще мог ходить, пошли проводить покойника в последний путь. Ночь была черная, бушевала метель, и факелы пришлось защищать от ветра кусками парусины.

Плотным кольцом все столпились у проруби. Покойника подняли над прорубью стоймя и постепенно стали опускать в воду. Будто живой, уходил Данко все ниже и ниже. Вот только контур головы виден над прорубью. Вот и голова исчезла: Данко ушел в пучину.

Придавленные тоской и тревогой, люди молча вернулись на корабль. Похороны произвели на всех угнетающее впечатление, и многие думали: «Не за мной ли очередь?»

После похорон еще один матрос сошел с ума. Его помешательство было буйным, он не подпускал к себе никого, отказывался от пищи и через несколько недель умер. Этот случай еще сильнее, чем смерть Данко, потряс всю команду. Теперь цингой болели почти все. Начальник экспедиции де Герлах и капитан Лекуант тоже похварывали и, наконец, свалились оба. Они лежали в полутемной каюте начальника, неподвижные, как бревна. Де Герлах быстро ослабел, и однажды, когда к нему пришел доктор Кук, он сказал хриплым голосом:

— Позовите свидетелей, доктор. Я хочу сделать завещание.

— Завещание? — удивился Кук. — Вы малодушествуете! Не теряйте надежды.

— Перестаньте, доктор, — сердито проворчал де Герлах. — Вы видите, что я и капитан больны смертельно.

Чтобы не раздражать больного, доктор позвал Амундсена, механика Виктинга, второго штурмана Бруля, которых еще не осилила цинга. Когда свидетели вошли в каюту, доктор плотно закрыл двери: он не хотел, чтобы кто-нибудь из команды мог узнать о том, что здесь происходит. Если сам начальник готовится к смерти, тогда весь экипаж подумает, что положение безнадежно.

Де Герлах слабым голосом начал диктовать:

«Находясь в здравом уме и твердой памяти...»

Доктор Кук, наклонившись над столом, записывал его слова. Изможденное бородатое лицо начальника экспедиции тянулось к столу. В глазах де Герлаха было отчаяние. На соседней койке ворочался капитан. Он тоже вытянул шею и смотрел, как пишет доктор.

А три свидетеля, закутанные в куртки из мохнатых шкур, молча стояли вокруг стола. Слабый свет лампы освещал их мрачные лица.

— Я тоже хочу сделать завещание, — сказал капитан, когда де Герлах кончил диктовать.

Доктор переглянулся с Амундсеном.

— Вам-то совсем рано! — сказал доктор.

— Нет, нет. Я чувствую, смерть близка. Пишите.

Кук снова наклонился над столом, положив перед собой чистый лист бумаги. Капитан диктовал еле слышно.

— Подпишитесь! — сказал доктор и пододвинул бумагу к Амундсену.

Амундсен расписался. За ним поставили свои подписи механик Виктинг и штурман Бруль. Все было сделано по закону.

— А теперь... пусть команду над судном и экспедицией примет Амундсен, — сказал начальник экспедиции. — Вы не возражаете, капитан?

— Да, да. Я согласен, — подтвердил капитан.

Кук записал распоряжение в вахтенный журнал и подал его капитану и начальнику экспедиции.

Де Герлах и Лекуант расписались. Доктор подал вахтенный журнал Амундсену.

— Примите команду.

Это была ответственная минута в жизни Амундсена. Он — начальник полярной экспедиции! Но нет, он и виду не показал, что волнуется: молча расписался, и все, не говоря ни слова, вышли из каюты.

— Итак, дорогой Амундсен, дело теперь за вами, — сказал доктор, когда закрылась дверь в каюту капитана. — Надо спасать людей.

Амундсен положил руку на плечо Бруля.

— Слушайте, Бруль! Немедленно вызовите всех здоровых матросов наверх.

— Есть позвать всех здоровых наверх! — улыбаясь, проговорил Бруль и поспешно пошел в кубрик к матросам.

На палубу поднялись только четыре матроса, Бруль и Виктинг. Все остальные были больны.

— Мы спустимся на лед и выкопаем из снега убитых тюленей и пингвинов, — негромко сказал Амундсен. — Джемс, скажи коку, чтобы он сейчас же растопил печь. Сегодня у нас будет обед из свежего мяса.

Джемс весело откликнулся:

— Есть сказать повару, чтобы растопил печь!

Он побежал в камбуз, а три матроса, Бруль, Виктинг, доктор Кук и Амундсен, захватив лопаты и топоры, спустились на лед. Метели нанесли вокруг корабля горы снега. Туши тюленей и пингвинов были спрятаны в снегу возле носа корабля. Амундсен шел впереди с фонарем в руках. Остановившись у какого-то длинного сугроба, он бодро сказал:

— Приступайте. Нынче мы пообедаем на славу!

Матросы весело принялись за работу. Им помогали Амундсен и Кук. Чтобы добраться до тюленей, пришлось вырыть в снегу длинный коридор. Амундсен сам вырезал из тюленьих туш лучшие куски мяса и приказал отнести их в камбуз.

Через час был готов обильный и вкусный обед. Все, кто в состоянии был дойти или доползти до кают-компании, сидели за столом и ели будто наперегонки: консервы так всем опротивели, что жареное тюленье мясо казалось лакомством.

Потом доктор и Амундсен накормили тех, кто не смог прийти к столу.

И, наконец, доктор отправился в каюту капитана с блюдом, доверху наполненным мясом. Что там произошло, он не рассказал. Но назад в кают-компанию он пришел улыбающийся — в руках у него было пустое блюдо.

Этот обед будто воскресил всех. Люди заговорили живее, громче. Было похоже, что они дождались праздника.

Прошло семь дней, и экипаж трудно было узнать: больные уже сами выходили к обеду; в кают-компании зазвучали громкие голоса, а иногда даже слышался смех. Лучше стали чувствовать себя и капитан и начальник экспедиции.

После ужина обычно все долго сидели в кают-компании, мечтая о том времени, когда подуют теплые северные ветры, разгонят лед, и «Бельгика» сможет выйти в открытое море.

ДОКТОР КУК — СПАСИТЕЛЬ

Переломилась, наконец, страшная зима. В полуденные часы на горизонте появлялось белое пятно, предвещавшее приход солнца. С каждым днем пятно росло все больше и больше, становилось ярче, и через какую-нибудь неделю показалось, наконец, солнышко: в первый раз оно выглянуло из-за горизонта только краешком на несколько минут и тут же скрылось. Но встречал его весь экипаж. Амундсен приказал вынести на палубу больного капитана и сумасшедшего матроса Вильямса. Все приветствовали солнце такими радостными криками, словно уже пришло спасение.

Однако Амундсен и Кук понимали, что до этого еще далеко. На следующий день солнце поднялось выше и светило дольше. В сумерках экипаж собрался в кают-компании, и доктор Кук сказал:

— День избавления близок. Нам нужно теперь же обследовать все льды вокруг корабля. Завтра мы пойдем посмотрим, нет ли где выхода. Может быть, «Бельгике» удастся выбраться.

Ранним утром Кук и Амундсен спустились на лед. Заря только занималась, небо на востоке покрылось

белой пеленой. Они прошли километра два, но нигде не заметили ни трещины, ни полыньи, — все было плотно закрыто льдами. Взошло солнце, и Амундсен увидел трех матросов, шедших им навстречу с запада. Еще издали они кричали.

— Мы видели полынью! До нее не будет и одного километра.

И действительно, не прошли они за матросами и километра, как открылась полынья. Она была похожа на длинный язык и тянулась далеко к северу. Конец ее терялся во льдах. Доктор обрадовался:

— Как раз то, что нам надо. Если судно провести сюда, мы вырвемся из плена.

— Вряд ли, — усомнился Амундсен. — Вероятно, полынья с севера закрыта.

— А это мы сейчас проверим, — сказал доктор и пошел к ледяной горе, высившейся справа от полыньи.

Поднявшись на нее, он посмотрел вдаль. Полынья кончалась километрах в трех, а вдали, по горизонту, стеной поднимались большие ледяные горы. Но за ними, несомненно, был открытый океан.

За обедом доктор сказал:

— Кажется, всех нас можно поздравить с большим открытием. Мы нашли полынью. Нам необходимо как можно скорее вывести в нее корабль.

— Полынья закрыта со всех сторон, — тут же откликнулся один из матросов, который был с Амундсеном и Куком на разведке. — Все равно в открытое море мы не попадем. Полынья не поможет.

— Вот именно через эту полынью мы и попадем в открытое море, — твердо сказал доктор. — Когда подойдет весна и подуют теплые ветры, лед начнет трескаться, и трещина обязательно пройдет по самому слабому месту, то есть там, где сейчас полынья, и нам уже легко будет вывести корабль в открытый океан.

Амундсен кивнул головой.

— Доктор прав. Такие случаи в полярных экспедициях бывали не раз.

— Но как же вы проведете корабль через лед? До полыньи целый километр, — сказал второй штурман.

— Мы пропилим во льду канал, взорвем лед и по каналу проведем «Бельгику».

Механик Виктинг рассмеялся:

— А где вы возьмете такие пилы? Ведь у нас только четыре маленькие пилы и всего лишь несколько фунтов динамита.

— И с этими пилами при желании можно сделать проход. Я уверен, работа удастся.

Матросы угрюмо переглянулись. Было видно, что они не верят доктору.

— Мы замерзнем на такой работе, — сказал Бруль. — У нас нет даже теплых пальто.

— Зато у нас есть одеяла, — сказал Амундсен. — Сегодня же мы начнем шить из них теплые пальто.

После обеда Амундсен отправился в трюм корабля, где в ящиках лежали толстые грубые одеяла красного цвета. Их притащили в кают-компанию. Все посмеивались, что экипаж «Бельгики» будет щеголять в таких странных нарядах.

Один матрос, исполнявший обязанности портного, разрезал одеяла и скроил из них нечто похожее на халаты. Тут же все, не исключая Амундсена и Кука, принялись за шитье. Кают-компания превратилась в портновскую мастерскую.

Три дня спустя на утренней заре экипаж спустился на лед и пошел к полынье. Это было забавное зрелище: все были одеты в красные неуклюжие халаты, а на головах торчали самодельные шапки. Доктор Кук и Амундсен провели длинную прямую черту от ближнего края полыньи к кораблю. Они показали, какой ширины должен быть канал, и матросы нехотя приступили к работе. По совету Кука они прицепили к одному концу пилы тяжелые гири, привязав их проволокой,

и этот конец спустили в воду. На другом конце пилы была укреплена длинная ручка; груз тянул пилу вниз, в воду, а двое матросов, уцепившись за ручку, поднимали пилу вверх. Так началась пропилка льда.

Доктор приказал выпилить во льду длинные треугольники, и когда обе пилы сошлись в вершине такого треугольника, Кук вырыл небольшую ямку, положил в нее динамит, провел шнур и поджег его. Все поспешно отбежали в стороны. Раздался взрыв, и отпиленная глыба льда поплыла в полынью. Удачный взрыв ободрил всех. Матросы с большей охотой продолжали работу. В первый день они отпилили десять больших треугольников. Канал наметился сразу, — он был шириной в двадцать пять метров.

Утомленные, но бодрые духом, матросы вернулись на корабль. Работа первого дня показала, что канал сделать можно. Значит, и спасение возможно. И теперь от желающих пилить лед не было отбоя.

Канал подвигался быстро. На четвертой неделе прошли половину пути. Дни стали длиннее. Истомленные долгою ночью, люди были рады свету и движению. Работали очень дружно: одни пилили лед, другие проталкивали его баграми по каналу в полынью. В начале девятой недели работа была окончена. Экипаж проколол вокруг корабля лед, и поздно вечером все, усталые, но очень довольные, легли спать. Они надеялись, что на рассвете им удастся провести корабль по каналу на канатах в открытую полынью.

Рано утром Амундсен проснулся, разбуженный тревожными криками. Он поспешно поднялся наверх. На палубе собрался почти весь экипаж. Матросы что-то кричали, грозили кому-то, кого-то проклинали.

— В чем дело? — спросил Амундсен.

Матросы закричали, перебивая друг друга:

— Канал закрыт! Работали мы, работали, гнали вы нас, гнали, и все пошло прахом.

Амундсен поднялся на мостик. Канала не было: льды сомкнулись, и небольшие кучки мелких льдин виднелись как раз там, где вчера тянулась широкая водная полоса. Вышел на палубу и доктор Кук, с ним

капитан и начальник экспедиции, — все угрюмо смотрели на льды.

С запада, все усиливаясь, дул ветер. Это он сдвинул льды, закрыл канал.

— Надежда рухнула, — мрачно сказал капитан.

— Ну нет, капитан! — живо откликнулся Кук. — Ветер отнял у нас канал, но он может и вернуть его нам. Посмотрим, что будет к вечеру.

День тянулся томительно. Мало кто выходил на палубу, — все сидели в каютах, озлобленные и мрачные. Только Амундсен и Кук, о чем-то тихо переговариваясь, ходили по льду вокруг корабля.

Перед заходом солнца льды стали подозрительно потрескивать, задвигались, и скоро от корабля к полынье протянулась трещина. С каждой минутой она становилась все шире и шире. Доктор торопливо вышел на палубу, зазвонил в сигнальный колокол.

Все выбежали, одеваясь на ходу, и, увидев широкую трещину, разразились радостными криками.

— Скорей, скорей! — торопил доктор.

Еще накануне к бортам корабля были прикреплены длинные канаты. Экипаж разделился на две группы: одной командовал Амундсен, другой — Кук. Капитан стоял на мостике. Он подал сигнал, матросы потянули канаты, и корабль медленно пошел по каналу. Через два часа он достиг полыньи и закачался на вольной воде. С корабля были спущены шлюпки; матросы и Амундсен проехали на место старой зимней стоянки, собрали все оставшиеся здесь вещи и вернулись обратно.

Этот день был большим праздником для экипажа. На трех шлюпках матросы долго плавали вдоль берегов полыньи. Они отвыкли от весел и были рады поразмяться. И поразмяться с пользой: на льдах было много тюленей и пингвинов. Охотники, сидевшие на шлюпках, убили несколько животных. Сейчас уже никто не отворачивался от тюленины.

Но выхода в открытое море все еще не было. По-прежнему на пути «Бельгики» лежали непроходимые льды, а за ними, далеко на горизонте, ледяная стена, преграждающая выход в океан.

Прошла неделя, другая — все оставалось без изменения. Лишь канал, по которому прошел корабль, то плотно закрывался льдами, то открывался снова. На корабле воцарилось уныние.

Наконец, в начале сентября, подул северный теплый ветер. Лед стал трескаться, раздвигаться, и трещины, как и предвидел доктор Кук, проходили именно через полынью. Амундсен приказал приготовить машину, чтобы в любую минуту можно было двинуться вперед. А теплый ветер продолжал дуть неустанно.

Однажды лед разошелся настолько, что корабль мог пройти из полыньи в открытое море. Тотчас же «Бельгика» быстро начала продвигаться вперед. Она была уже совсем близко к цели, когда две огромные ледяные горы стали на ее пути. Проход между ними был совсем узкий, однако Амундсен, все еще продолжавший командовать судном, решил рискнуть. Он ввел

судно в проход, который местами был так узок, что борта «Бельгики» касались ледяных стен. Корабль с силой продирался меж ними. Вдруг на палубе кто-то отчаянно закричал:

— Назад! Горы сдвигаются!

«А вдруг горы сомкнутся и раздавят корабль?» — подумал Амундсен. И тут же услышал резкое шуршание льдины по правому борту «Бельгики». Корабль затрещал... И в эти роковые минуты на выручку пришла опытность доктора Кука. Он быстро созвал матросов, приказал вытащить из трюма шкуры тюленей, набить их шкурами пингвинов, — получились толстые, мягкие мешки, которые тотчас же были укреплены по бортам корабля.

И как раз вовремя! Ледяные горы сдвинулись, напирая на «Бельгику». Но сейчас ей был не так страшен этот напор, потому что мешки защищали ее борта. Постепенно горы отодвинулись, и корабль вышел, наконец, в бескрайный простор океана. В ледяной ловушке он пробыл тринадцать месяцев.

* * *

Теперь все почувствовали себя спасенными. Опасность осталась позади! Корабль, правда, был потрепан, но цел, и в его трюме сохранилось еще достаточно угля для того, чтобы добраться до ближайшего порта.

Празднично украшенная флагами, «Бельгика» пошла полным ходом к северу. Свободные от работы матросы часами стояли на палубе. Амундсен с капитанского мостика смотрел на них. Грязные, небритые, измученные, они мало походили на тех бодрых, сильных людей, которые тринадцать месяцев назад вошли во льды. Страшная зима вымотала всех. Два матроса вывели под руки Вильямса: мутными глазами он неотрывно смотрел на морской простор, на волны и что-то мычал.

В штурвальной рубке послышались тревожные голоса. Амундсен вошел туда. Капитан громко ругал второго штурмана, а тот смущенно в чем-то оправдывался.

— Что случилось? — спросил Амундсен.

Капитан сердито повернулся к нему.

— Вы испортили инструменты!

— Инструменты, должно быть, испортились от тряски, когда нас давили ледяные горы, — сказал второй штурман.

Амундсен осмотрел инструменты. Все они действительно были испорчены.

— Конечно, это неприятно, капитан, но не стоит волноваться, — сказал он. — Путь мы теперь найдем.

— На вашу ответственность! — буркнул капитан.

— Да, да, на мою ответственность.

Амундсен понимал, какой опасности подвергался корабль, идя вслепую. Но что было делать?

И он повел корабль наугад, приказав держать курс на восток: там лежали острова Огненной Земли.

Семь дней «Бельгика» плыла в полной неизвестности. Вахтенные матросы, сменяя друг друга, наблюдали с верхушки корабельной мачты за горизонтом. Наконец на восьмой день с верхушки мачты раздался радостный крик:

— Земля!

Амундсен сейчас же взобрался на мачту. Вдали виднелось черное пятнышко: да, это была земля!

Через десять часов «Бельгика» подошла к неизвестному острову. Как ни гадали штурман, капитан и начальник экспедиции, но не смогли определить, что это за остров. Он представлял собой совершенно пустынную гору, на вершине которой лежали снега. Невдалеке от него встретили другой остров, с виду похожий на храм, — и все сразу узнали так называемый Церковный остров. Он был точно нанесен на карты, и теперь «Бельгика», определив свое местоположение, могла уверенно идти дальше. Путь был известен.

Еще через неделю корабль прошел Магелланов пролив и направился в Европу. В начале ноября 1899 года «Бельгика» вернулась в Антверпен.

Все путешествие заняло около двух лет.

К ВЕЛИКИМ ЦЕЛЯМ

Целый год Амундсен прожил в Христиании, отдыхая от пережитых волнений и готовясь к экзамену на звание капитана. Он напечатал в газетах и журналах много статей об экспедиции на «Бельгике», и его имя знала теперь вся Норвегия. Поселился он в том же маленьком домике, где когда-то жил с матерью, вел все ту же скромную жизнь, по-прежнему много читал, и в его комнате до позднего часа горел свет.

Пришел день экзамена. Амундсен сдал его превосходно. Теперь он сам мог вести свой будущий корабль в полярные неведомые края.

Какие задачи ставили перед собой известные полярные исследователи? Чего они добивались?

Пройти северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий вдоль берегов Северной Америки — вот первая из крупнейших задач. Вторая задача — побывать на Северном полюсе. Сколько отважных путешественников пыталось решить эту задачу! Последняя попытка была сделана Нансеном. Но все экспедиции кончались неудачей.

Открыть Южный полюс — вот третья задача, стоящая перед полярными исследователями.

Разрешить первую задачу — найти северо-западный проход — пытались очень многие. Пятьдесят семь экспедиций окончились безрезультатно: одни возвратились с полдороги, а другие, в том числе и экспедиция Франклина, погибли. Только пятьдесят восьмой экспедиции, возглавляемой Мак-Клюром, удалось пройти вдоль северных берегов Америки. Однако задача все же не была решена. Часть пути экспедиция прошла на корабле, а часть пешком. Водного пути не нашел и Мак-Клюр. Да и есть ли такой путь?

Амундсен был убежден, что проход существует, и остановился именно на этой задаче — найти северный водный путь из Атлантического океана в Тихий.

Но кто поможет ему организовать такую экспедицию?

И по книгам и из своих наблюдений он знал, что экспедиции снаряжались обычно на средства богатых людей. Эти люди чаще всего сами были начальниками экспедиций. Государства давали деньги скупо, да и то только тем экспедициям, которые, кроме исследовательских и научных целей, решали еще иные задачи: открытие новых торговых путей, поиски новых рынков сбыта и приобретение колоний.

Полярные экспедиции прямых практических целей не преследовали: мало кто мог интересоваться безжизненной мертвой землей. Поэтому средства на такие экспедиции ни одно государство почти не отпускало.

За время путешествия на «Бельгике» Амундсен скопил несколько тысяч крон. Довольно крупную сумму получил он за свои статьи в газетах и журналах. В общей сложности у него было десять тысяч крон.

Но это слишком мало. Нужно было, по крайней мере, пятьдесят тысяч крон. А где их взять?

Если заявить, что экспедиция ставит своей целью поиски северо-западного прохода, вряд ли этим заинтересуются. Правда, проход, если он действительно существует, будет играть важную роль для мореплавания. Однако уже пятьдесят восемь экспедиций пытались открыть этот водный путь. И неудачно!

А если объявить, что экспедиция, кроме поисков северо-западного прохода, попытается установить точное местоположение магнитного полюса и займется изучением земного магнетизма?.. Пожалуй, газеты заинтересуются поисками загадочного блуждающего полюса, сумеют возбудить общественное мнение, и тогда, возможно, отдельные частные лица и, может быть, даже само государство поддержат экспедицию.

Дело в том, что магнитный полюс в Арктике, как установили ученые, все время перемещается. Впервые полюс был открыт экспедицией Росса в 1831 году. Он находился тогда на полуострове Беотия-Феликс у северных берегов Америки. С тех пор прошло семьдесят лет, положение его должно было значительно измениться. Да и методы научных наблюдений, а также техника их за эти годы стали более совершенными. Результаты работ Росса следовало подвергнуть серьезному пересмотру.

Однако у самого Амундсена не было твердого убеждения, что открытие магнитного полюса представляет большую научную ценность. Он обратился за советом к своим друзьям — сотрудникам метеорологического института. Все единогласно говорили, что решение этой задачи чрезвычайно важно, только оно требует большой научной подготовки.

Прежде всего ему хотелось посоветоваться с Нансеном.

Норвегия и весь мир увлекались в то время записками Нансена о его необычайном путешествии на «Фраме» и о зимовке на Земле Франца Иосифа.

Нансен! Нансен! Вот человек, который с ранней юности был путеводной звездой Амундсена. Сколько лет Амундсен мечтал стать таким же смелым и отважным, как Нансен!

«У меня есть опыт в полярных путешествиях, есть звание капитана, я могу быть начальником экспедиции, но научных знаний у меня нет. Без этого мои будущие экспедиции не могут иметь большого значения для науки. Нансен укажет мне, что надо делать, а может быть и поможет».

С такими мыслями Амундсен отправился к Нансену.

Он немного побаивался этой встречи. Как его примет знаменитый путешественник? А вдруг он высмеет его план? И тогда на поддержку нечего рассчитывать. Только... все равно: если решение принято, идти надо.

Нансен жил тогда в Христиании. Амундсен нерешительно постучал в дверь его дома. Служанка ввела Амундсена в переднюю и попросила подождать. Смущенный, он сел возле большого стола и поглядывал исподлобья на дверь, за которой скрылась служанка. Он трусил так, как не трусил даже в минуты самой страшной опасности. Много лет спустя, вспоминая об этих минутах, Амундсен писал: «Я чувствовал себя в положении того марк-твеновского героя, который отличался таким маленьким ростом, что должен был дважды входить в двери, иначе его никто не заметил бы».

Дверь отворилась, и вошел Нансен. Он сразу узнал Амундсена и приветливо протянул ему руку.

— Вы Амундсен? Штурман с «Бельгики»? Очень рад вас видеть!

Пристально и пытливо смотрел он прямо в лицо Амундсену.

— Чем могу служить?

— Я пришел к вам за советом, — волнуясь, начал Амундсен. — Я снова хочу отправиться в полярные страны. Я задумал самостоятельное путешествие.

Нансен взял за руку Амундсена, и голос его потеплел:

— Очень рад помочь, чем смогу.

Он провел Амундсена в просторный кабинет. Два широких окна выходили в сад. Комната была залита солнцем. У окна стоял широкий стол, заваленный книгами и картами. На стене висела большая карта Арктики, а под нею — серый позвонок кита. Нансен предложил гостю кресло.

— Ну, рассказывайте, каковы ваши планы.

Амундсен несмело сел. Сейчас решится судьба его замысла. И все будет зависеть от Нансена — героя его юношеских дум. Он на минуту почувствовал себя маленьким мальчиком.

— Я понимаю... Мало быть только путешественни-

ком, — начал он робко, — надо быть и работником науки.

— Правильно, — сказал Нансен улыбаясь. — Но сначала скажите мне: куда именно вы собираетесь идти?

— В ближайшие годы я хотел бы попытаться найти северо-западный проход...

Нансен откачнулся на спинку кресла, внимательно посмотрел на своего гостя, потом перевел глаза на карту Арктики. Северный берег Америки был условно отмечен пунктиром: никто никогда еще не проходил вдоль этого берега на корабле, и береговая линия не была нанесена на карту.

— Прекрасная цель, — сказал Нансен. — Для этого стоит и жить и работать.

Сердце у Амундсена радостно забилось. Смущение прошло. И он уже смелее рассказал о своем плане и о всех приготовлениях к задуманной экспедиции.

— В течение года я буду изучать магнитный полюс, а потом попробую пройти северо-западным морским путем, — говорил он горячо.

И по мере того как Амундсен, воодушевляясь, излагал свой план, лицо Нансена преображалось. С изумлением смотрел он на своего гостя. Сам человек отважный и смелый, Нансен дважды выступал с планами, очень дерзкими по замыслу. Многие критики называли эти планы безумием. А вот он эти планы осуществил, и осуществил с таким блеском, что завоевал всемирную славу. И теперь, слушая Амундсена, он невольно увлекался широтой и грандиозностью замыслов молодого капитана. Нансен не мог сдержать своего восхищения.

— Все, что вы задумали, превосходно! Это очень важное дело. Благородная цель. А скажите, каким образом вы рассчитываете собрать средства для этой экспедиции?

Амундсен несколько смутился.

— У меня есть немного собственных денег, и я надеюсь заработать еще. Пока я хочу предпринять плавание в Ледовитом океане на каком-нибудь небольшом судне, чтобы научиться управлять им во льдах. Во время этого плавания я буду заниматься охотой и, может быть, добуду средства для снаряжения.

Нансен сочувственно вздохнул. Да, дорога исследователя не легка. С каким трудом приходится им сколачивать экспедиции! Газеты падки на сенсации, готовы до небес превозносить героев, победителей... Но как тяжел путь к победам! Как нелегко даются они в руки! Кто поможет сейчас вот этому смельчаку? Общество? Государство? Нет! Они мало интересуются наукой. А помочь Амундсену надо.

И Нансен не только одобрил замысел Амундсена, но и обещал порекомендовать его кое-кому из влиятельных лиц.

— Будем надеяться, что они помогут вам в достижении этой высокой цели.

Со своей стороны, он обещал Амундсену всяческую помощь.

Два часа длилась беседа Амундсена с Нансеном. И когда Амундсен покидал его дом, он был уже уверен, что путь выбран им правильно и что в его планах нет ничего невозможного.

В тот же вечер Амундсен написал директору Британской обсерватории в Кью длинное письмо:

«Я намерен в ближайшие годы отправиться в полярные края с целью исследовательской. Мне хотелось бы под вашим руководством и в вашей обсерватории изучить все, что связано с земным магнетизмом, и все методы, какими пользуются при производстве магнитных наблюдений».

В письме он рассказал о страшной зимовке за Южным полярным кругом и сожалел о том, что у него не было тогда научной подготовки. Несомненно, он мог бы дать науке новые материалы. Ведь это была первая зимовка в Антарктике.

Амундсен хотел подчеркнуть в своем письме, что он не человек с улицы, что у него уже есть достаточный опыт в полярных путешествиях и что трудности предстоящей экспедиции его не пугают.

Он ждал, что директор Британской обсерватории тут же откликнется на его письмо. «Люди науки должны помогать друг другу», — так говорил ему Нансен.

Ответ пришел скоро. Он был вежлив и холоден:

«Обсерватория перегружена своей прямой работой.

Принять вас в число практикантов, к сожалению, не имеем возможности».

Этот ответ ошеломил Амундсена. Значит, преграды не только в полярных льдах, но и здесь, в культурных странах? Но разве впервые ему встречаться с трудностями?

В тот же день он побывал у своего знакомого профессора Стена и показал ему ответ директора Британской обсерватории.

— Поезжайте в Гамбург, к Неймайеру, — посоветовал Стен. — Он заведует обсерваторией. Может быть, он поможет.

— Поможет ли? — усомнился Амундсен. — Захочет ли он уделить хоть минуту совсем неизвестному человеку?

— Все равно попытаться надо. Я дам вам письмо к Неймайеру. Он меня немного знает.

Раздумывать было некогда, — надо было действовать. И уже неделю спустя Амундсен подъезжал к Гамбургу.

В порту Гамбурга стояли сотни судов под флагами многих стран. По набережным бродили толпы матросов.

Амундсен выбрал самую дешевую гостиницу и в ней самый дешевый номер. Принарядившись, он тут же отправился в Гамбургскую обсерваторию. Она находилась на другом конце огромного города. Амундсен ехал с большой тревогой: примет ли его Неймайер?

В дальнем квартале он отыскал белое здание обсерватории. С некоторой робостью он вошел в канцелярию, подал свои рекомендации. Вскоре его провели к Неймайеру. Известный ученый принял его любезно, расспросил внимательно о планах и дал ему разрешение работать в обсерватории.

Чтобы сократить до предела свои расходы, Амундсен в тот же вечер оставил дешевый номер в гостинице и переселился в крохотную, еще более дешевую комнатку на окраине Гамбурга. Он работал с утра до поздней ночи, питался очень скудно и отказывал себе во всем. Но что значат нужда и лишения для человека, который терпит их во имя великой цели?

Он раньше всех приходил в обсерваторию, позже всех уходил. А дома — только книги и книги да работа над статьями о путешествии на «Бельгике».

Прошло только пять месяцев. Амундсен мог уже самостоятельно вести магнитные и метеорологические наблюдения. Он многое узнал и, кроме того, завязал связи в ученом мире. Закончив практику у Неймайера, он поработал некоторое время в двух других обсерваториях и осенью 1900 года вернулся в Норвегию.

ПЛАВАНИЕ НА „ЙОА“

«Нансен одобрил мой план. Этот день я считаю началом существования моей экспедиции», — так писал Амундсен в книге «Плавание на «Йоа».

Амундсену, как он сам говорил, повезло. Ему удалось случайно купить целую библиотеку на трех языках, в которой была собрана почти вся литература о северо-западном проходе, все карты и планы предыдущих экспедиций.

Эти книги чрезвычайно обогатили его знания и помогли ему составить стройный план своей экспедиции. Он учел все ошибки и промахи полярных исследователей.

И он понял, что открытие северо-западного прохода может стать великим открытием для человечества.

Вот уже четыреста лет люди ищут кратчайший путь из Европы в страны Дальнего Востока и в Индию. В 1498 году Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки. Потом корабли Магеллана пересекли Тихий океан и достигли Индии.

Так четыре века назад европейцы нашли южные пути в сказочные страны Азии. Однако пути эти были

чрезвычайно длинные. Географы тех времен предполагали, что должны существовать более короткие пути: один — вдоль северных берегов Америки, так называемый северо-западный проход, а второй проход — северо-восточный — вдоль северных берегов Европы и Азии.

Поколения мореплавателей старались отыскать эти кратчайшие пути. Особенно много таких поисковых экспедиций направлялось вдоль приполярного побережья Северной Америки. И — увы! — они не дали никаких положительных результатов. Большинство экспедиций погибло.

На поиски погибшей в 1845—1846 годах экспедиции Франклина в последующие тридцать лет было снаряжено свыше сорока английских полярных экспедиций. Попутно они искали северо-западный проход. Но ни одной из них не удалось пройти морским путем от океана до океана. Изучая отчеты, планы и карты этих экспедиций, Амундсен пришел к выводу, что их неудачи коренятся в трех ошибках: во-первых, они отправлялись в плавание на больших кораблях, которые или застревали во льдах, или садились на мель; во-вторых, экспедиции состояли из очень большого числа участников, для которых требовалась масса продовольствия и снаряжения, — в экспедиции Франклина, например, участвовало сто тридцать четыре человека, и они погибли все до одного. И, наконец, в-третьих, все экспедиции, соблазненные открытой водой некоторых проливов, как, например, пролива Смита, забирались слишком далеко на север, блуждали меж бесчисленных островов и попадали в ледовые оковы.

Амундсен решил избежать всех этих ошибок: во-первых, он возьмет маленькое судно с небольшой осадкой, во-вторых, максимально ограничит состав участников экспедиции и, в-третьих, — самое главное! — будет искать проход не в высоких широтах, а значительно южнее.

В снаряжении экспедиции очень помог Нансен: он детально ознакомился с планом Амундсена и дал ему много ценных практических советов, одобрил приобретенные им научные приборы и аппараты. Настойчи-

вость и зрелость мыслей молодого Амундсена все более покоряли Нансена.

В поисках подходящего судна Амундсен объездил много портов и верфей. Его выбор пал на небольшую яхту «Йоа», приписанную к порту Тромсе. Яхта водоизмещением в сорок семь тонн была старая, постройки 1872 года. Лет двадцать она ходила на рыбные промыслы у берегов Норвегии и на тюленьи промыслы в полярных водах. Амундсен тщательно осмотрел ее, испытал на ходу. Суденышко было вполне подходящее, оно хорошо сохранилось и отличалось хорошими мореходными качествами.

— Вот только старовата яхта, — осторожно предупредил продавец покупателя.

— Ничего! Она того же возраста, как и я, — засмеялся Амундсен.

Купив яхту, он решил испытать ее в полярных льдах и перед поездкой снова побывал у Нансена.

— Ну что? Сговорились с кем-нибудь из промышленников? Идете в плавание? — спросил Нансен.

— Нет, я решил не откладывать дела и купил себе яхту. Хочу пойти на ней в промысловое плавание в Ледовитый океан. Весну и лето мы будем бить тюленя, ловить рыбу, а доход от промысла пойдет на подготовку экспедиции.

— Это прекрасно! — воскликнул Нансен. — Вот именно так и надо действовать: решительно!

Он посоветовал Амундсену заняться по пути океанографическими исследованиями, составил примерную программу работ и дал ему некоторые инструменты.

— Если вы хорошо проделаете эту работу, вашей экспедицией заинтересуются научные общества и, может быть, в дальнейшем окажут вам материальную помощь.

Весну 1901 года Амундсен плавал на «Йоа» между Гренландией и Шпицбергеном, охотился на тюленей и одновременно вел работы по плану Нансена. Во время плавания он изучил достоинства и недостатки яхты и увидел, что она требует кое-каких улучшений. По возвращении из плавания он поставил яхту на верфь в Тромсе, где было сделано все нужное. Он торопил

строителей, иногда сам брался за инструменты и работал как простой плотник.

В мае 1901 года яхту перевели из Тромсе в Троньем. Здесь были произведены все металлические работы: отремонтирован мотор яхты мощностью в тринадцать лошадиных сил, заготовлены бидоны для горючего и однотипные металлические ящики для продовольствия. Каждый ящик был обшит деревом. Бидоны и ящики укладывались в трюм яхты так плотно, как кубики в коробку. Амундсен следил, чтобы не пропадало ни одного сантиметра площади.

Между тем пора уже было закупать снаряжение и продовольствие. Своих денег у Амундсена хватило только на покупку инструментов и яхты, а где взять деньги на другие расходы?

Надежды Нансена на то, что океанографические наблюдения дадут Амундсену возможность рассчитывать на материальную помощь научных организаций, не оправдались.

«Мне ничего не оставалось, как пойти странствовать от одного лица к другому, кто так или иначе мог заинтересоваться моим предприятием и мог мне помочь», — писал Амундсен в своей книге «Плавание на «Йоа».

Он занимал деньги всюду, где только удавалось. Три коммерсанта из города Хальдена дали ему взаймы тридцать тысяч крон. По тем временам это была огромная сумма. Немного денег получил Амундсен от своей старой тетки Улавы Кристенсен, уверенной в том, что ее племянник Руал будет замечательным человеком.

Амундсен купил пятилетний запас продовольствия, двадцать тысяч литров горючего, отличное снаряжение, одежду, обувь. Закупил он также различные товары для обменной торговли с эскимосами: с ними он рассчитывал встречаться на пути своих поисков вдоль будущей трассы Атлантика — Тихий океан.

Все было перевезено на «Йоа», упаковано и уложено в трюм. Но денег на полную расплату не хватило. Амундсен умел отказать себе во всем и считать каждый грош, но отказывать экспедиции он не мог. Деньги, полученные от коммерсантов города Хальдена и от тетки Улавы, разошлись быстро. Пришлось занимать у раз-

ных лиц мелкими суммами под краткосрочные векселя. Случалось, что ему грубо, иногда даже оскорбительно отказывали. Он стойко переносил и отказы и оскорбления... во имя своей великой цели.

Трудно было подобрать участников экспедиции. Почти целый год искал Амундсен шестерых товарищей, на которых мог вполне положиться. Своим помощником он избрал лейтенанта датского флота Готфрида Хансена, совершившего уже не одно плавание в северных водах. Хансен был навигатором, астрономом, геологом и фотографом.

Первым штурманом был приглашен Антон Лунд, много лет плававший на зверобойных судах в должности шкипера и гарпунера, первым машинистом и метеорологом — Педер Ристведт, вторым штурманом — Хельмер Хансен, вторым машинистом и магнитологом был Густав Юль Вик и, наконец, обязанности кока были поручены Адольфу Линдстрему, который, как потом оказалось, был мастер на все руки.

Все они были люди опытные, смелые, не боявшиеся поставить на карту свою жизнь, когда дело шло о достойной цели. Самому старшему из них, Лунду, было тридцать девять лет, самому младшему, Густаву Юлю Вику, — двадцать пять. Они верили в успех экспедиции и принимали самое деятельное участие в ее подготовке. За месяц до отплытия они переселились на яхту и жили тесной, дружной семьей, каждый час готовые в путь.

За несколько дней до отплытия «Йоа» из Христиании на яхту пришел Нансен. Амундсен в это время был в городе. Нансен внимательно осмотрел яхту, снаряжение, поговорил с участниками экспедиции и убедился, что все подготовлено великолепно. Прощаясь, он сказал штурману:

— Передайте Амундсену: он может выходить в море.

Амундсен пришел в восторг, когда узнал об этом напутствии Нансена. Значит, можно не откладывать выхода ни на один день. Скоро в путь!

Но тут стряслась беда.

Кто-то пустил слух о том, что Амундсен затеял безумное дело. Как можно решиться искать северо-за-

падный проход на такой маленькой старой яхте, если даже большие корабли там погибали? Это даже не безумие, а авантюра. Четыреста лет люди с большими средствами, опытнейшие полярники ищут этот путь и не могут его найти. Куда же лезть бедняку Амундсену?! Это явная авантюра! И удивительно, что нашлись глупцы, которые ему поверили. Нищий Амундсен надавал им краткосрочных векселей, по которым и не собирается платить. Ведь он уходит в море на своей скорлупе не на три-четыре месяца, а на годы. А кто же будет платить по векселям?

Кредиторы Амундсена заволновались. Кое-кто из них потребовал вернуть им деньги. Амундсен пытался убедить недоверчивых кредиторов в успехе экспедиции. Ему не верили. Особенно нападал на него торговец консервами.

— Если вы не вернете мне деньги, я наложу арест на вашу яхту, — заявил он Амундсену.

Амундсен был вне себя: экспедиция была накануне краха. Столько хлопот, столько волнений — и все напрасно! Он пытался найти какой-нибудь выход. За эти немногие дни он похудел, не спал по ночам, но ничего не мог придумать. А торговец упрямо стоял на своем. Наконец он сказал решительно:

— Если через сутки вы со мной не расплатитесь, я заявляю полиции, и вас арестуют как мошенника!

Амундсен понял, что настала решительная минута. Торговец консервами по-своему был прав. Денег на расплату не было и не предвиделось. Амундсен тотчас созвал своих товарищей и сказал им прямо:

— Положение серьезное: либо мы сегодня же тайно уйдем из Христиании, либо завтра у нас отберут яхту. Согласны ли вы ехать немедленно?

— Конечно, согласны! — ответили они не задумываясь.

— Тогда в полночь мы выйдем в море. И об этом никому ни слова!

Этот разговор произошел вечером 16 июня 1903 года, за несколько часов до бегства.

Наступила ночь, пошел сильный дождь. Улицы и порт опустели. Провожать яхту пришло несколько

человек — самые близкие родные и друзья. Проводы были короткими. Яхта тихо отчалила и пошла за буксиром по фиорду. Все семеро участников были настроены радостно и смеялись, представляя себе, как завтра утром торговец консервами явится в порт, чтобы наложить арест на яхту, а яхта будет уже далеко в море. Особенно радовался сам Амундсен. Впоследствии он писал:

«Все было заранее приготовлено к морскому переходу, и мы сейчас же приступили к своим постоянным обязанностям. Как чудесно: никакого беспокойства, никаких надоедливых кредиторов, никаких скучных людей с дурными предсказаниями или даже с подозрительными улыбками! Только мы на яхте — семеро веселых и счастливых людей. Со светлой надеждой и твердой верой мы шли навстречу нашему будущему. Мир, так долго казавшийся мне темным и мрачным, встал передо мной полный бодрости и интереса».

ПУТЬ, ПОЛНЫЙ ОПАСНОСТЕЙ

В течение восьми недель яхта шла Атлантическим океаном до Баффинова залива. Зайдя в бухту Годхавн, на острове Диско, у западного берега Гренландии, Амундсен купил двадцать собак и направился к северу вдоль западного берега Гренландии. «Йоа» шла к поселению Делримпл, куда шотландские китоловные суда уже доставили Амундсену дополнительный запас продовольствия и горючего вместо истраченного во время перехода через Атлантический океан.

Первые полярные льды «Йоа» встретила в Мельвильской бухте. Несколько дней яхта дрейфовала во льдах, подвергаясь большой опасности. Между прочим, именно в этих широтах когда-то погибло несколько экспедиций, искавших северо-западный проход. Льды были серьезные, но «Йоа» с честью выдержала первое испытание, хотя была перегружена сверх всякой меры и глубоко сидела в воде. Ящики с продовольствием лежали не только в трюме, но и прямо на палубе. Амундсен, смеясь, сравнивал свою яхту с возом, нагруженным мебелью:

— Переезжаем с квартиры на квартиру. Захватили с собой все, что могли.

Заботиться о внешнем виде яхты, конечно, не приходилось. Предстоял долгий и опасный путь. Он был рассчитан на пять лет, но никто не знал, сколько времени придется действительно пробыть в полярных странах. Да, несомненно, у кредиторов с краткосрочными векселями Амундсена были все основания для волнений.

К середине августа яхта вошла в Ланкастерский пролив и достигла острова Бичи. Дальше на север не заходило еще ни одно судно. Остров Бичи представлял собой черную базальтовую скалу с огромными вековечными ледниками на вершине.

Яхта вошла в большую бухту, пришвартовалась и стояла здесь целую неделю. Амундсен и его спутники произвели самые тщательные магнитные наблюдения и определили, в каком направлении находится магнитный полюс: он лежал дальше — к западу от них.

Путь на запад шел мимо множества мелких островов. Эти места были совсем не исследованы. Яхта должна была идти как бы ощупью.

Чтобы не попасть на подводные скалы и мели, Амундсен приказал вести непрерывное наблюдение за глубиной моря. И тут подчас обнаруживалась такая странность: с одной стороны яхты лот уходил на большую глубину, а с другой — из воды высовывались изгрызенные волнами черные камни. Большую часть этого опасного пути Амундсен сам находился в наблюдательной бочке и оттуда руководил движением яхты.

Однажды в проливе разыгрался шторм. Страшный северный ветер крепчал с каждой минутой и перешел в ураган с дождем. Большая волна подхватила яхту и понесла ее на скалы. Судно ударилось о камни. Собаки визжали и выли от страха.

Нужно было немедля ставить паруса. Волны бросали яхту из стороны в сторону, заливали палубу, яхта скрипела под их ударами, ветер вырывал из рук снасти, но экипаж работал изо всех сил и в конце концов поставил паруса.

Однако ветер и высокие крутые волны поднимали судно и снова бросали его на камни. Фальшкиль (брус под килем) разлетелся на мелкие щепки и всплыл. Ничего не оставалось делать, как только наблюдать за ходом событий и ждать, чем это кончится.

Сжав зубы, Амундсен стоял на вантах и горько упрекал себя за то, что забыл основное правило полярников: «Арктика коварна. Не верь ей ни на мгновение». А он забыл или, может быть, не успел в самом начале бури послать вахтенного в наблюдательную бочку: вахтенный заранее заметил бы скалы и предупредил об опасности. Неужели судно разобьется и экспедиция кончится так же бесславно, как и все другие?

А мель, на которую несло яхту, становилась все яснее; уже видно было, как разбивается об ее край волна. Паруса натянулись, как кожа на барабане. Вся яхта дрожала. Гибель казалась неминуемой. Амундсен спустился на палубу и приказал:

— Приготовить лодку! Грузите провиант, оружие и патроны.

Тут Лунд, стоявший недалеко, крикнул:

— А не рискнуть ли последним средством: не бросить ли в море весь палубный груз?

Это было тайным желанием самого Амундсена, но он боялся его высказать вслух. В ящиках заключалось продовольствие, а продовольствие в тех местах — сама жизнь. Однако раздумывать было некогда. И груз полетел за борт. Ящики были тяжелые — по двести килограммов весом; но откуда только взялись силы — ящики летели в воду, будто легкие тюки сена.

Оставалось не более двадцати метров до самого мелкого места. Пена и брызги покрывали судно, мачта шаталась. Большая волна высоко подняла яхту и швырнула на голые камни. Удар следовал за ударом. Да, это был конец. Собаки дико завыли. Вдруг высокий вал снова поднял яхту, она соскользнула с камней и свободно закачалась на вольной воде.

Амундсен быстро взобрался в бочку, — нельзя терять ни минуты, надо было найти путь среди многочисленных мелей, тесным кольцом окружавших яхту. У руля стоял спокойный, безмолвный лейтенант Хансен. Даже буря не вывела его из равновесия. Но сейчас он испуганно закричал:

— Судно не слушается руля!

Амундсен окаменел: значит, игра все-таки проиграна? Прошла минута, судно снова ударилось о какой-то подводный камень, и... лейтенант Хансен радостно крикнул:

— Руль снова в порядке!..

Случилось нечто удивительное и мало правдоподобное: от первых толчков крючья руля выскочили из петель, а при последнем ударе они снова встали на свое место. Лейтенант Хансен твердой рукой переложил руль, и яхта отошла от мелей.

Всех охватило такое ликование, какого еще не бывало на яхте. Люди обнимали друг друга, смеялись, пели и приплясывали. Собаки снова зашныряли по яхте, подняли грызню. Шторм прекратился только на пятые сутки, и яхта уже по спокойной воде двинулась дальше на запад. Однако через несколько дней снова разыгралась буря. Пришлось бросить якоря и, чтобы противостоять ветру, пустить мотор. Опять все кругом закипело; волны перекатывались через палубу, а брызги достигали верхушки мачты. Амундсену казалось, что шторм вот-вот швырнет яхту на берег; он уже выбирал мысленно, куда удобнее выброситься. Но и на этот раз, хотя буря продолжалась четверо суток, все обошлось благополучно — цепи и якоря выдержали. Яхта была спасена.

Вскоре произошел еще один случай, едва не погубивший экспедицию. Небольшое машинное отделение яхты, где стоял мотор, было переполнено бидонами с горючим. Однажды машинист сказал Амундсену, что один из бидонов немного течет. Серьезного пока ничего не было, но если течь не остановится, то маленькое помещение наполнится горючими газами и может вспыхнуть пожар.

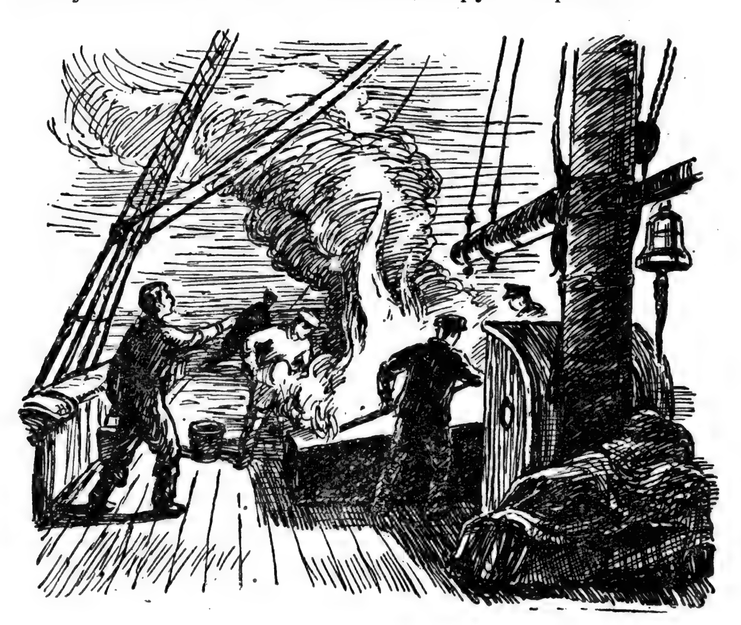
Амундсен спустился в машинное отделение, понюхал воздух, пропитанный запахом бензина, и приказал машинисту перекачать горючее из поврежденного бидона в другой. Вечером яхта стояла на якоре у небольшого острова. Амундсен сидел в каюте и писал дневник, что аккуратно делал каждый вечер. Вдруг на палубе раздался страшный крик: «Пожар!» Все бросились наверх. Столб пламени выбивался из машинного отделения. Амундсен и его товарищи бросились заливать пламя, прикрыли люк в машинное отделение, завалили его ящиком, чтобы прекратить воздуху доступ, и пожар был потушен.

Так в борьбе с опасностями и случайностями, с бурями и туманом, осторожно пробираясь вперед между мелями и скалами, проскальзывая между льдами, яхта двигалась все дальше и дальше на запад.

9 сентября «Йоа» подошла к Земле короля Вильямса. Один из проливов, ведущих дальше на запад,

а именно пролив Симпсона, был совсем свободен от льда. И Амундсену и всем членам экспедиции показалось, что северо-западный проход открыт. Ведь самые трудные места уже пройдены. Если плыть дальше, то, может быть, яхта беспрепятственно выйдет к мысу Барроу. Однако целью экспедиции было не только открыть северо-западный проход. Не менее важную задачу представляло изучение магнитного полюса. А по последним магнитным наблюдениям экспедиции было установлено, что магнитный полюс находится не далее как в ста милях к северо-востоку. Приходилось остановиться на зимовку именно здесь, недалеко от магнитного полюса. К тому же подходила зима. Дни становились все короче и короче, с севера дули ледяные ветры. И, посоветовавшись с товарищами, Амундсен решил стать на зимовку.

В поисках места стоянки яхта вошла в бухту Патерсон и пошла вдоль берега. Лейтенант Хансен, несший вахту в наблюдательной бочке, вдруг закричал:

— Вижу замечательную бухточку. Лучше не сыщешь! Чудесная бухта!

Амундсен быстро взобрался к нему. Да, вдали виднелась маленькая гавань, закрытая от всех ветров. В нее вел неширокий проход. Тотчас же спустили шлюпку, и Амундсен с двумя товарищами двинулись на разведку. Проход в гавань был глубок, но узок, и большие, опасные льдины сюда не могли проникнуть. Маленькая, похожая на чашу гавань действительно была очень удобна для стоянки. Никакие бури не были здесь страшны: с востока и запада поднимались высокие берега, а южный берег был пологий и удобный для того, чтобы поставить там домики для жилья и для научных приборов. На берегу виднелось много оленьих следов — это обещало хорошую охоту. О пресной воде можно было не беспокоиться — сюда стекало несколько быстрых ручьев.

На следующий день Лунд, Хансен и Риствед отправились на берег знакомиться с окрестностями. Они видели целые стада оленей, большие стаи гусей и других птиц.

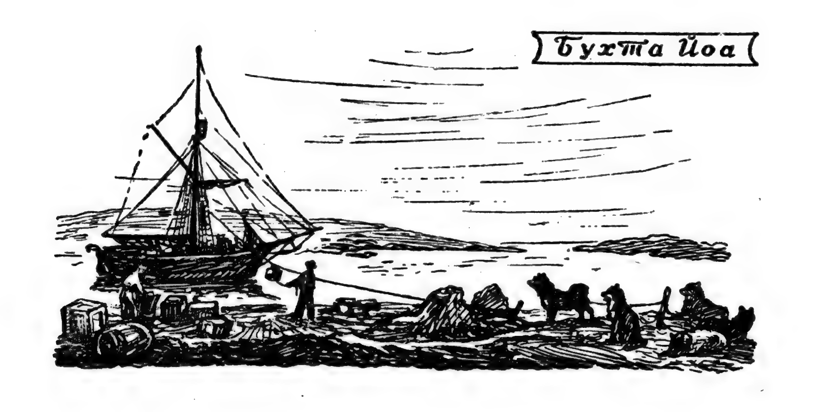
Лучшей гавани не стоило искать.

— Здесь мы и перезимуем, — решил Амундсен.

И с ним все согласились.

12 сентября яхта вошла в гавань, названную впоследствии бухтой Йоа.

Все складывалось так хорошо, что и Амундсен и его друзья были полны бодрости и самых светлых надежд.

ДВЕ ЗИМОВКИ

Яхта подошла к высокому берегу почти вплотную и остановилась, как у пристани. Ее крепко пришвартовали тросами и в первую очередь переправили на берег собак. Они очень надоели всем за время перехода: постоянно дрались, выли, шныряли по палубе, по ящикам, лезли в каюты, в камбуз, загрязняли яхту. На берегу собак привязали длинными веревками к кольям. Затем с яхты на берег была устроена «подвесная дорога»: от мачты к большому камню протянули трос и по нему на блоке начали переправлять ящики с провиантом и снаряжением.

Пятеро товарищей вытаскивали ящики из трюма, подвешивали их за крючья на блок и отправляли на берег. Амундсен и Риствёдт принимали ящики, осторожно сбивали с них деревянную обшивку и тщательно укладывали в аккуратные штабеля. Деревянная обшивка должна была служить материалом для различных построек.

Четыре дня с раннего утра до темного вечера шла разгрузка яхты. Путешественники спешили закончить работу до наступления сильных морозов. А зима уже

надвигалась. Ежедневно шел снег. Надо было успеть построить на берегу помещение для обсерватории и запастись свежей провизией на зиму.

Амундсен разделил весь экипаж на две партии: на партию строителей и партию охотников. Два самых страстных охотника — Лунд и Хельмер Хансен — отправились в шлюпке на остров Эта, где паслись большие стада оленей. Остальные принялись за постройку домиков.

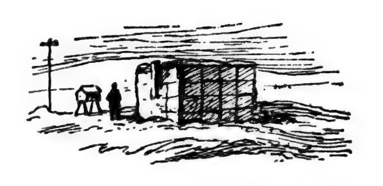
В первую очередь начали строить небольшой домик для магнитных наблюдений. Амундсен и Вик осмотрели тщательно все доски от ящиков, из которых строился домик, проверили, нет ли в досках железных гвоздей. Железные гвозди могли оказать влияние на саморегистрирующие приборы, и тогда наблюдения были бы записаны неправильно. При постройке домика с приборами для магнитных записей употреблялись только медные гвозди.

Домик строили на склоне горы. Амундсен с помощью лейтенанта Хансена сделал фундамент из камней, а стенами служили ящики, наполненные песком. Крышу покрыли досками и брезентом. Изнутри и снаружи стены были обиты толем, а вокруг домика провели ров, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Всю эту трудную работу Амундсен выполнил сам с помощью Хансена: такое важное значение придавал он будущим магнитным наблюдениям.

Другие товарищи строили жилой дом для Ристведта и Вика, которые должны были переселиться с яхты на берег. Затем совместными усилиями начали готовить яхту к зимовке: вставили двойные рамы в световые люки, поместили в каютах керосиновые печи, наладили вентиляцию.

Всем приятно было после трудового дня вернуться в теплые, светлые каюты и с книжкой в руках улечься в уютную постель.

К довершению общего благополучия охотники вернулись с богатой добычей — они привезли двадцать оленей и много гусей. Мясо оленей разрезали на куски и развесили на вантах — было уже так холодно, что мясо не портилось.

Для сохранения тепла яхту укрыли снаружи брезентом, а затем, когда пошел снег, завалили снегом. К началу октября все приготовления к зимовке были закончены. Зима наступила скоро. Завыли метели, гавань покрылась толстым льдом, замерз и пролив. Через пролив с севера на юг направлялись по льду стада оленей.

Как-то утром Амундсен вышел на палубу и с удивлением увидел, что большое стадо оленей, голов в пятьдесят, подошло к самому магнитному домику. Он крикнул об этом охотникам, и те, полураздетые, бросились с яхты на лед, на ходу заряжая ружья. Олени, никогда, вероятно, не видевшие человека, все еще бродили близ домика. Охотники стали подкрадываться к ним, прячась за льдины, за камни, за снежные бугры. Но олени спокойно и даже с видимым интересом следили за приближением людей. Стоя на борту яхты, Амундсен и его друзья не сводили глаз с этой необычайной картины.

Грянуло три выстрела. Олени бросились врассыпную. Вслед за первым залпом раздалось еще несколько выстрелов. Стадо скрылось за холмами. А шесть оленей остались лежать на снегу. Богатая добыча сама пришла к зимовщикам.

Амундсен очень удивился тому, что именно в этих же местах погибла от голода и холода экспедиция Франклина. Недалеко от места стоянки яхты находилась так называемая Бухта голода. И теперь, обследовав всю местность, Амундсен видел, как много здесь можно добыть пищи: олени, птица, рыба — всего в изобилии. Франклинская экспедиция, должно быть, пришла сюда в то время, когда все было занесено снегом, а путешественники, утомленные переходом, изнуренные болезнями, безнадежно глядели на мир. Между тем жизнь на этих, казалось бы, пустынных берегах не замирала ни осенью, ни зимой, ни, тем более, летом.

ЭСКИМОСЫ — СОСЕДИ

Однажды Амундсен стоял на палубе с двумя товарищами. Вдруг один из них воскликнул: «Олень!» — и указал на черное пятнышко, которое виднелось на склоне горы. Но другой товарищ рассмеялся:

— Олень этот на двух ногах.

— Как на двух? — удивился Амундсен.

— Это человек, а не олень.

Амундсен поднял бинокль к глазам: в самом деле, по склону горы к бухте шел человек, закутанный в звериные шкуры; потом из-за гребня горы показалось еще четыре человека, вооруженных копьями и стрелами. Они быстро шли к стоянке.

— Пожалуй, эти дикари могут нам причинить неприятности, — сказал Амундсен. — Намерения у них, видно, воинственные. А ну-ка, друзья, давайте вооружимся.

Два товарища Амундсена быстро спустились в каюту и вышли оттуда с ружьями. И Амундсену принесли ружье. Втроем они двинулись навстречу незнакомцам. Остальные четверо оставались на яхте и на берегу. Никто не знал, кто эти люди: друзья или враги.

— Это эскимосы, — сказал один из участников экспедиции, глядя на приближающиеся фигуры. — Что они могут сделать со своими стрелами?

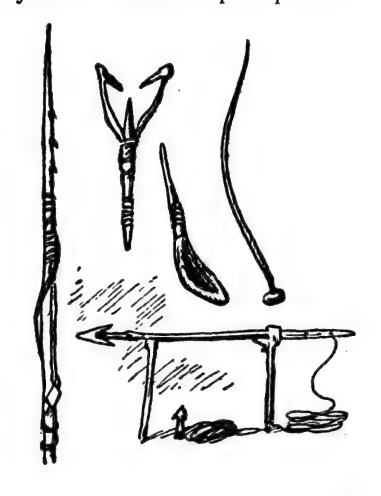
Два маленьких отряда медленно сходились. На расстоянии тридцати шагов друг от друга они остановились. Эскимосы держали свои луки и стрелы наготове. Амундсену не хотелось нарушать мир. Он обернулся к своим товарищам и сказал:

— Давайте-ка положим ружья. Пусть они увидят, что мы не хотим сражаться.

И все трое бросили ружья в сторону. Амундсен крикнул: «Микимо!» — единственное эскимосское слово, которое он знал. Это было приветствие. Эскимосы тотчас бросили свои луки и стрелы в сторону, быстро подошли к незнакомым людям, протянули им руки, засмеялись и заговорили, хотя и не понимали друг друга.

Норвежцы старались показать, что никаких злых намерений у них нет. И эскимосы это поняли. Амундсен повел гостей к стоянке, пригласил на яхту, угостил их мясом и шоколадом. Дружба была заключена.

Амундсен показал эскимосам топоры, ножи, пилы. В этих местах не только металл, но даже дерево встречается очень редко. Свое оружие эскимосы делали из костей морских животных: луки их были из ребер кита. С удивлением и даже некоторым ужасом смотрели они, как Амундсен стальной пилой пилил дерево и топором рубил доски. Все это было для них совершенно неизвестным.

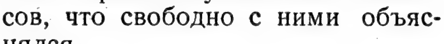

Когда все вышли на палубу, Амундсен взял ружье и выстрелил. Эскимосы упали на палубу лицом вниз. Амундсен подошел к ним, поднял каждого по очереди, успокоил, обласкал и подарил им ножи, иголки и другие мелочи.

Эскимосы понемногу пришли в себя и знаками начали просить, чтобы могущественные гости разрешили прийти сюда всем племенем и поселиться около них. Амундсен посоветовался со своими спутниками и согласился. Обрадованные эскимосы удалились, а два дня спустя в полукилометре от стоянки выросло уже целое селение в пятьдесят эскимосских «иглу» — хижин, сделанных из снега и льда. Всего пришло человек двести мужчин, женщин и детей.

Девятнадцать месяцев подряд Амундсен и его спутники прожили бок о бок с эскимосами. Перед взорами европейцев впервые раскрылась жизнь этих самых северных обитателей мира.

Эскимосы! Человечество имело о них только смутные, отрывочные, иногда даже фантастические сведения. Что это за народ? Как он живет? Каковы его духовные интересы?

И вот теперь перед Амундсеном и его товарищами развертывалась картина жизни этого таинственного народа. Амундсен подолгу гостил в снежных хижинах эскимосов, ездил с ними на охоту и на рыбную ловлю, бывал на их праздниках, пользовался их помощью при различных работах и так хорошо изучил язык эскимо-

сов, что свободно с ними объяснялся.

В те первые дни, когда эскимосы только что поселились вблизи зимовки, Амундсен немного опасался: а вдруг им взбредет что-нибудь в голову? А вдруг они нападут на экспедицию и отнимут запасы продовольствия, тем более, что, как знал Амундсен, эскимосам нередко приходится голодать. Норвежцев только семеро, эскимосов же было более двухсот, а потом подошли еще новые группы эскимосов, — образовался большой лагерь.

Амундсен на всякий случай решил прибегнуть к хитрости:

внушить дикарям уважение и страх к белому человеку. Как и многие люди, воспитанные в буржуазном обществе, Амундсен считал эскимосов не только людьми, стоящими на более низкой ступени культурного развития, но и людьми низшей расы. Поэтому и отношение к ним было покровительственное и пренебрежительное. Амундсен считал их людьми неполноценными, и вряд ли тогда ему пришло бы в голову представить себе, что эскимос, получив образование, мог стать капитаном, инженером, врачом, ученым.

Вместе с лейтенантом Хансеном он построил вдали от яхты небольшую снежную хижину. Под этой снежной хижиной была заложена мина, и Хансен провел от хижины к яхте электрические провода, старательно замаскировав их снегом.

Когда все было готово, Амундсен пригласил на судно эскимосов. Пришло почти двести человек. Амундсен, как только мог, объяснил им, что белые люди очень могущественны и что они могут сделать все, что угодно.

— Мы можем разрушить все на далеком расстоянии. И вообще можем производить самые необыкновенные вещи. Эскимосы должны относиться к белым людям с уважением. Им нельзя причинять никакого вреда. Белые люди могут строго наказать эскимосов. Вот, например, видите снежную хижину? Смотрите, как она далеко от меня, но я скажу одно слово, и сейчас же она поднимется на воздух и разлетится на куски.

Он повторил это хвастливое внушение несколько раз, пока не убедился, что все его поняли. И, с удовлетворением отметив на некоторых лицах недоверие, Амундсен поднял и опустил руку.

Хансен тут же незаметно соединил провода, и снежная хижина с грохотом разлетелась в куски. Снежное облако вместе с огнем высоко поднялось вверх.

Многие эскимосы в ужасе упали на палубу. Кое-кто побежал прочь с корабля, а некоторые не могли даже ползти — от страха у них отнялись руки и ноги.

Однако все эти меры предосторожности были совершенно излишни. Наивные и доверчивые эскимосы относились к Амундсену не только с уважением, но и с суеверным страхом. Почти никто из них не видел белых людей, но кое-что о белых людях они слышали. Семьдесят пять лет назад их деды встречались с Джемсом Россом, который проходил в этих местах. Ножи, топоры, ружья, сани казались тогда эскимосам вещами сказочными. И о Джемсе Россе сохранились в памяти северного народа предания как о могущественном белом волшебнике. А сейчас они сами увидели белых людей, услышали страшные выстрелы из ружей, особенно сильное впечатление произвел взрыв снежной хижины.

И долгое время после этого они с трепетом встречались с Амундсеном.

Длительное общение с эскимосами было настоящим кладом для антрополога и этнографа, а в планы экспедиции как раз и входили работы по антропологии и этнографии. Перед отъездом из Норвегии Амундсен накупил массу дешевых товаров для меновой торговли: ножи, иголки, гвозди, топоры, женские украшения. Теперь все это было пущено в оборот. В обмен на предметы домашнего и охотничьего быта эскимосы охотно отдавали Амундсену за нож или иголку самую разнообразную одежду: мужскую, женскую, детскую, любое оружие, рыболовные снасти, разную домашнюю утварь.

Всякая мелочь, сделанная из металла или дерева, казалась им драгоценностью. Даже за пустые консервные банки они давали целые костюмы. В своих записках Амундсен рассказывает о том, как однажды ему удалось за пустую консервную банку получить два женских костюма, сделанных с большим вкусом из белых и черных оленьих шкур.

В течение всей зимы Амундсен внимательно изучал спосо-

бы эскимосской охоты, их снаряжение. Его интересовало многое: какая упаковка лучше всего переносит перевозку грузов по торосистому льду, какие ремни или веревки меньше всего соблазняют голодных собак, какие лыжи наиболее пригодны для путешествия по ледяному насту, какая обувь лучше предохраняет ноги от ранений при ходьбе по неровному льду и снегу.

Присматриваясь к эскимосам на охоте, Амундсен поражался той ловкости, с какой они разделывали убитых животных, выгибали или обрабатывали кости, чтобы смастерить луки, стрелы, швейные иглы, ножи.

Среди зимы с ближних островов начали прибывать новые группы эскимосов. Они предлагали Амундсену песцовые и оленьи шкуры — за один охотничий нож из шведской стали они давали по двенадцати великолепных песцов, и Амундсен обменивал грошовые вещи на драгоценные меха. С точки зрения цивилизованного европейца обман при таких обстоятельствах был естественным.

Наступила длинная трехмесячная ночь. Чтобы несколько разнообразить свою жизнь, члены экспедиции время от времени устраивали праздники, в которых принимали участие и эскимосы. При свете луны или северного сияния они стреляли в цель, бегали взапуски на лыжах. Лучшему бегуну и стрелку давали в награду какой-нибудь металлический предмет. Эскимосы радовались подарку, а если приз получал норвежец, то он тут же обменивал грошовый приз на драгоценный мех.

А научная работа не прекращалась ни на день. В обсерватории неустанно действовали самозаписывающие аппараты-регистраторы. Ежедневно в двенадцать часов магнитолог Вик менял в приборе ленту. Зимой, когда температура падала до минус 60 градусов, эта операция была очень тяжелой: в пургу и в метель, в кромешной тьме приходилось лопатой прокладывать дорогу в обсерваторию сквозь высокие сугробы. Дваж-

ды в сутки Риствед производил метеорологические наблюдения. Лейтенант Хансен аккуратно выполнял обязанности астронома, картографа, фотографа. Он собирал геологические коллекции, делал гидрологические наблюдения. Особого павильона для астрономических наблюдений у экспедиции не было, и лейтенант Хансен устраивался со своими инструментами прямо на воздухе, где-нибудь за стеной жилого домика. Разумеется, при температуре в 60 градусов мороза это было не работой, а подвигом.

Лунд и Хансен занимались хозяйственными делами: добывали воду, что в зимнюю пору являлось немалой трудностью, готовили топливо, помогали коку и ухаживали за собаками.

Линдстрем кормил всю команду и одновременно по заданию университета в Христиании собирал зоологические, а летом и ботанические коллекции.

Амундсен, занимаясь научными наблюдениями, не отказывался ни от каких повседневных работ.

С наступлением весны он предпринял ряд санных поездок в район магнитного полюса. Вместе с лейтенантом Хансеном Амундсен точно определил новое местоположение магнитного полюса и тщательно обследовал как новый, так и старый районы. Это было одним из самых крупных достижений экспедиции.

Лето 1904 года было холодное. Лед в бухте не вскрылся, и вырвать яхту из ледовых оков не удалось. Экспедиция вынуждена была остаться на вторую зимовку. Это не входило в расчеты Амундсена, но делать было нечего — приходилось жить надеждой на то, что следующее лето будет более теплым.

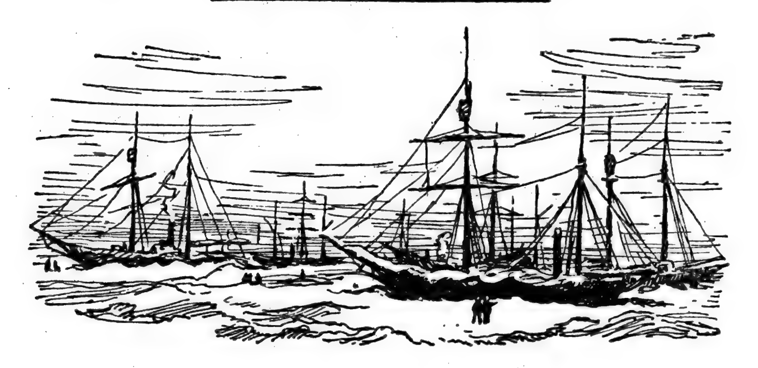
Вторую зиму путешественники провели даже лучше, чем первую. Им уже были хорошо известны условия зимовки, да и место было обжитое. И работали они так же дружно и бодро. И никто из них не болел.

Амундсен, верный своим правилам, внимательно следил за тем, чтобы ни один участник экспедиции не оставался без работы. Праздность во время зимовок приносит неисчислимые беды: в долгую полярную ночь настроение у человека падает. Он легко поддается унынию, за унынием приходят апатия, безразличие, появ-

ляются болезни. Работа же спасает от мрачных дум. И каждый из членов экспедиции был загружен работой до предела.

Весна 1905 года была значительно теплее предыдущей. Появилась полная надежда, что экспедиция сможет продолжать путь дальше на запад. 1 июня остановили саморегистрирующие инструменты, затем разобрали все постройки на берегу и весь строительный материал перевезли на яхту.

Наконец все было готово к дальнейшему походу. 13 августа яхта снялась с якоря и под прощальные крики эскимосов вышла из гавани.

ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД

Пролив, в который вошла «Йоа», не был известен европейцам. Ни один корабль никогда еще не заходил в эти воды. Яхта шла медленно, пробираясь сквозь густой туман, то и дело меняя паруса, так как ветер был капризный. Пролив походил на извилистый коридор — казалось, он вот-вот кончится и яхта попадет в закрытую бухту.

В продолжение двух недель «Йоа» шла по этому коридору. Высокие берега не пропускали ветра. Он едва шевелил вымпел на мачте. Судно двигалось лишь с помощью винта. Все время приходилось бросать лот, измерять глубину. Это была очень утомительная работа. Иногда пролив разветвлялся, открывались пути в разные стороны, и тогда перед Амундсеном вставал вопрос: куда идти?

Экспедиции, искавшие северо-западный проход, как раз и погибали в лабиринте этих бесконечных проливов между безымянными островами. Острова сбивали с толку всех путешественников. А лето здесь коротко: открытой водой можно плыть только месяца полтора.

Амундсен опасался, как бы ему снова не пришлось застрять здесь в какой-нибудь безыменной бухте.

И, осматривая черные безлюдные острова, он как бы видел тени отважных своих предшественников. Тени тревожили его и заставляли торопиться.

Разветвления пролива стали попадаться все чаще и чаще. Амундсен заметил, что течения в них разные: в одних сильнее, в других слабее. В самых южных проливах течение было самым сильным. «Йоа» шла именно по этим проливам, хотя порой они были очень узки. Так Амундсен и предполагал: проход на запад лежит между островами не на севере, а на юге. С каждым днем уменьшалась и глубина проливов. На пути попадались подводные камни. В одном месте яхта прошла почти чудом: под килем оставался лишь один дюйм воды. Амундсен так волновался, что не мог ни спать, ни есть. Его нервы были напряжены до крайности: он понимал, что если теперь, в ближайшие дни, не будет найден выход в Тихий океан, экспедиция попадет в очень тяжелое положение. Целые сутки он не спускался с мачты, стараясь миновать ловушки, расставленные природой.

Мысль о том, что они могут погибнуть и не выполнить своей главной задачи, мучила его.

«Я не мог прогнать от себя мысли о возвращении домой с невыполненной задачей. Часы, которые оставались мне на отдых и сон, проходили в эти дни главным образом в том, что я ломал себе голову над такими мыслями, и это отгоняло от меня сон. Я не мог есть; за каждой едой я чувствовал адский голод, но не в состоянии был проглотить пищу».

Так пишет он в своей книге, посвященной этому плаванию.

26 августа, на заре, яхта вышла, наконец, в открытое море. Амундсен увидел огромное водное пространство. Это была радость. В восемь часов утра он закончил свою вахту и ушел спать.

Вдруг шум и сильная беготня по палубе разбудили его. Амундсен сразу понял, что случилось нечто очень важное. Внезапно в каюту вбежал лейтенант Хансен и крикнул:

— Вижу корабль!

И тотчас убежал обратно.

Амундсен быстро вскочил с постели. Значит... значит, северо-западный проход найден! Ура! Мечта юношеских лет осуществилась.

«В горле я почувствовал странное ощущение. Конечно, я был несколько возбужден и переутомлен, и, несомненно, это слабость, но на моих глазах навернулись слезы. «Вижу корабль!» Магические слова! И сразу же родина и все милое моему сердцу приблизились ко мне и простерли руки. «Вижу корабль!» Я мгновенно оделся. На минуту я остановился перед портретом Нансена, висевшим на стене, и в это мгновение изображение словно ожило, будто Нансен смотрел на меня и кивал головой. Я кивнул ему в ответ, улыбаясь от счастья, и вышел на палубу».

Да, впереди в открытом море виднелось судно. Это было парусное китобойное судно, пришедшее с запада.

Все на яхте будто обезумели, поздравляли друг друга, обнимались, кричали, прыгали и плясали. И всех радостнее был Амундсен. Победа была в его руках! Он первый проплыл из Атлантического океана в Тихий северо-западным проходом. Цель достигнута!

Когда прошла первая волна радости, Амундсен вдруг вспомнил, что в течение нескольких дней ничего не ел. На вантах у мачты висели свежие оленьи туши. В каком-то исступлении он подбежал к ним и, отрезая кусок за куском, проглатывал мясо, не прожевывая, целиком, как изголодавшийся зверь. За время перехода по проливам он так измучился, что стал неузнаваем. Ему шел только тридцать третий год, а на вид можно было дать семьдесят лет. Он был худ, истощен вконец, глубокие морщины прорезали его лоб и щеки.

Три часа спустя «Йоа» подошла к китобойному судну. Называлось оно «Чарльз-Гансон» и пришло сюда из Сан-Франциско. «Йоа» подошла к нему вплотную, стала борт о борт.

Пожилой седой капитан вышел навстречу.

— Вы капитан Амундсен? — был его первый вопрос.

Амундсен был очень удивлен, что капитан «Чарльз-Гансона» знает его имя.

— Это первое встреченное вами судно? — спросил капитан.

— Да, первое.

— Я чрезвычайно счастлив, что первый могу поздравить вас со счастливым прохождением северо-западным путем.

Сияющий от удовольствия капитан пригласил Амундсена и его товарищей к себе в каюту. Он-то лучше других понимал, какой огромный подвиг совершили его гости, и был по-настоящему счастлив, что первый встретил экспедицию.

— Не нужно ли вам чего? Я рад помочь всем, что у меня есть.

— Благодарю вас, мы ни в чем не нуждаемся. Нам хотелось бы только получить вести с родины.

— К сожалению, я уж полтора года как ушел из Сан-Франциско; у меня есть кое-какие газеты, только они очень уж старые.

— Старые для вас — для нас они свежие.

Капитан принес пачку газет. Амундсен с жадностью начал их перелистывать, и первое, что бросилось ему в глаза, был заголовок: «Война между Норвегией и Швецией». Изумленный, он поглядел на своих спутников, на капитана. «Что же там происходит сегодня? Почему вспыхнула война? Окончилась ли она, или продолжается?»

Но капитан ничего не мог ответить.

Норвежцы были ошеломлены известием о войне. Скорей бы попасть на родину или хотя бы туда, где есть телеграф, где есть связь с Норвегией!

Амундсен расспросил капитана об условиях плавания дальше на запад. По словам капитана, плыть можно было без опасений — проливы были свободны от льда. Он знал этот путь, как свои пять пальцев и дал норвежцам карты с отметками глубин и направления течений.

Амундсен торопился. Скорей, скорей! Надо использовать открытое море и попутный ветер. На прощание капитан подарил мешок картофеля и мешок лука. Это

было большим лакомством для экипажа «Йоа»: уже два года они не пробовали свежих овощей.

Поставив все паруса, путешественники двинулись в путь. Лед попадался им только у берегов. На льдинах часто встречались белые медведи. Охотники убили одного медведя, но у экипажа было столько продовольствия, что мясо отдали собакам. Через некоторое время на встречной льдине они увидели еще двух медведей. Охотники хотели было опять остановить яхту, однако Амундсен не позволил это сделать: он не хотел задерживаться ни на минуту, чтобы успеть пройти в океан до наступления зимы.

Близ острова Бэйли яхту встретили два китобойных судна. Экипажи судов приветствовали Амундсена, просили остановиться, — их удивило появление в этих водах незнакомой яхты. Но Амундсену не хотелось терять времени, он ответил приветственным сигналом и прошел мимо. На мысе Бетерст Амундсен заметил становище эскимосов. Тут стоял большой деревянный дом — первый дом, который увидели норвежцы после двух лет путешествия по северным пустыням. Эскимосы выбежали на берег, подняли даже флаг на мачте; «Йоа» не остановилась и здесь.

У острова Гершеля море также было свободно от льда.

Амундсен спешил использовать благоприятную ледовую обстановку. Встретив два китобойных судна, он решил также ограничиться приветствиями, но на этот раз пришлось стать на якорь. Китобои предупредили Амундсена о том, что дальше море закрыто льдом. На берегу, как предостерегающий знак, лежало судно, выброшенное бурей. Это был американский барк «Бонанца» из Сан-Франциско. Часть экипажа, готовясь к зимовке, строила себе дом, а капитан «Бонанцы» Могг уехал на остров Гершеля, чтобы отправиться оттуда в Сан-Франциско за другим кораблем и вернуться за экипажем и снаряжением.

Второй штурман разбитого судна был норвежцем. Он дал Амундсену много ценных указаний и посоветовал все же идти дальше.

Яхта двинулась на запад, но вскоре встретила льды.

Лавировать среди подвижных льдин было трудно. Однажды ночью яхту вместе со льдами оттащило назад к тому же берегу, где находилась разбитая «Бонанца». Все видимое пространство моря закрылось льдом. Во льдах у острова Гершеля застряли пять больших судов.

Вначале экипаж «Йоа» не терял надежды, что льдины разойдутся и можно будет продолжить путь. Однако лед уплотнялся с каждым днем.

9 сентября ударили морозы. Стало ясно, что здесь, возле разбитой «Бонанцы», придется проводить третью зимовку. Неожиданная задержка опечалила Амундсена и его товарищей. Однако делать нечего — полярные путешественники должны быть готовы ко всяким неожиданностям и вооружаться терпением. Экипаж безропотно покорился обстоятельствам и, выждав двое суток, дружно начал готовиться к зимовке.

Яхта была подведена вплотную к берегу, и путешественники начали строить два дома: один — для жилья, а другой — для обсерватории. Строительного материала тут было много, так как реки приносили в пролив множество сосен. Некоторые из них были в длину не менее пятидесяти футов. Амундсен и лейтенант Хансен решили зимовать на борту яхты, а пятерых членов экипажа переселить на берег. Постройку закончили быстро: 15 сентября жилой дом уже имел крышу. Скоро была готова и обсерватория, куда перенесли инструменты и приборы. Научная работа продолжалась с прежней аккуратностью.

Яхту оборудовали еще лучше, чем на предыдущей зимовке: укрыли со всех сторон брезентом, в прорези поставили дверь, принесенную с разбитой «Бонанцы». Оттуда же была взята и маленькая печурка, которую Амундсен установил в своей каюте. Топлива не жалели — не то что на первых двух зимовках. Там приходилось иногда мерзнуть, а сейчас дров было в избытке: и в каютах и в доме всегда стояло приятное тепло.

Зимовка обещала быть вполне благополучной. Всего было вдоволь. Даже продовольственный вопрос, обычно самый тяжелый во время зимовок, решался весьма несложно. Каждое утро норвежцы прорубали

во льду лунку и, словно из садка, вылавливали столько рыбы, сколько им сегодня требовалось. Удачно охотились также на гусей, уток и куропаток. Столовая была устроена на берегу, в жилом доме. Повар Линдстрем готовил вкусные и питательные блюда.

Когда лед окреп, к яхте начали приходить эскимосы и гости с других судов. Оказалось, что вокруг острова Гершеля, кроме «Йоа», вмерзло еще одиннадцать кораблей.

На первых порах экипажи других судов отнеслись к норвежцам холодно. Они боялись, что норвежцы, вернувшись из долгой экспедиции, будут для них лишними ртами. Опасения соседей были, однако, напрасными. На яхте «Йоа» были такие запасы муки, круп, консервов, что Амундсен даже снабжал продовольствием экипажи других судов.

В конце сентября Амундсен отправился на остров Гершеля, откуда уходила почта в форт Юкон. Ему очень хотелось сообщить скорей о судьбе своей экспедиции и вместе с тем узнать вести с родины. В гавани острова стояло на зимовке пять крупных судов. Амундсена встретили очень шумно. Оказалось, что все американские суда получили приказ в случае встречи с Амундсеном оказывать ему и его товарищам всяческое содействие.

И вот Амундсен сам пришел к ним! Капитаны кораблей наперебой предлагали ему свое гостеприимство.

Амундсен остановился у капитана Тилтона на большой шхуне «Александра». Здесь же собрались экипажи других судов. Амундсену передали много писем от близких и свежие газеты.

Узнав, что следующая почта уйдет только через месяц и вернется лишь в мае, он решил сам отправиться за почтой в форт Юкон, за несколько сот километров от острова Гершеля, и заодно отвезти почту с зазимовавших кораблей. Ждать целую зиму вестей с родины было слишком мучительно.

Китобои с восторгом встретили решение Амундсена: вот кто действительно доставит почту быстро и в целости!

В конце октября Амундсен и капитан «Бонанцы» Могг отправились в путь с проводником-эскимосом и его женой. У них были две собачьи упряжки: на одной везли продовольствие, а на другой ехал Могг. Весь путь до форта Юкон Амундсен проделал на лыжах. И это при 40 — 50 градусах мороза! Но, увы, телеграфа в форте Юкон не оказалось. Ближайший телеграф был в поселении Игл-Сити, в трехстах километрах к югу. Амундсен, не задумываясь, решил отправиться в Игл-Сити.

Этот путь он проделал в сопровождении двух индейцев и того же капитана Могга. Из Игл-Сити он отправил телеграммы на родину, дождался почты и через два месяца вернулся назад, на «Йоа».

Путешествие на телеграф заняло пять месяцев, из которых три месяца Амундсен шел на лыжах, ни разу не присев на сани.

Радостно встретил Амундсена экипаж «Йоа». Возвращение капитана и начальника экспедиции было достойно отпраздновано. Вести с родины согрели сердца путешественников. Да, они выполнили свой долг: сумели открыть таинственный проход... Все были живы и здоровы. А через несколько дней после возвращения Амундсена случилось несчастье: внезапно умер, простудившись, Густав Юль Вик — самый молодой участник экспедиции. Его похоронили на холме, около обсерватории, которую он сам строил и в которой всю зиму вел наблюдения.

Смерть Вика надолго омрачила жизнь спаянного крепкой дружбой экипажа, и все-таки научная работа ни на день не прерывалась.

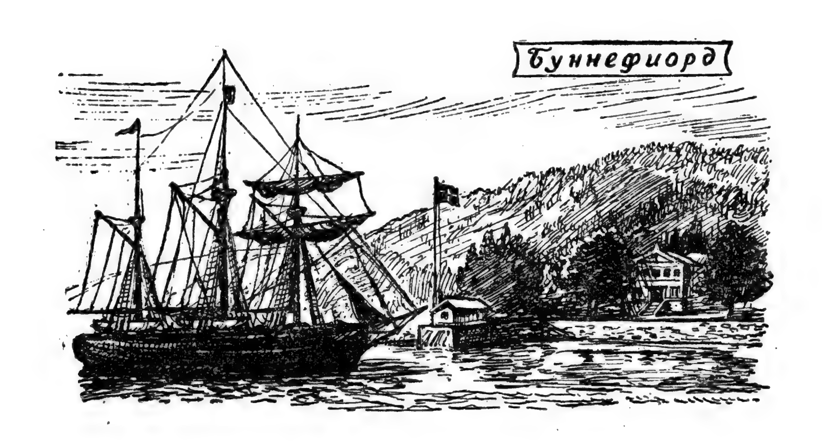
1 августа пролив очистился от льда, и яхта пошла на запад. 30 августа утром Амундсен увидел вдали мыс принца Уэльского на восточной окраине Берингова пролива, а к вечеру того же дня яхта пришла в город Ном.

«Не нахожу слов, чтобы описать тот прием, какой был нам оказан в Номе, — писал Амундсен в своих воспоминаниях. — Та сердечность, с которой нас встретили, бесконечное ликование, объектом которого была «Йоа» и мы, навсегда останутся для меня одним из самых светлых воспоминаний.

В Номе нет гавани, городок лежит на открытом берегу. Поэтому нам пришлось стать на якорь вдали от берега и быть готовыми уйти, как только поднимется ветер. Бросив якорь, мы с лейтенантом Хансеном сели на катер наших любезных хозяев и хозяек и отправились на берег. Катер все время освещался береговыми прожекторами. Ослепленные сильным светом, бившим нам прямо в глаза, мы ничего не могли рассмотреть. Катер ударился о берег, и даже сейчас я не понимаю, каким образом я попал на берег. Навстречу нам загремели приветствия из тысячи глоток, и вдруг среди ночи раздались звуки, от которых я задрожал всем телом, и слезы выступили у меня на глазах: «Да, мы любим эти скалы», — пела толпа норвежский гимн».

В октябре «Йоа» прибыла в Сан-Франциско. Амундсен подарил свой славный корабль городу, и с тех пор «Йоа» стоит там в парке Золотых Ворот.

За время трех зимовок экспедиция собрала такой огромный материал по метеорологии, географии, гидрологии, геологии, этнографии, антропологии и земному магнетизму, что научные работники Норвегии обрабатывали его потом в продолжение почти двадцати лет.

СМЕЛЫЕ ЗАМЫСЛЫ

После возвращения на родину Амундсен два года подряд ездил по Европе и Америке, делая доклады о своем путешествии через северо-западный проход. Он собрал крупную сумму денег и расплатился со всеми своими кредиторами и с особенным удовольствием отдал долг торговцу консервами, который едва не сорвал экспедицию. Оставшиеся деньги он решил использовать для нового путешествия.

Куда теперь направить свой путь? Конечно, к Северному полюсу. Это была его давнишняя мечта. Если не удалось побывать на полюсе его земляку Нансену, то, может быть, удастся ему? Он решил идти таким же путем, каким шел Нансен на своем «Фраме», то есть на крепком, специально построенном корабле вмерзнуть в лед где-нибудь у северных берегов Восточной Сибири или у Аляски и вместе со льдами продрейфовать через полюс. Если судно пройдет не через самый полюс, а где-то вблизи него, то можно будет достигнуть полюса на санях.

Такой путь ему казался самым правильным. Сам Нансен, выступая в Лондоне в Географическом общест-

ве с докладом о ближайших задачах полярных исследований, в первую очередь предлагал провести детальнейшее обследование Северного Ледовитого океана: для этого, по его мнению, следовало послать новую экспедицию на специальном корабле, но трассу на этот раз он прокладывал гораздо севернее того пути, который проделал «Фрам».

Таким образом, план был уже намечен. Амундсену оставалось только подхватить идею Нансена и осуществить ее, тем более, что сам Нансен не собирался сейчас организовывать такую экспедицию. Узнав от Амундсена о его намерениях, Нансен с радостью одобрил инициативу молодого исследователя и вместе с ним в общих чертах обсудил план экспедиции. А затем Амундсен уже один разработал все детали плана и в ноябре 1908 года сделал большой доклад в Норвежском географическом обществе.

Все крупнейшие специалисты-полярники, бывшие на заседании, горячо одобрили замысел Амундсена. А всех горячее ратовал за него Нансен. Газеты единодушно поддержали идею Нансена и Амундсена. Новое полярное путешествие стало общественным делом. «Перед норвежскими полярными исследователями стоит достойная задача продолжать национальную традицию наших предков-исследователей Норвежского моря и Ледовитого океана», — писали газеты. Стортинг * решил ассигновать на экспедицию семьдесят пять тысяч крон. Различные общества и частные лица пожертвовали крупные суммы денег и прислали Амундсену более пятисот ценных подарков: предметов снаряжения, продовольствия и прочее.

Никогда в жизни — ни до, ни после этого путешествия — Амундсен не встречал такой поддержки, и ни одна его экспедиция не была так обеспечена, как эта.

Для длительного путешествия, — оно по плану должно было продолжаться семь лет, — Амундсен решил использовать старый нансеновский «Фрам», предварительно внеся некоторые улучшения в оборудование

---

* Стортинг — норвежский законодательный орган, состоящий из 150 человек, избираемых на четыре года

судна. Путь «Фрама» был намечен точно. Из Норвегии он должен был спуститься по Атлантическому океану до берегов Южной Америки, обогнуть мыс Горн, войти в Тихий океан, затем подняться до Берингова пролива и у мыса Барроу войти во льды.

Осенью 1909 года «Фрам» уже был готов к отплытию. Желающих отправиться в опасное и долгое плавание было множество. Но Амундсен отобрал из них только двадцать человек, — крепких, физически выносливых, имеющих опыт работы за Полярным кругом.

И вдруг произошло неожиданное событие, которое сразу опрокинуло расчеты Амундсена. В сентябре 1909 года в Норвегии была получена телеграмма, что адмирал Пири на собаках достиг Северного полюса.

Этот день навсегда остался в памяти Амундсена. Утром он был на «Фраме». Вдруг кто-то громко позвал его с берега. Амундсен подошел к борту. На берегу стоял матрос и размахивал газетным листом.

— Важные новости! — кричал он.

Через несколько минут матрос с газетой был на борту «Фрама». Амундсен прочел:

«6 апреля 1909 года адмирал Пири достиг Северного полюса».

У Амундсена потемнело в глазах, он беспомощно опустил руку с газетой.

«Что такое? Адмирал Пири опередил меня?!»

Северный полюс уже открыт! Значит, ему уже нечего делать на полюсе. Амундсен не радовался. Он чувствовал себя так, будто его обокрали.

Он поехал в город. По улицам бежали продавцы газет, выкрикивая одну и ту же новость: «Пири открыл Северный полюс! На полюсе поднят американский флаг».

Это был тяжелый день для Амундсена. Уже на склоне лет он писал в своей книге «Моя жизнь»:

«Должен сознаться, что для меня это был серьезный удар... Я решился на отчаянный шаг и официально заявил, что, по моему мнению, научные результаты предстоящего путешествия будут вполне достаточны, чтобы не отказаться от намеченного мною плана».

Так он и заявил официально. И все газеты опубликовали, что норвежец Амундсен не отказывается от похода на Северный полюс. Однако, говоря так, он думал об ином: идти не на север, а в противоположную сторону и попытаться открыть Южный полюс. Этот свой план он на первых порах скрыл от всех.

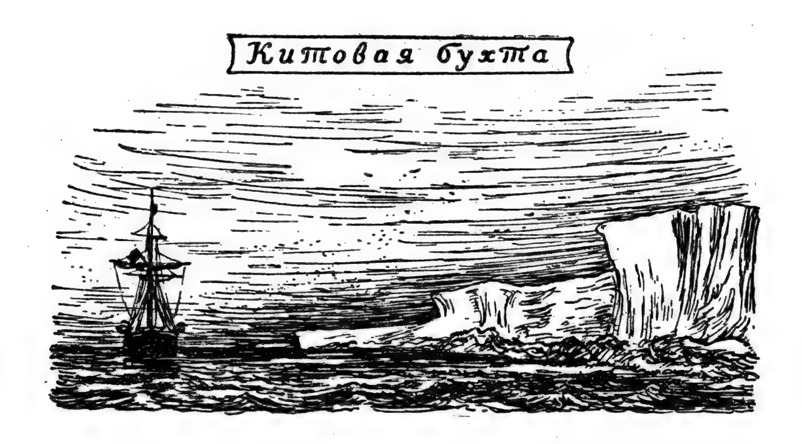
Однако как быть с экспедицией? Ведь экипаж «Фрама» подготовлен к путешествию на Северный полюс, и вся общественность Норвегии также знает именно об этом плане. Если сказать сейчас, что план изменяется, то поднимется шумиха, начнутся споры. Нет, лучше не говорить ничего!

Да, экспедиция откладывается на некоторое время, — надо ее подготовить получше, надо все проверить. Да, «Фрам» уйдет весной. Так говорил Амундсен, а сам в полной тайне лихорадочно разрабатывал план путешествия к Южному полюсу.

В это время он жил в своем доме, недалеко от Христиании, в Буннефиорде. Он окружил себя множеством книг, где говорилось об Антарктике, и тщательно принялся за их изучение.

К удивлению всех тех, кто помогал ему готовить снаряжение, Амундсен решил взять с собой около сотни собак и довольно большой деревянный дом, хотя для путешествия к Северному полюсу он был не нужен.

Так прошла осень, зима, весна...

К ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ

7 июня 1910 года «Фрам» вышел из Христиании.

Официально объявленный маршрут был первоначальный — к Северному полюсу. В свои тайные планы Амундсен посвятил только одного человека — своего брата.

«Фрам» направился вдоль берегов Европы и Африки к югу. По пути корабль зашел в гавань на острове Мадейра, и здесь Амундсен открыл спутникам свою тайну.

Впоследствии он так описывал это событие:

«Мне кажется, что все бывшие тогда на «Фраме» долго будут помнить этот удушливый жаркий вечер на рейде Фунчала (порт на Мадейре). Все были вызваны наверх. Не знаю, о чем они думали, во всяком случае, вряд ли об Антарктике и Южном полюсе.

Лейтенант Нильсен, мой помощник, держал в руках большую карту южного полушария. Все невольно с удивлением смотрели на эту карту. Мне немного потребовалось слов для того, чтобы каждый понял, откуда дует ветер и каким курсом мы теперь пойдем. Нильсен развернул карту, и я в кратких чертах сообщил о новом

плане. Я также рассказал о причинах, заставивших меня молчать об этом до сих пор.

Изредка я поглядывал на лица слушателей. Сначала они обнаруживали самые недвусмысленные признаки величайшего изумления, но не успел я еще закончить свою речь, как глаза моих слушателей уже сияли и все они улыбались. Теперь я был уверен в ответе, который получу».

Все спутники единодушно одобрили новый план и выразили полное согласие идти к Южному полюсу.

На Мадейре уже дожидался прихода «Фрама» брат Амундсена. С ним было послано в Норвегию известие о том, что первоначальный план экспедиции изменен. И ему же поручили сообщить об этом в Англию, для передачи капитану Скотту. Амундсен знал, что Скотт собирался идти к Южному полюсу.

Все члены экспедиции передали с братом Амундсена свои последние письма на родину.

От Мадейры «Фрам» направился к мысу Горн и дальше к Антарктике, к бухте Китовой. Амундсен заранее наметил здесь место для зимовки.

У Южного полюса простирается огромный материк, покрытый вечным ледником. Он образует так называемый ледовый барьер, отвесно спускающийся прямо в океан и порождающий айсберги — огромные плавающие глыбы льда. Но в бухте Китовой ледовый барьер был неподвижен, потому что основание льда покоилось здесь на твердом материке.

Амундсен и выбрал это место для безопасной зимовки. «Фрам» дошел до бухты Китовой и здесь остановился на стоянку. За три недели все имущество с «Фрама» было пере-

правлено прямо на ледовый барьер и в четырех с половиной километрах от места высадки построен тот зимовочный дом, который привез Амундсен из Норвегии в разобранном виде. Было выгружено девятьсот ящиков провианта, более ста собак. В январе зимовочный дом был готов. Вокруг него поставлено четырнадцать палаток, из них восемь для собак, остальные под склады угля, дров, свежего мяса, рыбы и другого провианта.

База стала похожа на городок. Амундсен назвал его «Фрамхейм», что значит: «Жилище «Фрама». Дом снаружи был весь высмолен, крыша покрыта толем, так что на фоне снежного пейзажа он был виден чрезвычайно далеко.

Приготовления к зимовке заняли весь январь и февраль — самый разгар лета в тех местах, когда солнце не заходит и тянется долгий полярный день. В бухте Китовой и на льдах возле бухты появилось множество тюленей. Отважные охотники каждый день ходили бить тюленей, запасая пищу на зиму.

Сам же Амундсен занялся подготовкой дороги к полюсу. Он решил устроить ряд продовольственных складов: первый склад — на 80° южной широты, а дальше — через каждые сто километров. Это давало возможность не тащить с собой большой груз, а двигаться налегке.

Путь прокладывался от Китовой бухты прямо на юг по одному и тому же 163-му западному меридиану. Дорогу между складами Амундсен решил отмечать вехами — бамбуковыми шестами с черными флагами.

8 февраля от Китовой бухты на юг вышли четыре человека с тремя санями, запряженными восемнадцатью собаками. Сани были доверху нагружены продовольствием. Путники прошли узкой тропинкой через глетчеры, поднялись в гору и бесконечными ледяными полями двинулись на юг. Впереди всех шел на лыжах Хельмер Хансен. Он прокладывал дорогу; сам Амундсен проверял по компасу направление и отмечал пройденный путь.

Маленький караван быстро продвигался по ледяной равнине при ярком солнце — оно светило уже четыре

месяца подряд. Кругом не было видно ни одного живого существа. Животный мир ютился только на ледяном барьере вблизи моря. Внутри же антарктического материка жизни почти не было. Люди, собаки и сани казались черными точками в сверкающих белизной пространствах.

Пройдя равнину, караван вступил в холмистую местность. Здесь был устроен первый привал. Люди роздали собакам лепешки из пеммикана (размолотое сушеное мясо с мукой), сварили на спиртовке суп для себя. И пока варился суп, они успели сложить из льда и снега столб высотой в десять футов. Этот столб, или, как его называют полярные путешественники, «гурий», был заметной вехой на их пути.

Шесть суток караван шел к югу, устраивая через каждые пятнадцать километров привал. На месте привала сооружали гурий или же устанавливали шест с черным флагом.

14 февраля путешественники добрались, наконец, до 80° южной широты. Мертвая ледяная пустыня простиралась кругом. Амундсен наметил место для первого склада, и все четверо принялись разгружать сани. Ящики с пищей и мешки с одеждой сложили в брезент, уку-

тали со всех сторон тюленьими шкурами, сверху накрыли брезентом и обложили льдом. Получился высокий холм. На вершине холма водрузили норвежский флаг.

Амундсен решил проверить, хорошо ли заметен склад издали. Он отошел на километр и оглянулся: маленький холмик был едва виден. Амундсен вернулся к товарищам и высказал опасение, что на обратном пути с полюса они не найдут склада.

— Придется сделать вот что, — сказал он. — Через каждый километр мы поставим ледяные столбы с флагами на верхушке. Такие вехи будут стоять на девять километров к востоку и на девять к западу. Этого забора мы уж не минуем.

Они разделились на две группы: два человека пошли на запад, два на восток, устанавливая столбы и флаги. На эту работу они затратили двое суток. Огромный «забор» длиной в восемнадцать километров, встал на пути к Южному полюсу. Это была хорошая предосторожность. Амундсен хотел действовать наверняка.

Отсюда караван с пустыми санями двинулся назад. Сытые собаки бежали дружно. Проехав километров пять, путешественники оглянулись и отчетливо увидели «забор»: длинным рядом стояли в пустыне ледяные столбы, на их макушках развевались черные флаги.

Обратный путь караван прошел в три дня, делая ежедневно от семидесяти до ста километров.

В это время приготовления к зимовке в Китовой бухте были почти закончены, и в новую поездку для устройства складов пошли все члены экспедиции, кроме одного, оставшегося в единственном доме города Фрамхейма.

На этот раз караван растянулся длинной лентой: к югу двигались семь нарт, каждую из них везла шестерка собак, рядом с упряжкой шел человек.

Дорога теперь была знакомая — от гурия к гурию, от шеста к шесту.

На пятые сутки караван достиг склада на 80° южной широты. Здесь оставили часть продовольствия — этот склад Амундсен решил сделать самым большим.

Одна группа путешественников пошла отсюда обратно к Китовой бухте, а остальные двинулись дальше

к югу. Через сто километров был устроен склад номер два, а еще через сто—склад номер три.

Всего на склады завезли три тонны продовольствия и снаряжения.

На всех складах развевались норвежские флаги, от каждого склада вправо и влево шли ледовые гурии с черными флагами. Для всех гуриев флагов не хватило, — тогда Амундсен разбил несколько ящиков и вместо флагов установил доски. Потом и досок не хватило, — тогда на вершине гуриев укрепляли стоймя сушеную треску; каждая рыбина была величиной в метр. Амундсен учел, что при возвращении с полюса рыба послужит отличной пищей для собак. Ни зверей, ни птиц в этом мертвом краю не было, и не приходилось опасаться, что рыба будет съедена.

Так в ледяной пустыне поперек будущей дороги от Фрамхейма к Южному полюсу выросло три своеобразных забора, каждый в восемнадцать километров длиной.

Во время этих поездок Амундсен заранее ознакомился с характером местности и трудностями предстоящего пути. Попутно он проверял и сани, и качество снаряжения, и запряжку собак. А с собаками было немало хлопот. Отвыкшие за полгода от работы, они в первое время отказывались идти в упряжке, грызлись между собой. Понадобилось немало терпения и усилий, чтобы водворить среди них дисциплину.

Перед мысленным взором Амундсена уже рисовалась радостная картина: будущей весной он пройдет налегке по знакомой дороге от склада к складу, пополняя в пути запасы пищи и керосина, а затем двинется на штурм полюса.

Между тем жители Фрамхейма деятельно заканчивали подготовку к зиме. Охотники продолжали бить тюленей. Целые штабеля мороженых тюленьих туш воз-

вышались вокруг становища. Тюленьего мяса заготовили шестьдесят тонн!

Черные палатки с продовольствием, окружавшие дом экспедиции, были обнесены высокой ледовой и снежной стеной, чтобы собаки не могли в них пробраться.

„Терра Нова"

В один из февральских дней Амундсен шел из Фрамхейма к берегу, где стоял «Фрам». Вдруг он увидел, как один из его товарищей, шедших впереди, отчаянно замахал руками. Он торопил Амундсена: скорей, скорей! «Что такое? — подумал Амундсен. — Уж не случилось ли чего с кораблем?» Он быстро поднялся на ледовый барьер и увидел, что возле «Фрама» стоит незнакомый барк. Это было судно капитана Скотта «Терра Нова». Английская экспедиция прибыла в Антарктику и спешно вела научные исследования у ледового барьера. Капитана Скотта на корабле не оказалось. Он остался примерно в шестистах пятидесяти километрах к западу от Фрамхейма, где тоже готовился к зимовке и к походу на Южный полюс.

Англичане и норвежцы побывали друг у друга с визитами, и Амундсен с удивлением узнал о том, что капитан Скотт привез с собой нескольких пони—маленьких лошадок, на которых возлагал большие надежды: пони должны были везти сани с продовольствием и снаряжением. Привез он также моторные сани. Все это показалось Амундсену малопригодным для полярных путешествий: пони будут мерзнуть и не смогут одолеть ледяных подъемов, а моторные сани скоро сломаются.

Он осторожно высказал англичанам свои сомнения, но на них не обратили никакого внимания. Капитан Скотт считался опытным полярным путешественником — он знал, что делал.

Норвежцам и англичанам было ясно одно: и та и другая экспедиция стремится к полюсу, — вопрос

только в том, какая из них придет на полюс раньше. Естественно, у них пробудилось чувство... соревнования. Нет, соперничества!

Но расстались англичане и норвежцы дружески. «Терра Нова» пробыла на стоянке только двенадцать часов и пошла дальше вдоль ледового барьера.

Через несколько недель ушел в море и «Фрам». Он должен был зимовать в теплых водах Южной Америки, в Буэнос-Айресе, а будущей весной вернуться в Китовую бухту за экспедицией. На «Фраме» уехали десять человек, в том числе несколько научных сотрудников, которым было поручено провести ряд наблюдений и исследований в Южном Ледовитом океане.

Началась длинная зима. Климатические условия в Антарктике ужасны. Путешественник Маусон называл эту шестую часть света «проклятой страной». И действительно, тут все было безрадостно и пустынно: голый ледник до самого полюса. Страшные вьюги и метели. Температура ниже 60 градусов. И такие бури, когда скорость ветра доходит до шестидесяти метров в секунду, а отдельные порывы достигают ста метров!

Даже Арктика со всеми ее полярными ужасами не так страшна, как Антарктика. В Арктике море и движущиеся льды; во льдах бывают полыньи; у самого полюса есть какая-то органическая жизнь и таких ужасных холодов никогда не бывает.

Однако экспедиция Амундсена перенесла эту зиму хорошо. Главный дом во Фрамхейме был обложен льдом и снегом, в снегу были прорыты ходы вроде тоннелей — к складам, к собачьим палаткам, к метеорологическим и магнитным будкам. Из снега и льда были построены столярная и портняжная мастерские, кузница и даже баня.

Амундсен, как и в прежних экспедициях, строго следил за тем, чтобы все были заняты работой, не было уныния и болезней. Тот, кто хочет сделать в жизни доброе дело, должен работать. Работать всегда!

Сам он вел регулярно метеорологические наблюдения, строго придерживался точного распорядка дня. Он показывал пример, как надо работать.

И у каждого члена экспедиции были свои определенные обязанности. Преструд и Иогансен занимались научными наблюдениями; Хассель обеспечивал зимовку углем, дровами и керосином; старый спутник Амундсена Линдстрем выполнял обязанности повара,—самая трудная и самая хлопотливая работа была именно у него, но исполнял он ее блестяще; Бьолан, Вистинг и Хансен готовили сани и снаряжение к будущему походу на полюс; Вистинг, кроме того, шил одежду, белье и палатки. Главное внимание было направлено, конечно, на подготовку снаряжения. Продовольствие тщательно укладывалось в ящики, ящики перенумеровывались и составлялась опись каждого из них.

«Победа ожидает того, у кого все в порядке, и это называется удачей», — писал в своем дневнике Амундсен.

В свободные от работы часы члены экспедиции слушали граммофон, играли в домино, в шахматы и на музыкальных инструментах. Чтобы приучить участников экспедиции обходиться без термометра, Амундсен устроил постоянный конкурс на угадывание температуры. Каждое утро все по очереди выходили на воздух, и кто-нибудь, вернувшись в дом, говорил:

— Сегодня не жарко, градусов пятьдесят пять.

Тот, кто точнее всех угадывал температуру, получал одну или две сигары.

Много хлопот доставляли собаки. Постоянно приходилось следить, чтобы они не искалечили друг друга во время драк. Но все обошлось благополучно. Собаки провели зиму хорошо, все были здоровы, и к весне у них появилось два десятка щенков.

Самыми темными и холодными зимними месяцами были май, июнь и июль. К середине августа вся подго-

товка к полярному походу была закончена. А 24 августа впервые после многомесячной ночи из-за горизонта выглянуло солнце. Однако морозы стояли такие, что о походе нечего было и думать. Амундсен попытался совершить поездку до склада номер один, но вынужден был вернуться.

Эта попытка, однако, принесла пользу: она показала, что большому количеству людей идти к полюсу рискованно (Амундсен вначале предполагал, что на полюс пойдут восемь участников экспедиции, а один останется во Фрамхейме). Пробная поездка показала, что большая группа не могла быстро двигаться. Много времени тратилось на сборы, нужно было везти лишнее продовольствие и снаряжение, больше было риска, что кто-нибудь заболеет в пути. Поэтому Амундсен решил ограничить число участников похода пятью: он сам, Хассель, Вистинг, Бьолан и Хельмер Хансен. А Преструд, Стубберуд и Иогансен должны были нанести на карту берега Китовой бухты, а затем пройти к Земле короля Эдуарда VII и там провести научные обследования.

Между тем морозы не уменьшались. Температура спускалась временами до 57 градусов. Товарищи Амундсена нервничали. Им казалось, что капитан Скотт давно уже вышел к полюсу. Время от времени во Фрамхейме начинался разговор:

— Хотел бы я знать, до какого места дошел теперь капитан Скотт, — говорил кто-нибудь, ни к кому, собственно, не обращаясь.

— Его пони на таком морозе замерзнут, — уверенно говорил Амундсен. — Тревожиться нам нечего. Должно быть, они сидят еще на месте.

— А может быть, у них теплее? Кто знает, какая погода за шестьсот пятьдесят километров от нас? Ну, а если там теплее, так они напрасно времени не тратят.

— Нет, я полагаю, что они ждут погоды, как и мы, — уверенно говорил Амундсен, а у самого тревожно сжималось сердце: неужели и тут его опередят?

Морозы не сдавали весь сентябрь и первую половину октября. Только в начале второй половины октября потянуло теплом и запахло весной. И Амундсен решил: «Теперь пора!»

К ЦЕЛИ

20 октября, — этот день в южном полушарии считается началом весны, — Амундсен вышел из дома, чтобы узнать, какова нынче погода. С востока дул легкий ветерок. Все дали кругом постепенно прояснялись. Термометр показывал минус 22 градуса. Вернувшись в дом, он спросил своих товарищей:

— Ну, как вы полагаете? Пойдем?

— Немедля! Отправимся рысцой! — весело ответили все четверо и начали торопливо одеваться.

Сколько времени ждали они этой минуты! В своих думах участники похода уже двадцать раз отправлялись на полюс и так свыклись с этой мыслью, она стала такой обыденной, что теперь никто не взволновался. Наскоро попрощались они с остающимися товарищами. Трое пошли проводить уходящих, а Линдстрем занимался хозяйством и даже не вышел из дома, словно Амундсен и четыре его спутника прощались только «до завтра». Четверо нарт с тринадцатью собаками в каждой упряжке стояли наготове. Нагружены они были легко, только для похода до 80°, — там ожидало путешественников и продовольствие и снаряжение. Пре-

струд завертел ручку киноаппарата, снимая отъезжающих. На трое нарт сели по одному человеку, и на четвертые — двое: Вистинг и Амундсен.

— Трогай! — сказал Амундсен.

Каюр первой нарты свистнул, собаки рванули и понеслись. Преструд все стоял и вертел ручку киноаппарата, пока товарищи не скрылись в снежном облаке, поднятом нартами. Первые километры караван несся карьером.

Так началось путешествие к Южному полюсу.

* * *

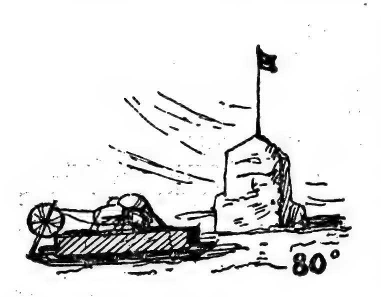
А капитан Скотт в это время еще готовился к походу. Его экспедиция двинулась с места зимовки только 1 ноября — на десять дней позже Амундсена. Норвежец был прав — для пони, на которых так рассчитывал Скотт, морозы были слишком суровыми.

* * *

Знакомая дорога расстилалась перед Амундсеном. Путешественники двинулись к югу по прямой линии, вдоль 163-го меридиана. Лед был ровный, наст хорошо держал собак и нарты. Сани легко скользили, поднимая снежную пыль, каюры весело помахивали длинными кнутами.

— Те, кто увидел бы нас сейчас, наверное, подумали бы, что полярное путешествие очень привлекательная прогулка! — смеясь, сказал Амундсен своим спутникам.

На четвертый день путешественники достигли склада номер один на 80° южной широты. Отсюда они, погрузив на нарты ящики с продовольствием и снаряжением, двигались уже с полной нагрузкой, проходя ежедневно от тридцати до сорока километров. Остановившись на ночлег, они быстро

ставили палатку с брезентовым полом, зажигали примус и готовили горячий обед. Собак выпрягали и обильно кормили. Собаки спали у нарт с подветренной стороны палатки. Подъем проходил быстро: после сытного горячего завтрака быстро свертывали палатку, грузили нарты и пускались в путь, не теряя ни минуты.

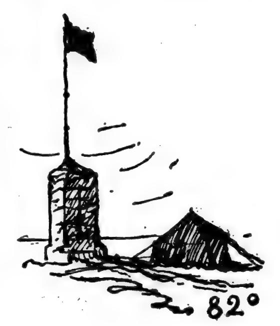
Чем дальше караван уходил в глубь материка, тем чаще и чаще во льду встречались опасные трещины. Однажды нарты Бьолана провалились в одну из таких трещин, и с очень большим трудом их удалось оттуда вытащить.

Большие «заборы», построенные на 81 и 82° южной широты, очень помогли путешественникам: черные флаги на вершинах гуриев виднелись за много километров, и каюры точно правили по этим вехам.

У каждого склада экспедиция останавливалась на два дня. Объявлялся полный отдых. Собаки получали корм в неограниченном количестве.

После 82° экспедиция вступила в ту область, где никогда еще не было людей. Правда, знаменитый полярник Шеклтон за два года перед Амундсеном прошел до 88°23′ южной широты, но он продвигался значительно западнее, там, где наметил свой путь капитан Скотт.

Чтобы облегчить себе возвращение во Фрамхейм, путешественники начали строить гурии высотой в два метра через каждые восемь километров. Это была нелегкая работа: нужно было вырезать больше девяти тысяч снежных глыб, но этот труд потом оправдал себя полностью.

Через каждые сто километров Амундсен устраивал небольшой склад продовольствия.

Путь шел по ровной местности, сверкающей под солнцем. Над

миром стояла величавая тишина. Ее нарушали лишь скрип полозьев и лыж, дыхание собак и покрикивание каюров. Время от времени налетал туман, закрывал дали. Потом снова показывалось ослепительно яркое солнце.

Достигнув 83°, путешественники увидели далекие горы. Одну из них Амундсен назвал горою Фритьофа Нансена, а другую — именем человека, помогавшего ему в снаряжении, — Педро Кристоферсена. Горы лежали около 85° южной широты. Высота их доходила до четырех тысяч пятисот метров. Склоны были совсем голые, глубокой сине-черной окраски. И по ущелью спускались ледники.

«Никогда в жизни я не видел более прекрасного и более дикого ландшафта!» — записал Амундсен в своем дневнике.

Путь к полюсу проходил между этими горами, за которыми начиналось высокое плато. Перед подъемом на плато экспедиция сделала длительный привал, и Амундсен, как всегда в серьезных случаях, устроил совещание с товарищами.

Как быть? До полюса оставалось пятьсот пятьдесят километров. Перед путешественниками лежал очень трудный подъем, а за ним, вероятно, и другие препятствия. Тащить с собой тяжелый груз не было смысла. Поэтому решили оставить здесь большую часть продовольствия, взяв с собой запас только на шестьдесят дней. За это время они рассчитывали достигнуть полюса и вернуться к этому же месту.

Серьезную заботу вызывали собаки. Число их сократилось: десять собак погибло в пути, но оставалось еще сорок две, и, чтобы прокормить эту ораву, надо было тащить с собою много тяжелого продовольствия. Поэтому решили идти дальше на трех нартах с восем-

надцатью собаками, а остальных, поднявшись на плато, убить.

Все согласились, что это единственно разумное решение, и тут же принялись за переупаковку груза. Кроме продовольствия на шестьдесят дней, они взяли мешки с теплой одеждой и обувью, так как обувь в полярном походе изнашивается чрезвычайно быстро. Все остальное сложили в снегу, отметив этот склад шестом с черным флагом.

Затем все отправились на лыжах разведать, каким же путем подниматься на плато. С гор спускались ледники, и один из них должен был служить им дорогой. Лед пересекали трещины, иногда очень широкие. После разведки разгорелся спор: каждый предлагал свой путь, но последнее слово оставалось за Амундсеном, и он наметил путь.

Начался подъем. Дорога шла круто вверх. Собаки старались изо всех сил, и путешественники, глядя на них, думали, что большая часть собак сейчас спешит к месту своей смерти. С ледника на ледник все выше и выше поднималась экспедиция. На каждой остановке Амундсен или кто-нибудь из его товарищей уходил вперед на поиски лучшего пути. Гор становилось все больше и больше. Солнце теперь не только ярко светило, но и грело, и путники сняли с себя тяжелые одежды, положив их на нарты. Некоторое время шли даже в одном белье — такая была жара. Это было фантастическое зрелище, но и вокруг них развертывались фантастические панорамы: одна гора сияла девственной белизной, рядом с нею торчали черные скалы, на соседней горе снег был красно-бурого цвета, а в ущельях лежали синие тени.

Чтобы легче было найти обратный путь, Амундсен ставил через каждые сто-двести метров гурии. Там, где были опасные трещины, строили даже два гурия, между которыми проходила удобная и безопасная дорога.

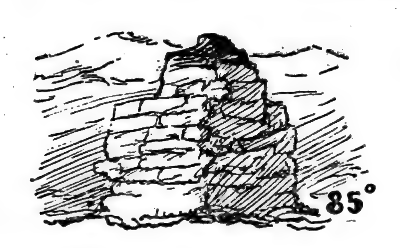
У всех была надежда, что, миновав плато, они встретят более ровную местность, что горы кончатся. Но, поднявшись на плато, путешественники увидели новые цепи гор, — правда, они были ниже горы Нансена, но сулили немало трудностей. Выбрав место для стоянки, путники поставили палатку, и сейчас же загремели выстрелы. Были убиты двадцать четыре собаки. Эта жестокая расправа с верными животными, так старательно выполнявшими свои обязанности, подействовала на всех угнетающе. Амундсен даже спрятался в палатку, чтобы не видеть этой бойни. Но законы полярных путешествий жестоки. Идти с собаками дальше — значило обречь и себя и собак на лишения и верную смерть.

Эту стоянку Амундсен назвал Бойней.

Мясом убитых были накормлены оставшиеся собаки, да и сами путешественники, давно уже не евшие свежего мяса, соблазнились собачиной. Вистинг сварил суп и приготовил много котлет. Вначале все морщились; впервые им пришлось есть такой суп. Но, отведав, нашли его превосходным. Такую же оценку получили и котлеты.

На этой стоянке разыгралась страшная метель. Идти дальше было невозможно. Пять суток путешественники просидели в палатке, а метель не унималась. Тогда Амундсен решил все же продолжать путь. Это было очень рискованное решение, но и сидеть на месте было опасно. Разумеется, не только заботы о продовольствии тревожили Амундсена — ведь на месте стоянки пришлось оставить четырнадцать собачьих туш, — он боялся иного: как бы его не опередила экспедиция Скотта.

Путь был мучителен: сухой снег падал так густо, что стоящий на нарте не видел своих собак, ветер кружил острые снежинки и слепил глаза, идти приходилось точно по песку. Амундсену вспомнилось его первое путешествие по Хардангерскому плоскогорью.

Местность постепен-

но повышалась, затем стала совсем ровной, но вскоре со всех сторон опять надвинулись горы, едва видимые сквозь метель. Здесь все чаще попадались трещины и стремнины. Разведчики, связавшись веревкой, уходили вперед и ощупью отыскивали безопасный путь.

Нужно было обладать недюжинной волей и сильным характером, чтобы преодолеть такие трудности. Каждой местности, каждой горе Амундсен и его товарищи давали свое имя. Уже отмечены были на карте горы Нильсена, Хансена, Вистинга, Бьолана, Хасселя... Некоторые места получили выразительные названия: «Чертов ледник», «Ворота ада», «Танцевальный зал дьявола»... Уже одно это может дать представление о характере местности, по которой шла экспедиция.

Только миновав 88°, путешественники вздохнули с облегчением: местность стала ровной, как поле, и караван быстро двинулся вперед.

А на 88°23′ случилось происшествие, глубоко взволновавшее Амундсена.

Он шел впереди на лыжах, намечая путь. Глубоко погруженный в свои мысли, Амундсен забыл обо всем окружающем. Вдруг позади него раздались громкие крики «ура». Удивленный, он оглянулся. Высоко в воздухе над нартами Хансена развевался норвежский флаг. Его подняли в знак того, что норвежцы достигли пункта, дальше которого не ступала еще нога человека.

«Не могу передать чувств, охвативших меня, когда я стоял, разбираясь в происшедшем, — пишет Амундсен в своем дневнике. — Все нарты остановились, а на передних развевался норвежский флаг. Он развернулся, реял и бился так, что шелк щелкал. Он был необычайно красив в чистом ясном воздухе, среди ослепительно белых окрестностей. 88°23′ были пройдены, мы прошли на юг дальше, чем кто-либо из людей! Еще ни одно мгновение за все наше путешествие не волновало меня так, как это. Слезы катились одна за другой, усилиями всей своей воли я не мог остановить их! Это наш флаг покорил и меня и мою волю!.. Мы обменялись взаимными поздравлениями и рукопожатиями, — дружно мы прошли так далеко, пройдем и еще дальше, вперед до самой цели».

В эту минуту Амундсен вспомнил о Шеклтоне: два года назад Шеклтон достиг этих же градусов южной широты. А он, Амундсен, прошел дальше!

В четырех километрах от этого пункта они устроили лагерь и здесь же на месте лагеря оставили последний склад с продовольствием.

Погода в этот день улучшилась. Снег перестал идти. Ветер стих. Над миром опять стояла оглушающая тишина. Все пристально оглядели друг друга. За время перехода по горам и ущельям сквозь ледяную пургу путешественники обморозились: лица представляли сплошную изъязвленную лепешку, покрытую кровью и гноем. «Вид у нас был как у последних разбойников и бродяг с большой дороги... — писал Амундсен в своем дневнике. — Раны очень беспокоили нас в последнюю часть нашего путешествия. Малейшее дуновение ветра вызывало такое ощущение, будто кто-то пилил нам лица тупым ножом».

Но все держались бодро. Победа была рядом. Скорей, скорей к цели! К полюсу!

Плато постепенно опускалось, двигаться было очень легко, и путешественники делали теперь по сорок кило-

метров в сутки. Они волновались: не опередил ли их капитан Скотт? Это беспокойство иногда поддерживалось еще и тем, что собаки вдруг ни с того ни с сего начинали лаять и рваться вперед.

— Отчего они лают? Уж не чуют ли кого они там... на полюсе?

В полдень 14 декабря определили по солнцу местонахождение: экспедиция достигла 89°45′. До полюса оставалось всего двадцать восемь километров.

«В этот вечер у нас в палатке было такое настроение, как накануне праздника. Заметно было, что у дверей стоит нечто великое... Ночью я просыпался несколько раз с тем же чувством, какое бывало у меня в детстве накануне сочельника».

Так писал Амундсен в своей книге, рассказывавшей о дороге к Южному полюсу.

Никому как следует не спалось. Торопливее, чем всегда, путешественники позавтракали и пошли в обычном порядке. Погода была великолепная, праздничная. Амундсен на лыжах шел впереди, а другие внимательно следили за одометрами (приборами, отмечающими пройденный путь; они имеют колесо, прикрепленное к задку нарт, и счетчик). Так как с десяти часов небо заволокло облаками, путь определялся только по одометрам. В три часа Амундсен крикнул:

— Стоп!

Все замерли.

Они стояли на Южном полюсе!

Желанная цель была достигнута!

Взволнованные путешественники окружили Амундсена. Они жали руки и ему и друг другу. Скупые, но горячие слова поздравлений были первыми словами, произнесенными в этой дотоле загадочной точке мира — на Южном полюсе.

Необычайное чувство охватило Амундсена. С детства он стремился в полярные страны, в юности мечтал побывать на Северном полюсе, а теперь стоял... на полюсе Южном.

«Можно ли представить себе что-либо более противоположное?» — спрашивал он сам себя в своих записках.

Амундсен полагал, что честь достижения полюса принадлежит не ему одному, но и всем его отважным спутникам. Поэтому он попросил, чтобы все его товарищи взялись за древко. Пять рук дружно подняли флаг и водрузили его на самой южной точке Земли. Это была торжественная минута, самая торжественная за все время их путешествия.

После этого поставили палатку и устроили праздничный обед: каждый получил по куску жареной тюленины, и впервые за время похода они выкурили по трубочке.

Вистинг вырезал на некоторых вещах слова «Южный полюс», и эти же слова Амундсен вырезал на своей трубке, бывшей с ним во всех походах. В палатке царило необычайное оживление.

В полночь, когда ярко светило южное полуночное солнце, Амундсен и Хансен произвели тщательные астрономические вычисления, чтобы определить точку полюса. Оказалось, что одометры подвели и что до полюса еще осталось десять километров. На следующий день экспедиция перекочевала туда, и точно на полюсе установила небольшую палатку. Над ней были укреплены норвежский флаг и вымпел «Фрама».

Амундсен решил обследовать всю местность вокруг полюса в радиусе двадцати километров.

Она была ровной как стол.

Хассель, Бьолан и Вистинг пошли в три разные стороны и установили флаги в двадцати километрах от палатки.

На полюсе норвежцы пробыли тридцать шесть часов.

Задача была выполнена.

В палатке Амундсен оставил в кожаном мешочке донесение на имя норвежского короля о том, что сделано норвежцами, а также письмо на имя капитана Скотта. В нем Амундсен просил передать королю известие об открытии полюса на тот случай, если норвежцы погибнут на обратном пути. Все пятеро расписались на доске, оставленной в палатке. Палатку хорошо зашнуровали, чтобы в нее не проник снег.

Кроме палатки, здесь были оставлены одни нарты.

Чтобы накормить голодных собак, двух пришлось убить и на двух нартах с шестнадцатью собаками путешественники двинулись обратно.

Идти теперь было все-таки легче. Амундсену и его друзьям помогали ледяные столбы, указывавшие кратчайший путь. А сознание того, что труднейшая задача выполнена блестяще, придавало исследователям бодрость и укрепляло их дух.

Но обратная дорога все же была очень тяжелой. Солнце по-новому освещало местность, и ландшафт казался незнакомым. Ветер и метели совершенно стерли следы перехода экспедиции. С большим трудом разыскали склад продовольствия, устроенный в горах. «Если бы этот склад не удалось найти, мы не только заблу-

дились бы, но и подверглись бы всяким роковым случайностям», — писал Амундсен.

Лишь после того, как путешественники добрались до склада, они могли вздохнуть с облегчением. Люди хорошо питались, обильно кормили собак, дорогу ясно отмечали гурии, флаги и, наконец, «заборы», стоявшие подле складов.

Сейчас путешественники делали тридцать шесть километров в сутки, тогда как по пути к полюсу они в среднем проходили только по двадцать пять километров.

26 января 1912 года, в четыре часа утра, экспедиция достигла Фрамхейма.

Все еще спали, когда в дом вошел Амундсен и с ним его спутники. Зимовщики, разбуженные внезапно, не понимали вначале, что случилось. Они даже не узнали вошедших. Ведь прошло девяносто девять дней, как Амундсен и его товарищи покинули Фрамхейм. И теперь вот они здесь — неузнаваемые, прокопченные, грязные, веселые и шумные.

— Где «Фрам»? — прежде всего спросил Амундсен.

«Фрам» был уже здесь. Он пришел три недели тому назад, проделав всю порученную ему работу. И во Фрамхейме и на «Фраме» все было в порядке.

Никто не решался спросить Амундсена о главном. Казалось, все деликатно обходили самый важный вопрос. Наконец кто-то спросил:

— А как полюс? Были там?

— Конечно, были. Иначе вы нас не увидели бы.

Ответ вызвал неописуемый восторг. Это были самые праздничные минуты во Фрамхейме.

Кто-то насмешливо спросил:

— Значит, капитан Скотт вас не обогнал?

Ни Амундсен, никто другой ему не ответил. Да, капитан Скотт не обогнал. И никому из норвежцев не было дела до него. В борьбе за первенство они победили. И побежденный будто сразу был забыт. Таков жестокий закон борьбы в том мире, где жили и Амундсен, и Скотт, и все их спутники.

Через четыре дня «Фрам» вышел из Китовой бухты на север, к Тасмании.

В НОВЫЙ ПОХОД

Норвегия встретила Амундсена как национального героя. Навстречу пароходу, на котором ехал Амундсен, вышли тысячи парусных и паровых судов и лодок. Берега фиорда, мост через канал, стены старой крепости, набережная были покрыты тысячными толпами. Гремели сотни оркестров.

Пароход медленно шел к пристани. Амундсен стоял на баке. Десятки тысяч глаз встречали его... Вот точно так же много лет назад Норвегия встречала Нансена после его похода через Гренландию. И юноша Руал в маленькой лодке со своими товарищами спешил тогда навстречу герою.

А сегодня Норвегия встречает его, Амундсена.

Пароход подошел к пристани. По мосткам, украшенным красивой материей, Амундсен спустился на берег. Все кричали «ура», пели национальный гимн. Гремела музыка.

Прямо с корабля Амундсена провели в ратушу, где в его честь был устроен торжественный обед. Собрались ученые со всей Норвегии, писатели, члены правитель-

ства. Все восторженно говорили о замечательной победе и прославляли великого путешественника.

Но успех не вскружил Амундсену голову. Уже на следующий день после торжественной встречи он был на «Фраме» и наблюдал за разгрузкой судна.

Всюду его встречали и провожали толпы народа. Каждый встречный с уважением снимал перед ним шляпу. Фотографии Амундсена, его портреты были в каждом доме. Газеты трубили ему славу. И не только маленькая Норвегия, а вся Европа, весь мир узнал о человеке, открывшем Южный полюс, разгадавшем вековую тайну. Сотни лет многие верили в то, что на полюсе стоит гора высотой до неба, а другие полагали, что там не гора, а пропасть до самого центра Земли. Амундсен первый мог с уверенностью заявить, что нет там ни горы, ни пропасти.

На полюсе теперь стоит его палатка.

И, может быть, капитану Скотту тоже удалось ее увидеть.

Долгое время об экспедиции Скотта не было никаких известий.

Знали только, что он отправился к полюсу на десять дней позже Амундсена.

Проходил месяц за месяцем. Судьба экспедиции Скотта оставалась неизвестной. Общественность Англии волновалась. В газетах появились статьи, в которых писали о необходимости снарядить спасательную экспедицию. Такая экспедиция была направлена на полюс лишь восемь месяцев спустя.

И примерно через год после триумфального возвращения Амундсена пришла печальная весть.

Спасательная экспедиция, дойдя до 79°50′ по дороге к Южному полюсу, нашла полузанесенную снегом палатку и умерших от истощения и холода капитана Скотта с двумя его спутниками.

На груди капитана лежал дневник, в котором шаг за шагом отмечался весь тяжелый путь экспедиции от зимовки до полюса и обратно от полюса до того места, где смелых исследователей застигла смерть.

Дневник капитана Скотта — это повесть о большой человеческой трагедии.

План экспедиции был составлен капитаном Скоттом прекрасно. Он подобрал замечательных спутников, так же как и Амундсен, устроил на пути к полюсу несколько складов, рассчитывая пользоваться ими при возвращении, продумал все детали путешествия, — ошибся только в том, что недостаточно высоко оценил возможности передвижения на собаках и слишком много надежд возложил на пони и на моторные сани. Моторные сани, как и предсказывал Амундсен, сломались вскоре после выхода с зимовки. А пони быстро погибли в пути. Люди принуждены были везти сани с продовольствием и снаряжением на себе.

Это был чудовищно трудный путь. И все же на полюс пришло пять человек.

Здесь их ждало большое разочарование.

Еще издали увидели они палатку Амундсена, над которой развевались флаг Норвегии и вымпел «Фрама».

И хотя капитан Скотт не раз говорил о том, что они идут к полюсу не ради того, чтобы побывать на нем первыми из людей, чувство глубокой горечи и неудовлетворенности не покидало их ни на минуту, пока они были на полюсе.

Обратный поход был еще тяжелей. Силы быстро убывали. Продовольствия едва хватало от склада до склада, так как двигались они очень медленно. Первые пятьсот километров были пройдены ими благополучно.

А дальше начались беды. Во время сильной пурги один из участников похода отморозил руки, другой — ноги. Скотт при падении ушибся и разбил плечо. Через несколько дней погиб самый крепкий участник похода — унтер-офицер Эванс. Четверо путешественников с огромным трудом продолжали путь. Еще через несколько дней выбился из сил капитан Отс. Он понимал, что положение его безнадежно, и на одной из стоянок он в пургу и в мороз вышел из палатки, сказав на прощанье:

— Пойду прогуляюсь. Может быть, вернусь не скоро...

И ушел навсегда.

День за днем капитан Скотт записывает все, что с ними происходит. Вот они, напрягая последние силы,

идут к очередному складу, где есть и продовольствие и топливо. Остается пройти только шестнадцать километров. Но поднимается снежная буря. Идти дальше невозможно. Они вынуждены поставить палатку и ждать, пока затихнет пурга. Проходит много часов ожидания. Пурга продолжается. Продовольствие на исходе.

Несколько дней они борются с голодом, с холодом и под вой ветра засыпают вечным сном.

До последней минуты капитан Скотт продолжал писать, держа карандаш обмороженными пальцами.

«Жаль, но не думаю, чтобы я был в состоянии еще писать». Это последняя его запись в дневнике перед последними словами: «Ради бога, не оставьте наших близких...»

Чувствуя приближение смерти, Скотт написал на конверте с прощальным письмом: «Моей жене», а потом уже слабеющей рукой поправил: «Моей вдове»...

Гибель Скотта была встречена в Англии очень болезненно. Некоторые английские газеты во всем обвинили Амундсена: вот кто виноват! Он будто бы скрыл свои планы не только от капитана Скотта, но даже от своих соотечественников. Он никому не сказал, что отправляется к Южному полюсу. Он схитрил, опередив Скотта.

Эти обвинения были несправедливы. Амундсен уже с острова Мадейры послал извещение о своем намерении идти именно к Южному полюсу. Это дошло до капитана Скотта своевременно. Кроме того, экспедиционный корабль Скотта «Терра Нова» посетил стоянку Амундсена в Китовой бухте. Да и сам Скотт в своем дневнике не раз писал о том, что ему известны намерения Амундсена. Ни разу он не обвинил его ни в хитрости, ни в сокрытии своих целей. В одном из писем в Англию капитан Скотт писал: «Если Амундсену суждено добраться до полюса, то он должен дойти туда раньше нас... Поэтому я давно решил поступить так, как будто его нет на свете. Бег с ним вперегонки расстроил бы весь мой план; к тому же не за тем как будто мы сюда пришли».

Да, конечно, в дневнике Скотта есть записи о том, какое гнетущее чувство родилось у него и его товарищей, когда они, измученные трудным переходом, увидели норвежскую палатку на полюсе. Достижение столь желанной цели не только не вдохнуло в них энергии, а, наоборот, подействовало угнетающе. Совершив величайший подвиг, сами англичане не высоко оценили его и совсем упали духом, утратили бодрость. «А бодрость потерять — все потерять», — обычно говорил Амундсен.

Конечно, он нисколько не был виноват в гибели экспедиции Скотта. И никто, кроме англичан, не пытался обвинить его в этом. За время его триумфального шествия по Европе и Америке в одной только Англии нашлись люди, которые отнеслись к нему враждебно.

На обеде, данном в честь Амундсена Королевским географическим обществом в Лондоне, президент общества лорд Керзон насмешливо говорил о том значении, которое придал Амундсен собакам при передвижении по полярным льдам, и закончил свою речь так:

— Позволяю себе поэтому предложить троекратное «ура» в честь собак.

Это было дерзостью. Амундсен внешне сохранил полное самообладание, но тотчас же после обеда покинул Англию.

Путешествуя с докладами по Америке и Европе, он собирал средства для нового похода. Ему хотелось осуществить старый свой замысел: пройти на «Фраме» через Северный полюс, вмерзнув во льды где-нибудь в районе Берингова пролива. Правда, спешить к Северному полюсу теперь уже нечего: там побывал Пири. Но добытые им научные данные были невелики. Амундсен же рассчитывал провести обширные наблюдения.

Средства, полученные им за доклады и за книгу о путешествии к полюсу, были значительны, однако для полного снаряжения экспедиции их, конечно, не хватало. Снова пришлось прибегнуть к помощи частных лиц, просить о займе; норвежское правительство ассигновало в распоряжение Амундсена двести тысяч крон.

Началась длительная и трудная подготовка к экспедиции. Амундсен предполагал, что путешествие будет продолжаться около семи лет.

Во время поездки по Германии в 1913 году Амундсен впервые увидел самолет. Воздушная машина легко поднялась в воздух, сделала несколько кругов над аэродромом. Это зрелище произвело на Амундсена впечатление чрезвычайное.

«В памяти моей еще свежи были воспоминания о долгих санных поездках в Антарктике... За какой-нибудь час аэроплан покрыл расстояние, которое при путешествии в полярных областях заняло бы много дней и стоило бы тяжелой работы». Так описывал он свои впечатления этого дня.

И у него появилась мысль об использовании аэроплана при путешествии в Арктику. Он тотчас же решил сделаться летчиком. С обычной своей энергией и усердием принялся Амундсен за изучение летного дела. Сначала он летал как пассажир, затем учился управлять машиной у норвежского летчика Сем-Якобсена. Летом 1914 года он сдал экзамен на гражданского летчика. На экзаменационном полете, когда Амундсен летел в качестве пассажира, аэроплан упал с высоты двадцати метров и разбился вдребезги. Летчик и пассажир, к счастью, отделались только испугом. Амундсен, выбравшись из-под обломков разбитой машины, потребовал продолжения экзамена. На аэродроме находилась вторая машина, и на ней Амундсен полетел уже не как пассажир, а как пилот. Сделав несколько кругов над аэродромом, он красиво приземлился с высоты ста пятидесяти метров. Экзамен был выдержан. После ряда самостоятельных полетов Амундсен получил аттестат гражданского летчика. Это был аттестат № 1 — первый аттестат, выданный в Норвегии.

Один из членов будущей экспедиции, лейтенант Доксруд, по настоянию Амундсена срочно начал обучаться летному делу. Дело пошло успешно. Оба они уже представляли себе, как во время арктического путешествия поднимутся над льдами и будут вести широкую разведку.

В тот день, когда Доксруд сдал экзамен, Амундсен купил самолет и отправил его на «Фрам».

Ему казалось, все теперь налаживается прекрасно, — через несколько месяцев экспедиция отправится в путь. И вдруг в самый разгар подготовки вспыхнула первая мировая война. Она быстро охватила всю Европу, а затем и весь мир. Никто уже не интересовался ничем, кроме войны. Даже маленькая нейтральная Норвегия держалась наготове и собирала средства на оборону.

Амундсен отказался взять двести тысяч крон, отпущенных ему на экспедицию, и передал правительству свой самолет. Ни о какой экспедиции, разумеется, не могло быть и речи. Приходилось сидеть и ждать.

Ждать! Бессмысленно тратить время! Остановиться на полном ходу...

С горечью и негодованием смотрел Амундсен на страшную человеческую бойню.

В первые месяцы войны все в Норвегии будто замерло: торговля сократилась, суда стояли в портах на приколе, промыслы замерли. Но вот потребовалось перевозить грузы через океан из Америки в Англию и во Францию... Норвежские пароходные компании и отдельные лица стали получать большие заказы на перевозку грузов. Потребовалась даже постройка новых судов. Воюющие страны начали закупать в Норвегии сельскохозяйственные продукты, рыбу, скот. Огромные деньги потекли в карманы норвежских предпринимателей.

И Амундсен решил тоже принять участие в финансовых предприятиях, чтобы добыть возможно больше денег для будущей экспедиции. Все свои сбережения он вложил в акции одной пароходной компании и в полтора года нажил миллион крон. Для его экспедиции этого было более чем достаточно. Уже в 1916 году он прекратил свои финансовые операции и снова принялся энергично готовиться к полярному походу.

Главным расходом был ремонт «Фрама».

За два года неподвижной стоянки на приколе «Фрам» сильно обветшал. На его ремонт потребовались бы большие деньги. Пожалуй, выгоднее было по-

строить новый корабль. И в том же 1916 году Амундсен договорился с судостроителем Иенсеном о постройке нового судна по такому же типу, как «Фрам», но с некоторыми улучшениями. Днище нового корабля так же, как и у «Фрама», должно быть округлым, чтобы полярные льды не могли его раздавить, а выталкивали вверх. Через год судно было готово, спущено на воду и получило название «Мод», по имени норвежской королевы.

Пока шла постройка судна, Амундсен готовил снаряжение и припасы. Консервы и другие пищевые продукты он закупал в Америке. Европа в это время уже голодала, и закупать продовольствие в Норвегии было невозможно.

В Америке же и в Англии были приобретены первоклассные научные приборы.

Война становилась все ожесточеннее. Немецкие подводные лодки топили суда не только воюющих с нею стран, но и стран нейтральных. В октябре 1917 года немецкая подводная лодка без всякого предупреждения потопила в Северном море норвежское торговое судно. Когда же экипаж погибающего корабля пытался спастись на шлюпках, немцы расстреливали шлюпки. Возмущение Амундсена было безграничным.

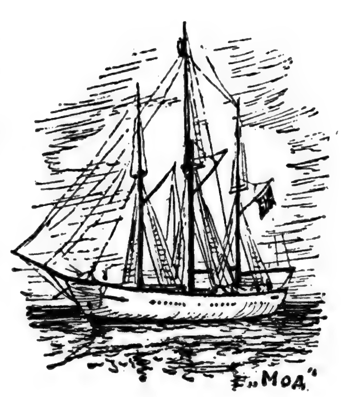
В тот день, когда Норвегия узнала об этой зверской расправе, Амундсен решил вернуть германскому послу в Норвегии все ордена и медали, когда-либо полученные им от германского правительства и германских обществ.

Амундсен запаковал немецкие награды — медали и ордена — в большой конверт, написал официальное заявление об отказе от них и отправился в германское посольство. Его сразу же провели к послу, князю Виду. С послом Амундсен встречался не раз. Посол поспешил навстречу и, улыбаясь, протянул ему руку. Амундсен сделал вид, что не замечает протянутой руки. Произошло мгновенное замешательство.

— Я пришел к вам по чрезвычайному делу, — начал Амундсен.

Он вынул из кармана пакет, затем развернул лист бумаги, на котором была написана тщательно состав-

ленная им речь на немецком языке, и громко прочел ее послу.

В этой речи он выражал свое глубокое негодование. Он говорил, что принес с собой знаки отличия, полученные в Германии, чтобы вернуть их обратно, потому что на тех, кто их ему дал, он не может смотреть без отвращения и презрения.

Поступок Амундсена вскоре стал достоянием английской и американской печати. Американцы пригласили Амундсена приехать во Францию, где в это время они бились с немцами. В первый раз Амундсен своими глазами увидел войну. Немцы не могли простить Амундсену его поступка. Ходили упорные слухи, что немецкие подводные лодки ни за что не пропустят яхту «Мод» из Норвегии в Ледовитый океан.

А «Мод» уже была готова к походу.

Накануне ее выхода в море норвежский посол в Германии посоветовал Амундсену испросить у германских военных властей разрешение на свободное плавание: иначе «подводные лодки Германии потопят яхту». Амундсен гордо отверг это предложение. Он только обратился с просьбой к английскому адмиралу Симсу, чтобы тот сообщил ему, когда немецкие подводные лодки уходят из Северного моря на свои базы за горючим.

24 июня 1918 года «Мод» покинула Христианию и пошла вдоль берегов Норвегии к северу. Через несколько дней она прибыла в Варде — самую северную норвежскую гавань. Отсюда «Мод» направилась в Ледовитый океан.

Этот участок пути был самым опасным. Немецкие подводные лодки шныряли здесь повсюду. Амундсен приказал приготовиться на случай нападения: спасательные лодки могли быть спущены в любую минуту,

в лодках лежал двухнедельный запас продовольствия и теплая одежда.

Все обошлось благополучно: «Мод» прошла через опасную зону и вскоре достигла Югорского Шара.

Как всегда перед очередной своей экспедицией, Амундсен старательно собирал все материалы, добытые предыдущими путешественниками о данной местности. Теперь он вступал в область, где уже несколько столетий плавали на своих судах русские люди. Русские стали осваивать Арктику очень давно — начиная с XV века. Уже в XVII веке они знали почти все побережье от Мурманска до Берингова пролива. В 1648 году русский мореход Федот Алексеевич Попов и якутский казак Семен Дежнев первыми прошли на судне из Ледовитого океана в Тихий, доказав тем самым, что Азия отделена от Америки проливом.

В 1725 году, при Петре I, была снаряжена большая северная экспедиция Беринга для обследования берегов Восточной Сибири. Беринг провел две экспедиции, он и его спутники собрали огромный научный материал. Русские мореходы братья Лаптевы, Чириков, Прончищев, Малыгин, Челюскин обследовали северные берега Азии и Карского моря до Берингова пролива. По мысли гениального русского ученого Ломоносова была снаряжена экспедиция для нахождения кратчайшего морского пути из Белого моря в Тихий океан. Экспедиция кончилась неудачей — парусные суда не смогли преодолеть труднейших льдов. И впервые северо-восточный путь был пройден лишь в 1878 — 1879 годах экспедицией шведа Норденшельда.

В 1912 году из Баренцева моря отправились две экспедиции: Русанова на «Геркулесе» и Брусилова на «Святой Анне». Их целью было найти удобный путь в Тихий океан.

Обе экспедиции пропали без вести. Лишь со «Святой Анны» вернулись в 1914 году двое — штурман Альбанов и матрос Кондрат. Они покинули судно на 83° северной широты и с большими трудностями добрались до Земли Франца Иосифа. Отсюда их доставила в Архангельск шхуна экспедиции Георгия Седова «Святой Фока».

Экспедиция лейтенанта Георгия Седова на «Святом Фоке» зимовала на Земле Франца Иосифа. Седов пытался достичь Северного полюса пешком, в сопровождении двух матросов, но умер в пути. Его дневник матросы принесли на шхуну.

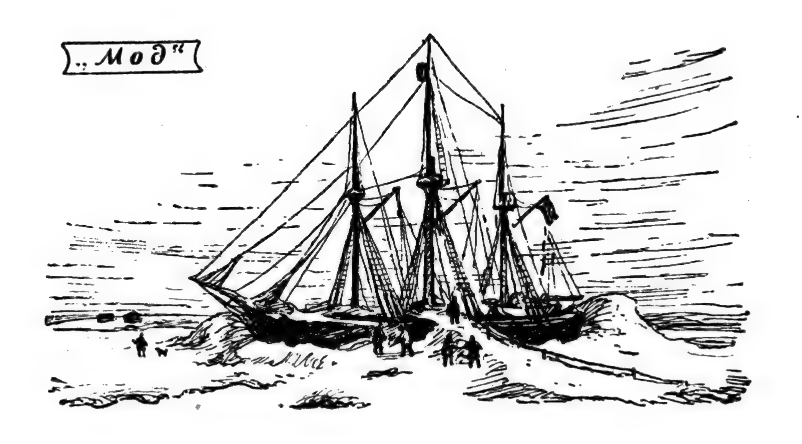
В 1914 — 1915 годах два русских судна — «Таймыр» и «Вайгач» — под командой капитана Вилькицкого прошли из Тихого океана в Белое море.

Русские проявили любознательность, храбрость, выносливость, изучая земли и моря своей родины. Это были бесстрашные путешественники и исследователи. Многие из них знали языки народов, обитавших на северных окраинах России, хорошо были знакомы с их бытом. Амундсен понимал, что для успеха дела ему понадобится опытный, знающий Север помощник. Среди русских моряков таких людей было немало.

С одним из них — Геннадием Олонкиным — Амундсен встретился в Югорском Шаре. Олонкин был радистом. Помимо родного русского языка и английского, он знал языки северных народов. Амундсен пригласил Олонкина принять участие в экспедиции. Через Олонкина он все время получал потом сообщения русских радиостанций.

Из Югорского Шара «Мод» пошла дальше в Карское море.

Начинался трудный и далекий путь по северо-восточному проходу вдоль северных берегов Азии.

ТРИ ЗИМОВКИ

Только трем экспедициям удалось до этого времени пройти северо-восточным проходом: первой экспедиции Норденшельда на «Веге» и «Лене»; второй — Нансена на «Фраме», и третьей — Вилькицкого и Толля на «Заре», «Таймыре» и «Вайгаче». Яхта «Мод» была седьмым кораблем, которому предстояло совершить этот путь.

Небольшая, отлично построенная и великолепно снаряженная, она, казалось, должна была пройти путь без больших затруднений.

Но... бывают годы сильных морозов, очень низкой среднегодовой температуры, и тогда плавание во льдах становится очень трудным. Полярники говорят: «тяжелые льды». Амундсен встретился именно с такими тяжелыми льдами.

Понадобился целый месяц, чтобы пройти Карское море.

1 сентября «Мод» подошла к острову Диксон. Тут были приняты на борт дополнительные запасы горючего, и яхта двинулась дальше. 9 сентября она миновала мыс Челюскин — самую северную точку Азии, а четыре

дня спустя у восточного берега Таймырского полуострова попала в непроходимые льды и остановилась. Местность малоподходящая для зимовки: плоский берег и рядом два небольших островка, едва возвышавшихся над уровнем океана. Никакой защиты ни от суровых ветров, ни от льдов. Однако выбора не было. Пришлось остановиться здесь, около этих небольших островков, в надежде, что они спасут яхту от напора льда.

Яхту поставили в ста пятидесяти метрах от берега, где участники экспедиции и решили построить два домика: один для собак и другой для обсерватории.

30 сентября оба домика были закончены, а когда наступили сильные холода и метели нанесли горы снега, экипаж принялся строить вокруг яхты снеговую и ледяную стены, чтобы защитить ее от суровых ветров. Стена была возведена вровень с палубой, в одном месте сделали пологий спуск с яхты на лед и вместо перил протянули канат.

Казалось, все обещало благополучную зимовку.

Как всегда на зимовках, Амундсен в определенный час выходил на прогулку, считая, что такая прогулка необходима для поддержания здоровья.

В одно октябрьское утро он вышел на палубу, где его встретила любимая собака. Амундсен взял ее на руки. В это время на него налетела другая собака, Якоб, и, ласкаясь, с такой силой толкнула его лапами в бок, что Амундсен полетел вниз головой с высоты более трех метров прямо на лед и почти потерял сознание от дикой боли. Вистинг бросился к Амундсену, поднял его, помог подняться на судно. Когда-то Вистинг обучался уходу за больными. Осмотрев Амундсена, он нашел у него перелом плеча. Боль была настолько острой, что Амундсен не выносил никакого прикосновения к плечу, однако Вистингу все же удалось прибинтовать руку к туловищу больного, и он заставил его пролежать восемь дней в постели.

Но люди сильной воли умеют побеждать боль. Это правило Амундсен внушал себе с детства. Через две недели он уже бродил с перевязанной рукой по палубе,

а еще через неделю стал спускаться на лед и совершать обычную ежедневную прогулку.

8 ноября он вышел на палубу рано утром, когда было еще темно. Ласково повизгивая, подбежал к нему Якоб. Вместе с ним Амундсен спустился на лед и остановился у носа яхты. Якоб весело побежал вперед и скрылся в полумраке. Вдруг Амундсен услышал какой-то свист. Это дышала мчавшаяся со всех ног собака. Вслед за ней из темноты вынырнула громадная белая медведица с медвежонком. Увидев человека, она остановилась и от удивления присела на лед, как раз возле спуска. Несколько мгновений Амундсен и медведица смотрели друг на друга. Никакого оружия при нем не было, да к тому же одна рука висела на перевязи. Он бросился бежать на палубу. Медведица одним скачком догнала его и тяжелым ударом лапы сбила с ног. В это мгновение на медведицу налетел Якоб. Медведица повернулась к нему, погналась за ним... Амундсен вскочил на ноги и вбежал в каюту.

«На этот раз гибель моя была совсем близка — ближе, чем когда-либо в моей жизни», — записал отважный путешественник в своих воспоминаниях об этом событии.

Медведица когтями оцарапала ему спину. Раны на спине были несерьезные, но в плече снова появилась резкая боль и рука висела как плеть. Он не мог держать карандаш.

По нескольку раз в день он садился на стул и, плотно прижавшись к спинке, левой рукой поднимал правую, больную руку вверх, сколько мог. Боль была невыносимая. Однако Амундсен упорно повторял упражнение раз за разом. Месяца через два он уже мог поднять правую руку до лица, а еще через некоторое время рука, по его собственным словам, «пришла в порядок». Только что же это был за «порядок»? Да, рука вполне действовала. Однако когда два года спустя в Сиэтле врачи сделали рентгеновский снимок плеча, они были чрезвычайно изумлены: плечо срослось совсем неправильно — рука не должна бы действовать. Тем не менее она действовала, двигалась, как вполне здоровая. Силой воли Амундсен заставил ее действовать.

Еще более поразительное самолечение Амундсен провел при другом несчастном случае.

В ту же зиму Амундсен делал как-то наблюдения в обсерватории. Горящая лампа начала выделять ядовитые газы. Увлеченный работой, Амундсен вначале ничего не замечал. Вдруг у него закружилась голова, сердце начало давать перебои. Почти теряя сознание, он успел все же выбраться из домика на свежий воздух. Ядовитые газы отравили его. Ужасное сердцебиение мучило его много дней. Он не мог даже подняться по трапу на палубу—такие острые боли ощущались в сердце.

И вот Амундсен начинает лечить свое сердце. «Если человек захочет переделать себя, он этого добьется», — это было для него законом. Он верил, что изумительные целительные силы заложены в самом человеке. Разве можно было ему забыть о том, каким слабым и хилым был он в детстве и юности? Значит, и сейчас можно было побороть болезнь.

Сначала Амундсен медленно ходил по каюте, приучая сердце к правильной работе. Через несколько недель он начал выходить на палубу. Потом на лед... В конце концов боли в сердце прекратились, оно окрепло и работало нормально.

В 1922 году, будучи в Лондоне, Амундсен зашел к специалисту по сердечным болезням. Тот сказал ему:

— Ваше сердце в таком состоянии, что вам надо прекратить всякую физическую работу, если вы хотите протянуть еще несколько лет.

А через девять месяцев после этого совета Амундсен совершил переход на лыжах с мыса Барроу до города Ном, делая по сто километров в день!

Расстояние между этими пунктами равнялось тысяче шестистам километрам!

Рассказывая об этих случаях из своей жизни, Амундсен вовсе не хотел посрамить медицину. Нет! Он относился к ней с уважением. Он только хотел показать, чего может достигнуть человек, если им руководит чувство долга.

Три несчастных случая — падение на лед, стычка с медведицей и отравление газом — сильно угнетали Амундсена на первой зимовке.

А тут еще суровая зима и не менее суровая весна. Льды не вскрывались дольше, чем обычно. Наконец пришло долгожданное лето. «Мод» была готова к дальнейшему плаванию. А льды все так же крепко держали ее в оковах. Вдали, за островами, океан уже вскрылся. Только тысяча метров отделяла яхту от вольной воды. И Амундсен невольно вспомнил свое сидение на «Бельгике» во льдах Антарктики и тот способ, с помощью которого «Бельгику» вырвали из оков.

Если там удалось вырваться, то удастся и здесь.

И экипаж «Мод» принялся за работу! Сам Амундсен и его спутники просверлили во льду по прямой линии от яхты до открытой воды пятьдесят скважин, заложили в них динамит и одновременно взорвали. Увы! Эффекта не получилось! Во льду не было заметно никаких трещин. Ледовая преграда оставалась такой же крепкой, как и до взрывов. Тем не менее Амундсен был убежден, что взрывы дадут свои результаты. По навигационным таблицам он установил, что уровень самой высокой воды должен наблюдаться в ночь на 12 сентября. Он надеялся, что вода в эту ночь поднимет лед, незаметные трещины вскроются, и «Мод» вырвется из оков.

Наконец наступила эта желанная ночь. Машины «Мод» были подготовлены к работе еще с вечера. Весь экипаж собрался на палубе. Удастся ли им вырваться? Вскроется ли ледяное поле? Вот вопросы, которые волновали всех. А ночь была изумительная. Амундсен никогда не видел такой красивой полярной ночи. Все сверкало в лунном свете. Белые медведи бродили по ледяным полям. И, споря с лунным светом, переливалось яркое северное сияние.

Вдруг в полной тишине послышалось потрескивание льда. Лед трещал как раз там, где взрывами была проложена дорожка. Вскоре появилась первая трещина, за ней вторая, третья. Лед начал ломаться на куски. Не теряя времени Амундсен, искусно лавируя между плавающими льдинами, вывел «Мод» в открытый океан.

Взяв курс на восток, «Мод» прошла пролив между Новосибирскими островами и материком. Восточнее

островов яхта снова наткнулась на сплошной лед, который потащил ее к югу. У западного берега острова Айон льды прекратили движение, и яхта осталась здесь на вторую зимовку.

Мыс Сердце-Камень

Это было 23 сентября 1919 года.

На этот раз плавание «Мод» продолжалось всего одиннадцать дней!.. И опять остановка на многие месяцы.

Нужно было огромное терпение, чтобы выдержать столь суровые удары природы.

Когда выяснилось, что «Мод» остановилась на вторую зимовку, матросы Тесем и Кнутсен решили покинуть судно, на лыжах пройти по льдам до острова Диксон и оттуда дальше к берегам Сибири. От стоянки «Мод» до Диксона было около девятисот километров.

Матросы взялись доставить в Норвегию научные материалы, уже добытые экспедицией. Хорошо снабженные продовольствием и одеждой, они отправились в тяжелый путь *.

Всю вторую зимовку Амундсен провел на борту яхты. Научные сотрудники во главе с доктором Свердрупом занимались обследованием ближних берегов Сибири, собирали этнографический материал среди чукчей. Чукчи пришли на остров, как только установилась зима. Экипаж «Мод» вступил с ними в самые тесные дружеские отношения.

Зима прошла тихо. Амундсен продолжал самолечение, — его сердце еще пошаливало.

На этот раз лед вскрылся уже в первых числах июля 1920 года, и яхта тут же двинулась на восток. Две недели спустя она обогнула мыс Дежнева и вышла в Берингов пролив.

---

* Лишь три года спустя русские охотники нашли в сибирской тундре трупы обоих матросов, погибших от голода и морозов.

Когда-то Амундсен пришел сюда с востока на «Йоа». И вот теперь он пришел с запада на «Мод».

Так он первый совершил кругосветное путешествие в северных полярных водах...

Через Берингов пролив путешественники направились к городу Ном. Нужно было пополнить запасы продовольствия и топлива. Кроме того, Амундсен хотел показаться врачу: рука и сердце продолжали его беспокоить.

В начале августа «Мод» прибыла в Ном. Четыре человека из экипажа захотели вернуться в Норвегию. На яхте остался совсем маленький экипаж: сам Амундсен, доктор Свердруп, Вистинг и Олонкин.

И все-таки, когда запасы были пополнены, Амундсен решил продолжать намеченную программу — вмерзнуть в лед восточнее Берингова пролива и дрейфовать через полярный бассейн.

Осенью 1920 года «Мод» вышла в море.

Через несколько дней встретились тяжелые льды. Яхту прижало к берегу возле мыса Сердце-Камень, льды сломали винт, и «Мод» остановилась на третью зимовку.

Всю зиму возле яхты жили чукчи, и у Амундсена завязалась с ними настоящая дружба. А когда весной вскрылся путь и яхта направилась в Сиэтль чиниться, пятеро чукчей охотно поступили на яхту матросами.

В конце августа «Мод» прибыла в Сиэтль и здесь стала на ремонт.

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

Ремонт яхты не мог быть окончен раньше чем через год. Передав яхту опытным мастерам, Амундсен уехал на родину, чтобы добыть денег на продолжение экспедиции. Сейчас, когда он стал знаменит, это уже не представляло больших трудностей. Двести тысяч крон ассигновало ему правительство, сто тридцать тысяч крон пожертвовали общества и частные лица. Это была достаточная сумма, чтобы снабдить экспедицию всем необходимым.

Перед самым отъездом он узнал, что один из самолетов новой конструкции поставил мировой рекорд продолжительности полета, продержавшись в воздухе двадцать семь часов. Это сообщение навело Амундсена на такую мысль: «А нельзя ли с помощью такого аэроплана перелететь от материка до материка через весь Ледовитый океан?»

И Амундсен решил купить этот самолет, доставить его на мыс Барроу и отсюда полететь через полюс на Шпицберген.

Он приобрел самолет и повез его в Сиэтль, где «Мод» готовилась к отплытию. Амундсен хотел уже

погрузить машину на яхту, чтобы она доставила самолет на мыс Барроу. Но нашлось другое судно, капитан которого согласился доставить Амундсена и летчика Омдаля с самолетом на мыс Барроу. А «Мод» пошла прямо на север, вмерзла в лед и в течение трех лет дрейфовала в Северном Ледовитом океане. Всего на яхте было восемь человек под командой Вистинга. Научную работу вели доктор Свердруп и молодой шведский ученый Мальмгрен.

Подготовка к полету велась в бухте Уэнрайт, недалеко от мыса Барроу, куда приехал Амундсен. Летчик Омдаль торопился закончить работу до зимы, но приготовления оказались очень сложными. Они еще не были закончены, как ударили морозы, и полеты пришлось отложить до весны. Вот тогда-то, 19 ноября 1922 года, Амундсен и совершил переход из Уэнрайта в Ном, пройдя тысячу шестьсот километров на лыжах. Он вернулся на мыс Барроу только в мае 1923 года. Омдаль ожидал его, уже готовый к полету.

Через несколько дней был устроен пробный полет. Полет прошел удачно, но при посадке одна лыжа самолета сломалась и было повреждено шасси. Омдаль поехал в Сиэтль за новыми деталями для машины. Амундсен остался в Уэнрайте. И здесь он получил телеграмму из Сиэтля от некоего Хаммера: «Приезжайте. У меня есть для вас три самолета». Амундсен немедленно отправился. Хаммер, оказавшийся корабельным маклером в Сиэтле, рассказал Амундсену, что он только что приехал из Германии, где беседовал с представителями фирмы Дорнье-Валь, и фирма соглашалась предоставить в распоряжение Амундсена три самолета на поплавках.

— У меня нет денег, — с сожалением сказал Амундсен.

Но Хаммер его успокоил: деньги можно легко достать. Он, Хаммер, отпечатает открытые письма на тончайшей бумаге, эти письма Амундсен возьмет с собой в полярный перелет, а затем Хаммер будет продавать их по дорогой цене любителям редкостей. Можно также попросить норвежское правительство выпустить особую марку, которую можно будет наклеивать на от-

крытки. Это даст много денег. Амундсен по своей непрактичности поверил в проекты Хаммера и выдал ему полную доверенность на ведение своих дел в Европе и Америке.

Хаммер оказался ловким мошенником. Он занимал деньги направо и налево, выдавая долговые обязательства от имени Амундсена. Когда мошенничество Хаммера обнаружилось, было уже поздно: Амундсен был опутан огромными долгами.

А тут еще и неудача с полетами. К новому проекту Амундсена перелететь через полюс на аэроплане многие в Европе и Америке относились недоверчиво. И когда полет не состоялся, кое-кто начал обвинять Амундсена в нерешительности. У него было немало завистников и тайных недругов. Они со злорадством говорили о его неудачах, обвиняли в недобросовестности, даже в нечестности, в авантюризме и мошеннических проделках. «Псы сорвались с цепей», — с глубокой горечью говорил Амундсен.

«После тридцати лет упорных трудов, направленных к достижению одной цели, после жизни, прожитой в строжайших понятиях о чести, мое имя начали трепать и топтать в грязь, поднятую всеми низкими сплетнями только потому, что я доверился недостойному человеку».

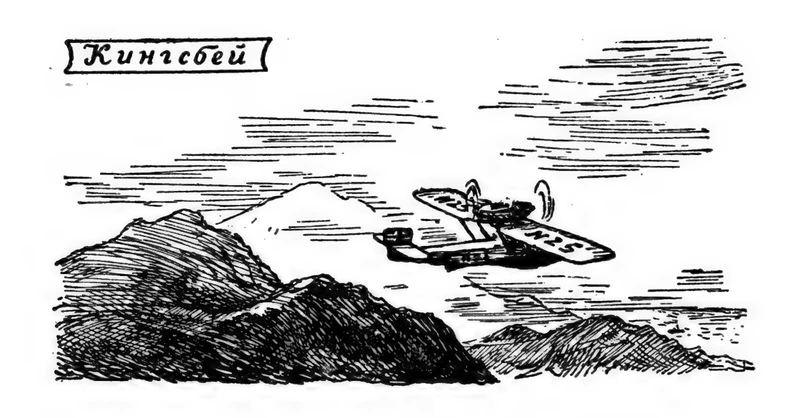
Таковы уж нравы буржуазного мира, в котором человек человеку — волк.

Надежды на помощь в организации новой экспедиции падали из месяца в месяц. Даже в Норвегии перестали интересоваться лекциями Амундсена и его статьями.

Тогда он поехал в Америку, чтобы прочесть там несколько лекций о своем новом замечательном плане.

Однако и в Америке его выступления не пользовались успехом. Сборы были ничтожны.

Амундсену показалось, что его карьера полярного исследователя кончена навсегда. И вот тут-то, в один из мрачных дней, пришла к нему неожиданная помощь.

НА САМОЛЕТАХ К ПОЛЮСУ

После очередной лекции, на которую пришло десятка полтора американцев, Амундсен в безнадежном настроении сидел в номере нью-йоркской гостиницы. Он понимал, что дело его провалилось, что нужно возвращаться на родину, где его — увы! — встретят совсем не так, как встречали прежде. Будущее было печальным и не сулило никакого просвета. Похоже было на то, что кончается не только карьера, но и жизнь.

Вдруг зазвонил телефон.

Амундсен поднял трубку и услышал незнакомый голос:

— Мистер Амундсен дома?

— Да, я у телефона, — мрачно сказал Амундсен, не ожидая от разговора ничего хорошего.

— Мы встречались с вами, мистер Амундсен, во Франции, во время войны. Вряд ли, конечно, вы меня помните. Я — Линкольн Эльсворт, ваш поклонник и почитатель. В полярных путешествиях я, правда, новичок, но очень ими интересуюсь и мог бы предоставить вам средства для новой экспедиции.

...Через полчаса Эльсворт был у Амундсена. Он

рассказал, что давно чувствует влечение к путешествиям по северу и добудет средства, если Амундсен возьмет его с собою в экспедицию.

Амундсен верил и не верил внезапному счастью. Огорчения минувших дней сняло как рукой.

— Для полета нам необходимы два больших самолета «Дорнье-Валь», — сказал он.

— Хорошо, — ответил Эльсворт. — Я куплю два самолета. Я готов сделать все.

В тот же вечер они наметили план экспедиции. Амундсен послал телеграммы в Норвегию своим друзьям — летчикам и механикам — и предложил им готовиться к полетам на Северный полюс.

А еще через три месяца, в начале мая 1925 года, Амундсен и Эльсворт уже были на острове Шпицберген, где их ожидали два самолета «Дорнье-Валь» N 24 и N 25, привезенные океанским пароходом. Для своего времени это были хорошие машины, с просторными кабинами. Они могли плавать по воде, скользить по льду и снегу. С гидропланами прибыли летчики Дитрихсон и Рисер-Ларсен, механики Омдаль и Фойхт. На этих людей, смелых, решительных, выносливых, Амундсен мог положиться, как на самого себя. С одним из них, Омдалем, ему уже приходилось летать в мае 1922 года, и он знал, что Омдаль обладает твердым характером, всегда спокоен, всегда находчив и ничто не может согнуть его.

Когда все собрались на Шпицбергене, откуда должен был начаться перелет, Амундсен на первом же совете предложил исследовать ледяные просторы как можно дальше к северу, вплоть до полюса. Что находится к северу от Шпицбергена? Море или суша? Этого еще никто из полярников не знал. И это нужно было выяснить точно.

В продолжение трех недель летчики приводили в порядок самолеты и богатое снаряжение; они забирали с собой полярные сани и складные лодки на случай, если придется спуститься на лед и пешком пробираться назад, к земле. Экспедиция располагала превосходной теплой одеждой, массой продовольствия. Нужды не было ни в чем.

С утра 21 мая дул легкий попутный ветер. Летчики и механики в последний раз проверили моторы, и в три часа дня все собрались у машин.

Из ближнего поселка Кингсбея пришли проводить их рабочие и инженеры угольных рудников. Путешественники облачились в тяжелые меховые одежды и начали размещаться по самолетам: Эльсворт, Дитрихсон и Омдаль летели на самолете N 24, Амундсен, Рисер-Ларсен и Фойхт — на самолете N 25.

Самолет N 25 двинулся в путь первым. Он быстро скользнул по льду днищем своей гондолы и поднялся в воздух. При подъеме лед кругом трещал, из трещин фонтанами била вода, но пилот Рисер-Ларсен знал свое дело: аппарат резким рывком оторвался от льда и понесся по воздуху.

Амундсен сидел в кабине для наблюдателя. Через большие зеркальные окна он видел Шпицберген как на ладони.

Почти весь остров был закрыт снегом и льдом. Только небольшие пятнышки земли и камней чернели на западном берегу. Далеко на востоке и на севере поднимались ледяные зубцы гор. Все было полно ледяного сверкания.

Они уже пролетели большое расстояние, как вдруг Амундсен обнаружил, что самолет N 24 исчез. Может быть, он не сумел оторваться от льда, остался на месте? Или, поднявшись в воздух, упал опять? Амундсен сделал знак, и Рисер-Ларсен повернул обратно. Нельзя было одному самолету лететь в такое рискованное путешествие. Но через несколько минут Амундсен заметил на пути полета какое-то сверкание, — это солнце играло на крыльях самолета N 24. Теперь машины летели на север, держась неподалеку друг от друга. Солнце все время ярко сияло. Поравнявшись с последним островом — Амстердамским, они попали в туман. Сперва туман налетал серыми холодными клочьями, потом стал гуще и плотнее. Амундсен потерял другой самолет из виду.

Рисер-Ларсен дал руль высоты, самолет поднялся над туманом. Снова показалось солнце. В стороне Амундсен вдруг увидел полное отражение самолета, ок-

руженное радужным ореолом. Так они и летели, самолет и его сияющая тень, отраженная на облаке. Иногда внизу туман разрывался, и Амундсен видел огромные ледяные поля. Льды, очевидно, находились в движении, между отдельными льдинами темнели трещины.

В восемь часов вечера туман внезапно начал редеть и в одно мгновение исчез. Огромная сверкающая поверхность открылась перед глазами летчиков. Это было гигантское ледяное поле. Спустившись пониже, летчики убедились, что садиться на такой «аэродром»—значит, разбить машину и самих себя. Кое-где льдины стояли, точно зубчатый забор. Гладкой площадки не было нигде. Время от времени попадались во льду черные трещины, похожие на небольшие извилистые ручьи. Нечего было и думать о посадке.

Все пока шло отлично: моторы работали, как часы, самолеты шли с быстротой ста пятидесяти километров в час. И небо было чистое и ясное.

Около десяти часов вечера на севере показалась тонкая пелена слоистых облаков. Она лежала высоко и нисколько не мешала летчикам. Амундсен все время напряженно вглядывался вперед и убеждался, что нигде и никогда еще не видел ничего более пустынного и унылого. Когда он проходил, бывало, по таким льдам, он встречал то чайку, то белого медведя или, наконец, видел какие-нибудь следы. А с самолета он не мог видеть ничего, кроме сверкающей белизной пустыни.

В полукилометре за ними на той же высоте шел самолет N 24.

Ровно в полночь самолеты достигли 87° северной широты. Еще триста километров с небольшим — и они будут над Северным полюсом.

Солнце высоко стояло на небе. Льды мрачно сверкали, и красноватые тени тянулись от ледяных заборов.

В начале второго часа открылось первое свободное от льда пространство. Оно походило на большое озеро, в которое со всех сторон впадали короткие реки с широкими устьями.

И в это время механик Фойхт крикнул пилоту:

— Половина бензина израсходована!

Пилот закричал Амундсену:

— Половина бензина израсходована! Нужно прекращать полет.

Амундсен подал знак спускаться.

Самолет широкими кругами пошел на снижение. Большое озеро, замеченное летчиками, было еще довольно далеко, как вдруг мотор закапризничал, и летчик принужден был перевести машину на посадку.

Со страшной быстротой самолет пошел вниз, в ближайшее разводье, где плавало множество мелких льдин. Они с грохотом застучали о борта лодки самолета. Снег, лежавший на льдинах, поднялся вихрем. И сквозь эту пургу Амундсен увидел, что они несутся навстречу смерти. Прямо на пути самолета торчал ропак — ледяная стена, о которую они неминуемо должны были разбиться. Впервые за все время полета Амундсену стало жарко.

Но движение машины понемногу замедлялось — возможно, что роль своеобразных тормозов сыграли льдины, угрожающе барабанившие по бортам лодки. Еще несколько секунд — и самолет уперся носом в толстую льдину. Амундсен открыл кабину и сошел на лед. За ним вышли пилот и механик. Было холодно, густым слоем лежало на воде сало.

Сало и мелкий лед быстро и крепко примерзли к бортам самолета. Летчики повертывали самолет направо, налево, раскачивали его, пытаясь втащить на льдину, но аппарат был слишком тяжел. Вконец измученные, они начали выносить из него провиант и снаряжение, укладывая все прямо на лед. Если аэроплан окончательно будет затерт, то хоть пища и сани останутся у них.

Лед кругом был взломан. Кое-где он лежал холмами.

Амундсен взобрался на ледяной холм и долго смотрел в бинокль. Он искал самолет N 24. Однако нигде не мог его обнаружить. Неужели он разбился при посадке? Ведь он должен был сесть где-то рядом. Вдруг Амундсену послышался выстрел. Но, может быть, это треснул лед?

Скрывая тревогу, Амундсен вернулся к своим товарищам.

Все были измучены вконец. Нужно было отдохнуть. Забравшись в самолет, они зажгли грелки, влезли в теплые спальные мешки и заснули. Через два часа все опять были на ногах. Амундсен заметил, что канал за это короткое время сузился. В любой момент он мог совсем закрыться. Требовалось немедленно вытащить машину на крепкий лед. Для троих людей эта работа была непосильна. Легче было перевести машину по воде в безопасное место. Такое место было недалеко — метрах в пятидесяти. Там узкий и опасный канал расширялся в целый залив. Однако проход в залив закрывала большая льдина. А как убрать эту льдину? У летчиков не было ни кирки, ни лопаты — только маленький топорик, три финских ножа да небольшой якорь.

И они, не раздумывая долго, принялись за работу. Десять часов подряд они скалывали с льдины небольшие куски и на руках относили их в сторону. Работа шла очень медленно. Время от времени Амундсен с биноклем в руках взбирался на верхнюю часть машины, надеясь увидеть второй самолет. Когда он спускался вниз, Рисер-Ларсен и Фойхт пытливо смотрели на него. Амундсен коротко отвечал:

— Нет!

И все трое ожесточенно продолжали колоть лед, чтобы работой заглушить тревогу. Через пятнадцать часов льдина была убрана. Прикрепив к крыльям самолета длинные веревки, летчики перевели его из канала в залив. Теперь машина была как будто в безопасности, но ее ждала новая беда: самолет начал быстро обмерзать и стал так тяжел, что трое людей с трудом могли его раскачать, хотя он стоял на свободной воде.

— Должно быть, придется назад пойти пешком, — проворчал Амундсен.

— До какого места? — спросил Рисер-Ларсен.

— Мы пройдем до мыса Колумбия. У нас есть сани, есть продовольствие, и, если считать по килограмму в день на человека, нам хватит его на целый месяц.

— Надо все же попытаться вытащить машину, — сказал Ларсен, который не пришел в восторг от предложенной прогулки до мыса Колумбия.

— Легко сказать, а как это сделать?

— Мы устроим ледяной скат и по скату втащим машину.

Они обошли залив, выискивая место для ската. Подходящее место было скоро найдено, и летчики приступили к работе.

Амундсен решил еще раз осмотреть окрестность, не видно ли самолета N 24. Едва он поднес бинокль к глазам, как ясно увидел машину километрах в пяти по другую сторону озера.

Немного левее была разбита палатка, а еще дальше, на ледяном холме, развевался флаг.

Амундсен закричал:

— Я вижу самолет!

Рисер-Ларсен и Фойхт подбежали к нему. Да, самолет был виден ясно. Фойхт притащил флаг и замахал им. Амундсен в бинокль наблюдал, заметят ли Эльсворт или его спутники флаг.

Сначала никакого движения у другого самолета не было. Но вот там кто-то бросился к флагу, поднял его и начал махать. Это был летчик Дитрихсон. Он сигналил по азбуке Морзе:

«Наш самолет получил течь. Гондола дала трещину еще при взлете. Пытаемся вытащить машину на лед».

Он хотел передать еще что-то, но в это время сгустился туман, и связь прервалась. Амундсен и его товарищи опять с большой энергией принялись за работу. Когда туман рассеялся, Амундсен с биноклем опять забрался на верх машины и заметил, что люди у самолета N 24 торопливо бегают вокруг него и что-то с ним делают. Потом он увидел, как Эльсворт и два его товарища стали на лыжи, вскинули на спину огромные тюки и пустились по направлению к лагерю Амундсена.

— Они идут к нам! — закричал Амундсен.

С волнением продолжал он следить за ними в бинокль. Три черные точки двигались по льду. Видно было, что их тяготит большой груз. Сначала они шли прямо, но, встретив на своем пути небольшой проливчик, не могли через него пробраться. Тогда Амундсен и Ларсен взяли брезентовую лодку и отправились встречать товарищей. Ларсен сел в лодку, переехал через проливчик. Трое путников уже были у самого края льдины, как вдруг льдина подломилась. Дитрихсон и Омдаль упали в воду. Эльсворт бросился к ним на помощь и одного за другим вытащил на лед. Ларсен перевез их через пролив, и все бегом бросились к самолету N 25. Дитрихсон и Омдаль сменили мокрое белье и, чтобы согреться, выпили по чашке спирта. Это приключение — купанье в ледяной ванне — не погасило их радости. Все шестеро опять были вместе!

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

После того как Дитрихсон и Омдаль обогрелись, Амундсен устроил совет: как быть? Все понимали, в какое тяжелое положение они попали. План выхода из этого положения был составлен быстро: нужно расчистить дорожку для взлета, выбросить из самолета все лишнее и пуститься в обратный путь. Самолет мог поднять всех шестерых. Дорожка для взлета требовалась в пятьсот метров длины и двенадцать ширины. На всем льду лежал толстый, почти метровый слой снега. Помимо уборки снега, надо было еще выровнять лед, сколов толстые ледяные торосы, образовавшиеся на стыках отдельных крупных льдин. Самые большие опасения вызывало то обстоятельство, что лед беспрестанно двигался.

Работа предстояла большая и трудная. От быстрого выполнения ее зависела жизнь. И как только окончилось короткое совещание, все шестеро, подбадривая друг друга, быстро сделали скат и вытащили самолет на крепкую, толстую льдину.

Измерив глубину океана, путешественники выяс-

нили, что она равнялась почти четырем километрам. Это значило, что поблизости нет никакой земли.

Шли уже пятые сутки со времени отлета со Шпицбергена. Солнце светило ярко, но температура все же держалась на 10 градусах мороза. Передвигающиеся льды подтащили ближе самолет N 24. Дитрихсон, Эльсворт, Фойхт и Омдаль пошли к нему и привезли на салазках бочку с бензином и все продовольствие. Весь следующий день путешественники готовили дорожку для взлета. Сначала дело не ладилось. Едва они очистили от снега метров двадцать, как лед передвинулся и возле самого самолета появились трещины.

Чуть поодаль, в направлении строящейся дорожки, льды сжались и подняли вверх большую льдину, которая встала крепкой стеной. Путь был закрыт. Вся проделанная работа пропала.

Дитрихсон предложил перетащить самолет к краю полярного озера. Вода в нем замерзла, образовался свежий гладкий лед. Если он выдержит тяжелую машину, то с него можно взлететь. Решили попытать счастья. Рисер-Ларсен занял место пилота. Фойхт залез в помещение для мотора, а остальные четверо толкали самолет по указанию Рисер-Ларсена.

Но едва машина сползла на тонкий лед, как он провалился и опять пришлось вытаскивать самолет на старую льдину. Все были измучены работой и решили немного передохнуть. А льды кругом беспрестанно двигались, и самолету все время угрожала опасность. Механик Фойхт остался на часах, остальные забрались в машину и заснули.

Льды угрожающе потрескивали. Погода начала портиться. Временами срывался ветер. Вдруг всех разбудил крик Фойхта:

— Скорей вставайте! Лед напирает!

Все быстро выскочили из машины. Страшное зрелище представилось их глазам: с трех сторон на самолет наползали льдины. С большим усилием люди потащили самолет в сторону, где, казалось, будет безопасно. Действительно, через несколько минут машина стояла на сравнительно спокойной площадке. Но мож-

но было прийти в отчаяние от того, что творилось вокруг: лед трещал и ломался, в нем образовалось множество трещин. Снег, гонимый сильным ветром, слепил глаза. Казалось, никакой дорожки сделать уже невозможно. Нужно было искать новую льдину, пригодную для взлета.

Они двинулись на поиски. В четырехстах метрах от самолета лежала большая и прочная на вид льдина, лишь кое-где покрытая мелкими льдинками. Они перетащили самолет на новое место и начали прокладывать дорожку для взлета.

А ветер все свистел и выл. Мелкие льдины лезли на ледяное поле и грозили опять разрушить дорожку.

Буря продолжалась часов десять подряд. Однако толстый старый лед выдержал.

Немного передохнув, все снова принялись за работу. Никто не был уверен, что им удастся довести ее до конца: слишком уж ненадежна была погода. Несколько раз Амундсен решал про себя, что лучше всего было бы, пожалуй, не тратить сил и времени, а сразу же направиться пешком к югу. Но он ничего не говорил товарищам. Все работали с ожесточением. Так как инструментов не хватало, то Омдаль приспособил штатив от кинематографического аппарата и работал им, как ломом, а Дитрихсон вооружился алюминиевой штангой. Дорожка для взлета медленно удлинялась.

На второй день и эта льдина дала трещины.

Тогда Амундсен и Омдаль стали возить снег на санях и забивать им трещины. Одна из трещин была так широка, что забить ее снегом было невозможно. С невероятными усилиями все шестеро притащили большую льдину и устроили из нее мост. Они работали изо всех сил, а их питание было очень скудно: каждый получал в сутки только двести пятьдесят граммов пищи.

8 июня вдруг наполз сильный туман, а с ним пришла и оттепель. Снег начал таять. Это сразу же свело на нет всю работу. Самолет не мог бы подняться по рыхлому снегу. Нужно было дорываться до твердого льда.

Все это могло привести в отчаяние любого, но не Амундсена и его друзей. Они начали всю работу сызнова, и через трое суток половина дорожки была готова. Омдаль заметил, что если снег утаптывать, то он становится твердым и даже при легком морозе превращается в прекрасную поверхность. Тогда решили остальную часть дорожки не расчищать от снега, а просто утоптать ее.

Уже шли восемнадцатые сутки, как они бились за жизнь. Пища приходила к концу. Было ясно: если через два дня они не улетят, то погибнут от голода.

К счастью, подготовка дорожки близилась к концу: отлет был назначен на 15 июня. Вечером накануне они выбросили из машины все лишнее. Оставили только бензин и масло на восемь летных часов, брезентовую лодку, два ружья, двести патронов, шесть спальных мешков, палатку и продовольствие. Выброшены были даже лишняя одежда и обувь.

Наступил, наконец, час отлета. Небо было совершенно ясное. Термометр показывал только 3 градуса ниже нуля. Но и такого мороза оказалось достаточно, чтобы поверхность снежного аэродрома покрылась твердым настом.

Ларсен пустил в ход моторы, чтобы они разогрелись, а остальные члены экспедиции пробежали вдоль всей взлетной дорожки, разбрасывая по обе ее стороны темные предметы, чтобы летчик лучше видел путь. Так они бросили лыжи, обрывки палатки, одежду.

Наконец все забрались в машину. На месте пилота сидел Рисер-Ларсен. Позади него — Дитрихсон и Амундсен, в кают-компании расположился Эльсворт, а оба механика устроились в помещении для бензина. Наступил решительный момент: взлетит самолет или нет? Ларсен пустил машину в ход.

Аэроплан медленно заскользил по дорожке: его швыряло из стороны в сторону. Машина дрожала и стонала. Похоже было на то, что она вот-вот рассыплется на части. Но вдруг грохот прекратился. Слышен был только рев мотора. Самолет оторвался от льдины и начал набирать высоту. Все закричали «ура». Через пять минут они уже быстро неслись к югу. Сверху

льды казались спокойными и безобидными. Казалось, что они летят с бешеной скоростью, потому что Рисер-Ларсен вел машину на высоте каких-нибудь пятидесяти метров. Нигде не было видно ни капли воды — только искромсанный торосистый лед.

Часа через три самолет вошел в густой туман, — тогда пилот поднялся на высоту в двести метров, и туман остался внизу. Прошел еще час, туман исчез. Под самолетом снова открылись бесконечные ледяные просторы. Теперь в белых просторах темнели кое-где полыньи и большие озера с плавающими мелкими льдинами. Однако земли нигде не было.

Семь часов самолет с предельной скоростью несся на юг. С минуты на минуту должен был показаться Шпицберген. На пути встретились тучи. Самолет полетел вслепую. Потом огромная туча разорвалась, поползла в стороны, и вдали показалась высокая сверкающая горная вершина. Это был Шпицберген! У северного берега его виднелось семь небольших островов, возле которых лежала темная полоса воды. Десять минут спустя они уже летели над открытым океаном.

Со стороны Шпицбергена дул сильный ветер, по морю ходили большие волны. Сесть на воду при такой волне было опасно. Вдруг пилот сделал какой-то знак, указывая на рули. Рули не действовали. Он вынужден был сесть немедленно.

Через несколько минут самолет уже качался на волнах. Волны били в его бока, захлестывали кабину, перелетали через крылья, а ветер гнал к земле, прямо к береговому льду.

Едва только машину прибило к берегу, как Амундсен, Дитрихсон, а за ними и все остальные вылезли из машины, оттянув ее подальше от воды. Это было

спасенье. Яркое солнце заливало лежавшие на берегу огромные камни. Кое-где между камнями зеленел свежий мох. Вода журчала, сбегая с горных склонов. Над берегом летали чайки и кайры — здесь уже была жизнь. Летчики весело скакали по большим камням, будто превратились в детей, — так велика была их радость.

Всего лишь восемь часов назад они были в ледяной пустыне, а сейчас стояли на твердой земле.

И для Амундсена стало совершенно ясно, что именно самолет покорит Арктику.

На берегу лежал плавучий лес, принесенный сюда течениями с далеких сибирских берегов. Путешественники развели большой костер. Омдаль принялся стряпать обед — только сейчас все почувствовали зверский голод. Вдруг они услышали крик Ларсена:

— Смотрите! Смотрите! Судно!

Из-за ближайшего мыса плавно вышел маленький рыбачий куттер. Он держал курс в море. Экипаж куттера не замечал ни самолета возле острова, ни людей. Куттер шел довольно быстро и вот-вот должен был скрыться за выступом острова.

Что сделать, чтобы задержать его?

Рисер-Ларсен закричал:

— Скорее в самолет! Мы его догоним!

В одну минуту все были в самолете, с ревом и свистом самолет понесся вдогонку за куттером.

Погоня длилась несколько минут.

Это было норвежское судно «Морская жизнь». Судно остановилось, с него был спущен ялик, и два рыбака подплыли к самолету. С удивлением они рассматривали бородатых людей, выглядывавших из окон кабины.

Вдруг один из рыбаков крикнул:

— Это Амундсен!

Бородатые люди радостно улыбались и размахивали руками.

— Спросите капитана, не отбуксирует ли он нас до Шпицбергена? — спросил Амундсен. — Сами мы не доберемся. У нас почти кончился бензин.

Капитан согласился немедленно. Да и кто мог от-

казать человеку, которого уже считали погибшим? Капитан был счастлив оказать помощь великому соотечественнику и доставить путешественников и самолет в Кингсбей.

Только когда шестеро отважных перешли на борт «Морской жизни», они впервые почувствовали, что экспедиция закончена. Молча и внешне спокойно протянули они друг другу руки и взглянули в глаза. За эти три недели каждый из них мысленно уже приготовился к смерти. И вот опять жизнь...

Они спустились вниз, в каюту, которую экипаж куттера передал в их полное распоряжение, и расположились на широких койках. Тотчас же появились кофе, яичница, тюлений бифштекс. Кончились голодные дни.

«Морская жизнь», взяв на буксир самолет, пошла к Кингсбею. Двигалась она медленно, так как самолет тормозил движение. Через несколько часов разыгрался шторм. Пришлось идти к берегу.

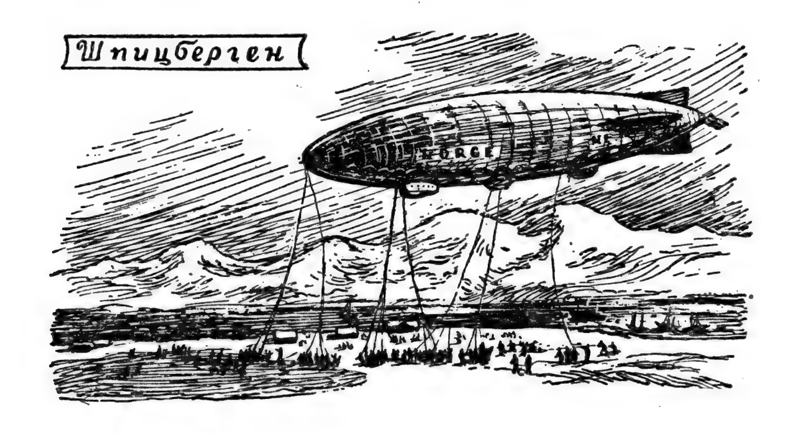
В одной из бухт, защищенной от ветра скалами, самолет причалил к камням, и освобожденное судно пошло полным ходом.

17 июня «Морская жизнь» вошла в порт Кингсбея. Здесь стояли два судна, а на берегу возле двух самолетов суетились люди. Амундсен и его спутники удивились: что это за суда? Что за самолеты? Откуда они?

Едва «Морская жизнь» подошла к берегу, во всем порту началась суматоха. Люди смеялись, плакали, ощупывали Амундсена: не верили своим глазам.

— Неужели это вы? — спрашивали они и наперебой рассказывали о том, как ждали и как готовились искать их. Для этого-то сюда и пришли два судна с самолетами.

— Мы уже думали, что вы не вернетесь...

НА ДИРИЖАБЛЕ ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Казалось бы, этот опасный полет к полюсу должен был охладить пыл Амундсена к дальнейшим путешествиям.

И все-таки уже на Шпицбергене он задумал новую экспедицию.

На пароходе, который вез экспедицию из Кингсбея на родину, в Норвегию, между Амундсеном и корреспондентом норвежской газеты произошел следующий разговор:

— Ну как, капитан, теперь вы сложите свои весла навсегда?

— О нет! — спокойно ответил Амундсен. — В будущем году мы снова отправимся в арктическое путешествие. Но уже не на самолете, а на дирижабле.

— Так, так, — сказал журналист. — Вы будете участвовать в экспедиции доктора Эккенера? Я слышал, что он собирается в арктический полет.

— Нет. Всю жизнь моим величайшим желанием было повсюду пронести норвежский флаг. Я не летал под флагами других стран.

Неугомонный путешественник начал разрабатывать идею полета на дирижабле еще на палубе шхуны «Морская жизнь».

Вернувшись на родину, Амундсен вместе с Эльсвортом написал книгу «По воздуху до 88° северной широты». Книга имела огромный успех. Затем он прочитал в Америке и в Европе свыше ста докладов. Доход от книги, докладов и демонстрации кинофильмов дал ему пятьсот тысяч крон. Такая значительная сумма могла обеспечить быстрое и богатое снаряжение экспедиции.

Эльсворт с огромным увлечением принял участие в подготовке новой экспедиции. На этот раз Амундсен решил лететь через Северный полюс от Шпицбергена до мыса Барроу и дальше до города Ном.

Амундсен был убежден, что именно дирижабль будет самым подходящим воздушным кораблем для такого далекого и опасного путешествия.

Еще перед своим первым полетом Амундсен слыхал, что итальянское правительство продает военный дирижабль. Посоветовавшись с Эльсвортом, он решил купить его. Вдвоем они поехали в Рим, осмотрели и испробовали дирижабль. Он оказался вполне пригодным для далекого полета. Они уплатили за него семьдесят пять тысяч долларов и пригласили конструктора дирижабля инженера Нобиле участвовать в перелете в качестве капитана.

В торжественной обстановке с дирижабля был снят итальянский флаг и поднят норвежский. Воздушному кораблю было дано имя «Норге», что значит Норвегия.

Кроме Нобиле, они пригласили еще пятерых итальянцев механиков, много раз летавших на этом дирижабле. Все остальные участники экспедиции, за исключением американца Эльсворта, были норвежцы. Пилотом был Рисер-Ларсен, а главным механиком Омдаль.

«Норге» пролетел над всей Европой, сделав только две остановки — в Германии и в СССР, под Ленинградом. Отсюда дирижабль уже прямым путем полетел на Шпицберген. Эльсворт и Амундсен ждали

его здесь. Они прибыли сюда на корабле и следили за постройкой ангара — все в том же Кингсбее.

Дирижабль прибыл на Шпицберген 7 мая. Всю дорогу он держал радиосвязь со Шпицбергеном, Амундсен и Эльсворт по нескольку раз в день получали вести с борта дирижабля. Полет протекал спокойно.

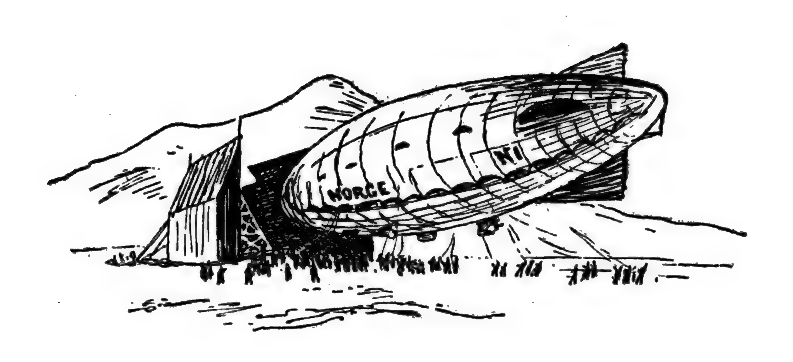
И за время недолгого ожидания Амундсен не раз думал о том, какой гигантский скачок сделала в последнее время наука и как быстро совершенствуется техника. Еще совсем недавно к полярным экспедициям готовились годами. Долгие месяцы надо было проводить на зимовках, выжидая благоприятного дня, чтобы начать изучение района полюса; много времени требовалось на то, чтобы добраться до полюса на собаках. И как только судно покидало родной порт, оно тут же отрывалось от мира, и никто не знал о путешественниках до того часа, как они или их корабль возвращались. А теперь вот радиограмма предупредила: «Приближаемся к Шпицбергену». И навстречу дирижаблю вышли все: рабочие угольных копей, матросы и рыбаки с немногих судов, стоявших в заливе.

Вот дирижабль показался на горизонте серебристой точкой.

Он шел на большой высоте со скоростью ста двадцати километров в час. Достигнув Кингсбея, он покружился над гаванью и пошел на снижение. Все увидели, как громаден этот воздушный корабль, похожий на сказочное чудовище.

Длинные тросы были сброшены с дирижабля, и на тросах он был введен в ангар.

Для снаряжения к полету на полюс и дальше через полюс к мысу Барроу понадобилось только три дня. Вдруг на Шпицберген в ту же самую гавань прибыл корабль с двумя самолетами. Американский летчик Ричард Бэрд также хотел лететь к полюсу. В течение суток он привел в готовность свой самолет и, не взяв с собой ни продовольствия, ни теплой одежды, лишь с одним летчиком — норвежцем Беннетом — полетел на полюс. Шестнадцать часов спустя они возвратились в Кингсбей. Самолет достиг полюса!

Но полет Бэрда был спортивным, а не научным. Стоило ли ради этого рисковать жизнью? Если бы с его самолетом случилась какая-нибудь авария и он вынужден был спуститься на лед, как пришлось спуститься самолетам Амундсена, Бэрд и его спутник непременно погибли бы от голода и холода. Но сейчас Бэрд и Беннет сияли от счастья. Они были первыми людьми, которые достигли полюса воздушным путем. И об этом говорили в тот же день газеты всего мира.

Амундсен не любил путешествовать налегке, он не любил рисковать безрассудно. Из каждого путешествия он привозил множество научных данных, и спортивный полет Бэрда нисколько не охладил его желания лететь на полюс и дальше через Ледовитый океан к Аляске.

В 8 часов 50 минут 11 мая 1926 года «Норге» отправился в свое историческое путешествие. Через полчаса горы Шпицбергена скрылись из глаз путешественников. Дирижабль понесся над ледяными просторами, прорезанными кое-где темными полосками воды.

Погода была превосходная: яркое солнце, небольшой ветер, хорошая видимость до горизонта. И всюду путешественники видели только бескрайную ледяную пустыню.

Дирижабль под командою Нобиле вел пилот Рисер-Ларсен. Амундсен занимался географическими наблюдениями. Группа научных работников следила за многочисленными приборами, определяла каждые полчаса местонахождение дирижабля. Кинооператор снимал на пленку все события этого перелета.

12 мая в 1 час 25 минут «Норге» достиг полюса. Ледяная пустыня простиралась и здесь. Повсюду был виден только лед, изборожденный трещинами. Дирижабль стал медленно спускаться, кружась над полюсом.

Амундсен, Эльсворт и Нобиле открыли окно кабины и сбросили флаги. Амундсен первый сбросил норвежский флаг, за ним Эльсворт — флаг американский и Нобиле — итальянский. На лед был спущен также пакет с грамотой на пергаменте.

Сделав несколько кругов, дирижабль полетел к берегам Америки. Погода испортилась. Подул ветер. Полосами пошел туман. Временами дирижабль летел вслепую. Но приборы показывали точное направление — на юг.

Через семьдесят пять часов после вылета со Шпицбергена вдали показались темные горы. Это был мыс Барроу на северном берегу Америки.

Амундсен жадными глазами впивался в картину, развертывавшуюся перед ним. Вот мыс Барроу, мимо которого когда-то прошла «Йоа». Вот Уэнрайт, где Амундсен провел столько месяцев с Омдалем...

Амундсен мысленно пробегал свою жизнь. Как много сделано! Он первый совершил сквозное плавание северо-западным морским путем. Он первый обогнул все побережье Северного Ледовитого океана вдоль берегов Америки, Европы и Азии, совершив, так сказать, кругосветное плавание в Арктике. Он первый достиг Южного полюса. Он первый совершил длительный полет в Арктику на аэроплане. И вот теперь он пролетел на воздушном корабле над Северным полюсом и пересек всю область полярного бассейна от берегов Европы до берегов Америки.

А между тем одного только из этих многочисленных подвигов было бы достаточно, чтобы прославить его имя в веках.

Рядом с ним во время этого полета находился его друг Вистинг. Они вместе побывали на Южном полюсе и вот теперь пролетали над Северным.

Дирижабль, дойдя до мыса Барроу, вдоль берега направился к югу и дальше над берегом Берингова

пролива. Море было свободно от льда. Вдруг с Охотского моря повалил густой туман, закрыл землю. Экипаж потерял ориентировку, и дирижабль ветром начало относить в сторону.

В разрывах тумана время от времени показывалась земля. Дирижабль повернул на восток, стараясь как можно скорее выбраться из тумана. Однако туман будто преследовал воздушный корабль. Рисер-Ларсен никак не мог отделаться от этого спутника. Так бродили они в продолжение целых суток.

Потом ветер унес туман, и вдали, на берегу Аляски, путешественники увидели незнакомое селение. Оно лежало в глубокой бухте.

Тотчас был отдан приказ к спуску. Замедляя полет, дирижабль постепенно подходил к селению. Ветра совсем не было, и спуск прошел блестяще.

Жители со всего селения сбежались к дирижаблю. Они ухватились за канаты, выброшенные с дирижабля, и подтянули его к земле.

Первым из гондолы вышел Амундсен. Его узнали и радостно закричали: «Здравствуйте, капитан Амундсен!» Даже здесь, в этом далеком селении, он был популярен.

Все поздравляли летчиков с прибытием в Теллер, так называлось это селение, лежавшее в ста пятидесяти километрах к северо-западу от самого северного города Америки — Нома.

Амундсен на корабле поехал в Ном. Отсюда и была отправлена первая телеграмма о благополучном окончании смелой экспедиции.

Шпицберген

СЛАВНАЯ СМЕРТЬ

Полетом на Северный полюс Амундсен решил закончить свои полярные исследования. Он сделал все, о чем мечтал!

Остаток своей жизни он хотел посвятить науке. Он поселился в окрестностях Христиании, переименованной теперь в Осло*, и здесь, в тишине, начал работать над теми материалами, которые собрал во время путешествий.

Жил он очень скромно, будто отшельник: сам убирал дом, варил себе обед, стирал белье. Дорожа временем, он почти нигде не бывал, и только близкие друзья изредка навещали его. А работать ему приходилось чрезвычайно много. Старые долги, которыми опутал его

* Осло — один из древнейших городов Норвегии — основан в начале XI века. В 1624 году он был почти полностью уничтожен пожаром. По приказу короля Христиана IV столицу начали строить на новом месте и назвали Христианией. В 1924 году, во время празднования 300-летнего юбилея города, стортинг постановил возвратить столице ее древнее наименование — Осло.

мошенник Хаммер, тяготили Амундсена, и он прилагал все усилия, чтобы от них освободиться.

Однако эта тихая, замкнутая жизнь продолжалась недолго.

Весной 1928 года в газетах появилось сообщение о том, что инженер Нобиле решил повторить полет к Северному полюсу на вновь сконструированном дирижабле «Италия». На этот раз весь экипаж состоял из итальянцев. Только два иностранца были приглашены участвовать в итальянской экспедиции: швед Мальмгрен — ученый-метеоролог, уже летавший с Амундсеном на дирижабле «Норге», и чешский профессор Бегунек.

Дирижабль «Италия» отправлялся в полет из того же селения Кингсбей на острове Шпицберген.

Вначале Нобиле пытался пробраться до острова Северная Земля, но заблудился в тумане и вернулся на Шпицберген.

Через два дня он снова пустился в путь. На этот раз дирижабль благополучно достиг Северного полюса и кружился над ним в продолжение двух часов. Все это время на дирижабле играли итальянский гимн. На полюс было сброшено множество итальянских флагов.

Конечно, эта экспедиция почти не имела научного значения. Это была своего рода авантюра, устроенная с благословения тогдашнего итальянского диктатора Муссолини, затея опасная и бессмысленная.

После всех «торжественных церемоний», совершенных над полюсом, дирижабль повернул назад, к Шпицбергену.

Нобиле все время сообщал по радио о ходе перелета. Полет протекал благополучно. Воздушный корабль уже находился в ста десяти километрах от Шпицбергена, как вдруг подул страшный ветер. Густой туман окутал океан, и дирижабль начал покрываться льдом. С каждой минутой он тяжелел и терял высоту. Чтобы облегчить его, итальянцы сбросили на лед продовольствие, оружие, одежду. Ничего не помогало. Дирижабль продолжал снижаться, он несся совсем низко над океаном.

Никто не видел поверхности воды. Густой и плотный

туман затянул все вокруг. «Италия» летела вслепую и внезапно наткнулась на айсберг. Раздался страшный треск. Одна из гондол, в которой находились конструктор Нобиле и с ним девять человек экипажа, оторвалась и упала, а облегченный дирижабль с другой гондолой взмыл вверх, и ветер понес его на юго-восток. В этой гондоле было шесть человек.

Когда потерпевшие крушение пришли в себя, оказалось, что при падении гондолы разбился насмерть только один человек — моторист дирижабля. У Нобиле была сломана рука. Механик Чичиони сильно повредил себе ногу, а Мальмгрен вывихнул руку. Остальные же остались невредимы.

Оказав первую помощь раненым, они стали собирать вещи, выпавшие из гондолы при катастрофе, а также выброшенные раньше. К счастью, найдено было и продовольствие, и оружие, и даже радиоаппарат.

С большим трудом радисту Биаджи удалось починить радиоаппарат и наладить прием. Было слышно, как ищут «Италию», как запрашивают ее, почему она молчит. Что случилось? Биаджи мог только слушать. Передаточное устройство сломалось, и никаких ответных сигналов он послать не мог.

Итальянцы с трудом переносили холод и быстро пришли в отчаяние. Они понимали, что добраться пешком до Шпицбергена им не удастся. У них не было ни саней, ни даже хорошей обуви. Кроме того, раненые двигались с трудом, а Чичиони и вовсе не мог ходить. Не растерялся только Мальмгрен. Он помнил постоянную поговорку Амундсена: «Бодрость потерять — все потерять». И хотя у него болела вывихнутая рука, он предложил идти пешком трем или четырем людям, а остальным ждать помощи на льдине. С Мальмгреном пошли два итальянца — Цаппи и Мариано.

Они ушли, а через неделю после их ухода Биаджи исправил радиоаппарат и стал посылать в эфир сигналы бедствия.

Сигналы о помощи услышал советский радиолюбитель Шмидт, потом их приняли и на итальянском корабле «Читта ди Милано», стоявшем у Шпицбергена.

Радиосвязь с погибающим экипажем была налаже-

на. На спасение двинулись суда разных стран: итальянское, норвежское, три советских ледокола — «Красин», «Малыгин», «Седов», и шведский и французский крейсеры, норвежский броненосец и другие суда, поменьше.

Амундсен внимательно следил за спасательными работами.

Однажды вечером он сидел в кафе, просматривая последние известия в газетах. Вдруг к нему подошел официант и сказал, что его просит подойти к телефону норвежский военный министр. Без всяких предисловий министр спросил Амундсена, не согласился бы он полететь на французском самолете «Латам» на помощь погибающим.

— Ваша помощь будет самой скорой и самой нужной.

Амундсен ответил не задумываясь:

— Я согласен.

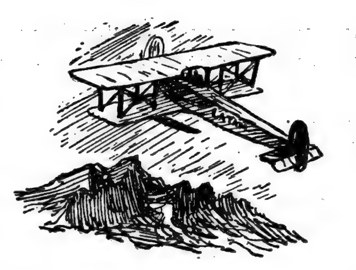
На этот раз приготовления Амундсена были стремительны. Уже через день он выехал из Осло в Берген, куда прилетел на самолете «Латам» известный французский летчик Гильбо с тремя механиками-французами. Амундсен пригласил испытанных своих друзей — Дитрихсона и Вистинга — принять участие в спасательной экспедиции.

Из Бергена самолет «Латам» перелетел в северный порт Тромсе для окончательной подготовки к экспедиции. Подготовка длилась недолго. Но в последние часы перед отлетом выяснилось, что машина сильно перегружена и сможет взять только шесть человек. Один из семерых должен был остаться. Выбор пал на старого товарища Амундсена — Вистинга. Он в тот же день сел на корабль и направился к Шпицбергену, чтобы там встретиться с Амундсеном.

«Латам» вылетел 18 июня вечером. Через пять-шесть часов он должен был быть на Шпицбергене.

Погода в этот день была очень бурная: дул резкий восточный ветер, по океану ходили огромные волны. С самолета по радио в течение двух часов сообщали, что все идет благополучно. И вдруг радиосвязь оборвалась.

Что случилось? Никто не мог ответить на этот вопрос. Прошли сутки, другие, третьи... О самолете ничего не было слышно ни на Шпицбергене, ни на Медвежьих островах, над которыми он должен был пролететь.

Прошло еще две недели, а о «Латаме» не было никаких известий. Вначале мало кто беспокоился об Амундсене: все знали, что Амундсен умел выбираться из самых опасных положений. Возможно, конечно, что с «Латамом» случилась авария, возможно, Амундсен сидит где-нибудь на льдине...

Гораздо больше беспокойств вызывали итальянцы, на помощь которым полетел Амундсен. Весь мир с напряжением следил за движением кораблей и самолетов, спешивших к месту катастрофы.

Советский ледокол «Красин», быстро обойдя Шпицберген с западной стороны, стал подвигаться навстречу итальянцам, терпящим бедствие.

1928 год был годом «тяжелых льдов». «Красин» с трудом пробирался на север, пока не вошел в такие льды, что вынужден был остановиться. С борта ледокола был спущен большой самолет летчика Чухновского. Он полетел на поиски итальянцев и вскоре обнаружил на льду два черных пятнышка. Спустившись ниже, Чухновский увидел двух человек, которые размахивали руками и звали на помощь, но нигде поблизости не было видно удобной посадочной площадки: лед повсюду был взломан. Самолет полетел отыскивать остальных.

А видимость ухудшалась. Туманная пелена скрыла горизонт, и вскоре все заволокло таким густым туманом, что едва можно было различить концы крыльев самолета. Пришлось прекратить поиски и спешить назад, к ледоколу.

Чухновский долго кружил в тумане, разыскивая «Красина» и, не обнаружив его, решил лететь к ближайшему острову. Самолет много раз спускался, выбирая место для посадки. В конце концов ему удалось

приземлиться, но при посадке сломалось шасси, и подняться в воздух он уже не мог.

Радист самолета немедленно сообщил капитану ледокола о том, что в таком-то месте обнаружены на льду два человека. Уже все знали, что одна группа терпевших бедствие состояла из девяти человек, другая из шести. Знали, что трое — Цаппи, Мариано и Мальмгрен — ушли за помощью. А тут было два человека. Кто это мог быть?

Получив радиограмму Чухновского, «Красин» тотчас двинулся на розыски и вскоре нашел людей. Это были итальянцы Цаппи и Мариано. Полтора месяца тому назад они ушли пешком от группы Нобиле на Шпицберген. Во время переходов по движущимся льдам они обессилели, им грозила гибель... Третий их спутник, швед Мальмгрен, умер в пути.

«Красин» принял их на борт, двинулся дальше и вскоре снял со льдины спутников Нобиле (сам Нобиле был снят за несколько дней перед этим шведским летчиком).

Как раз в то время, когда «Красин» шел к группе Нобиле с западной стороны Шпицбергена, другой советский ледокол, «Малыгин», шел к той же группе с востока. На пути «Малыгин» был затерт льдами и начал дрейфовать. Все время он поддерживал связь с северными радиостанциями.

Весть о том, что Амундсен вылетел на самолете «Латам» на помощь Нобиле, «Малыгин» получил в тот же день. Через несколько дней было принято сообщение, что Амундсен и его спутники исчезли.

Когда «Красин» спас итальянцев, «Малыгин» получил по радио приказ Москвы:

«Ледоколу «Малыгину» идти к Шпицбергену искать пропавшего Амундсена и его спутников».

С большим трудом «Малыгин» выбрался из льдов и открытой водой двинулся на запад.

По пути к Шпицбергену начальник экспедиции на «Малыгине» профессор В. Ю. Визе запросил губернатора острова подробности: в каком направлении Амундсен полетел, какого вида аппарат, кто летчики, когда прервалась связь. Связь, как оказалось, прервалась че-

рез два с половиной часа после отлета Амундсена из Норвегии. Искать его надо было где-то у южной части Шпицбергена.

19 июля в утренние часы экипаж и члены экспедиции «Малыгина» увидели на горизонте высокие горы, сверкающие снегами и льдами. Это и был Шпицберген. «Малыгин» снова вошел в плавучие льды. Они были совсем особые, очень толстые, с массой песка и ила. Течение вдоль берега было быстрое, льдины ежеминутно перемещались. Решено было поставить самолет на поплавки и начать разведку с воздуха. Однако с самого начала летчики убедились, что спустить самолет невозможно: полыньи в движущихся льдах быстро изменяются. Искать можно было лишь ледоколом. «Малыгин» начал приближаться к берегам, к Сторфиорду. Если самолет Амундсена спустился где-нибудь здесь поблизости, то люди могли по льдам пройти в этот залив, где сохранилось старинное убежище — русская изба, построенная еще в XVII веке русскими поморами-промышленниками. Но губернатор Шпицбергена сообщил «Малыгину», что норвежское судно лишь на днях побывало в Сторфиорде и обследовало каждую пядь, — Амундсена там не было. Тогда «Малыгин» прошел насколько мог дальше во льды к северу и нигде не обнаружил никаких следов отважных путешественников. Пять дней искал «Малыгин» пропавший экипаж самолета «Латам». Пора было уходить — на ледоколе кончался уголь и на исходе была пресная вода. «Малыгин» повернул на юг — к Архангельску.

Прошел месяц, другой. Давно уже люди, на помощь которым полетел Амундсен, находились у себя на родине, а о самом Амундсене не было никаких слухов.

И только 31 августа норвежский пароход «Брод» нашел в море поплавок от гидроплана. Поплавок принадлежал самолету «Латам».

Это известие сразу встревожило весь мир. Что же случилось с Амундсеном и его спутниками?

Еще через несколько дней была получена новая весть: в море найден пустой бак из-под бензина, на баке сохранилась металлическая пластинка с надписью «Латам». Этот бак находился внутри самолета. Значит,

самолет разбился вдребезги, если бак выплыл на поверхность. На баке были видны следы от огня.

И о гибели самолета теперь думают по-разному.

Может быть, это было так...

Два часа аэроплан летел благополучно. Сильный восточный ветер дул ему в бок, самолет покачивало из стороны в сторону. Океан был взбудоражен высокими волнами. Вдруг мотор закапризничал, перестал работать. Летчик Гильбо долго планировал, механики метались у машины, радист пытался дать сигналы «SOS» — «Спасите наши души», — так морские и воздушные корабли зовут на помощь в те минуты, когда им грозит гибель. Эти сигналы могли быть услышаны кораблями, плававшими близ Шпицбергена.

Но ничего сделать уже было нельзя. Мотор не заработал вновь, и самолет сел на воду. Он оказался малой щепкой в бурном море. Волны горами обрушились на него. Они били его с сокрушительной силой. Аэроплан затрещал, повалился набок, оторвались крылья, кабина наполнилась водой — тяжелый мотор потащил разбитый самолет в глубину, на дно океана. Люди несколько минут барахтались в ледяной воде. У Амундсена была с собой складная лодка. Быть может, он пытался разложить ее, но не успел, и один за другим люди утонули в пучине. На поверхности остались поплавок самолета и пустой бак из-под бензина. Гонимые ветром и волнами, они отплыли на запад, чтобы принести весть о смерти великого полярного исследователя.

А может быть, самолет сначала загорелся. Пылающий, он несколько минут летел над океаном, затем с размаху врезался в воду. Огонь мгновенно погас, но волны быстро разбили обгорелые остатки машины.

Пять лет спустя норвежские рыбаки сетями выловили металлические части самолета «Латам».

И это было все, что осталось от спасательной экспедиции Руала Амундсена.

Геройской смертью закончилась трудная и плодотворная жизнь этого человека.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История полярных исследований — одна из наиболее ярких страниц в летописи познания нашей планеты, ее природных условий. В борьбе за освоение Севера проявлялись лучшие качества людей: настойчивость в достижении поставленной цели, сила, ловкость, выносливость, находчивость, благородство человеческой души.

Немало замечательных одиночек-смельчаков отдали лучшие годы своей жизни, а иногда и самую жизнь делу изучения полярных стран.

Но они лишь приподняли завесу над тайнами полярного мира. Для того чтобы познать природу Арктики и Антарктики, необходимы длительные и кропотливые наблюдения с участием большого количества людей, вооруженных современной техникой.

Изучая деятельность крупных полярных путешественников, мы видим, как на протяжении многих веков русские и иностранные мореплаватели создавали историю великих географических открытий.

Так, скандинавские мореплаватели — викинги, предприняв плавание в арктические области, открыли Исландию и Гренландию. Зарубежными полярными мореплавателями открыты многие острова Канадского Арктического архипелага и другие.

Трудами русских землепроходцев, моряков, ученых были открыты и изучены острова и берега Северного Ледовитого океана.

Опыт русских исследователей Сибири помогал и Руалу Амундсену в его трудных путешествиях, так же как опыт Амундсена и других исследователей полярных стран помогал нам в дальнейшем проникновении к центру Арктики.

Многое изменилось на Крайнем Севере с тех пор, когда Амундсен совершал свои походы, плавания и полеты в Арктике. В Советской стране полярные исследования стали государственным делом. Уже в первые годы советской власти в Арктику были направлены крупные научные экспедиции. На побережье и островах Северного Ледовитого океана выросли полярные станции. Для изучения Арктики созданы специальные организации и научно-исследовательские институты. В результате этой гигантской работы, руководимой Коммунистической партией и Со-

ветским правительством, вдоль берегов Сибири проложен Северный морской путь.

Однако плавание по трассе Северного морского пути сопряжено с большими трудностями. Продвижению кораблей мешают тяжелые плавучие льды. Распределение этих льдов зависит от погоды и морских течений. Те сведения, которые давали наземные полярные станции, оказались недостаточными для определения режима арктических морей. Возникла необходимость изучить режим всего Северного Ледовитого океана — Центральной Арктики, чтобы установить основные закономерности формирования ледовых условий в арктических морях.

С этой целью в мае 1937 года в районе Северного полюса создана первая научно-исследовательская дрейфующая станция, получившая впоследствии название «Северный полюс-1».

В течение девяти месяцев станция продрейфовала от Северного полюса до 70°54′ северной широты и 19°48′ западной долготы в Гренландское море. На всем пути дрейфа отважные полярники — И. Д. Папанин, П. П. Ширшов, Е. К. Федоров и Э. Т. Кренкель — производили измерение глубин, изучали движение и состав водных масс на различных глубинах, вели систематические наблюдения за погодой, магнитными явлениями. В результате этих исследований были получены важные научные материалы о природе Центрального арктического бассейна.

Метеорологические сводки, передававшиеся по радио со станции, показали, насколько важны сведения о состоянии атмосферы Центральной Арктики при составлении прогнозов погоды не только для Арктики, но и для всей территории страны.

Через год от Новосибирских островов начал свой дрейф ледокольный пароход «Георгий Седов». Наблюдения седовцев также дали чрезвычайно интересный и важный материал о дрейфе льдов, погоде и магнитных явлениях в Центральной Арктике.

В 1941 году была организована воздушная экспедиция в район так называемого «полюса относительной недоступности», удаленного от ближайших к нему земель — острова Врангеля и побережья Аляски — более чем на тысячу километров. Самолет, пилотируемый полярным летчиком И. И. Черевичным, совершил посадки на лед в трех точках, где и были проведены научные наблюдения.

Исследования Центральной Арктики особенно расширились после Великой Отечественной войны.

Соединенные Штаты Америки, Англия, Канада и другие государства все чаще направляют свои научные экспедиции в арктические районы.

Английская воздушная экспедиция провела в районе Северного полюса серию магнитных наблюдений, представляющих большой научный интерес.

Американские метеоразведывательные группы дали ценные наблюдения по структуре и циркуляции высоких слоев атмосферы над Центральной Арктикой.

Снаряжаются подводные и ледокольные экспедиции, попол-

няющие важные материалы об условиях плавания среди арктических льдов.

На протяжении нескольких лет в весеннее время года на льдах Центрального арктического бассейна работали советские воздушные высокоширотные экспедиции. Советские ученые провели исследования на значительной территории. В результате этих исследований был получен большой научный материал, который позволил во многом расширить наши знания о природе Арктики.

С целью более детального обследования некоторых районов и проведения систематических круглогодичных наблюдений в 1950 году была создана научно-исследовательская дрейфующая станция «Северный полюс-2». За год работы коллектив станции выполнил обширный комплекс научных наблюдений (океанографических, аэрометеорологических, геофизических) в районе, прилегающем к «полюсу относительной недоступности».

Через три года, в 1954 году, в Центральной Арктике приступили к работе две новые научные станции: «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4», положившие начало существованию постоянных научно-исследовательских баз на дрейфующих льдах. По мере необходимости эти базы переносятся теперь в новые районы, представляющие наибольший интерес для изучения.

В 1956 году в различных частях Центральной Арктики на дрейфующих льдах одновременно работали три научно-исследовательские станции.

Такой размах исследований и достижений в Центральной Арктике — лучший памятник героям-исследователям Арктики, штурмовавшим многие годы высокие широты и отдавшим этому делу свою жизнь.

В последние годы развернулись большие работы и на противоположном краю земли — в Антарктике, где более 130 лет тому назад русские моряки под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева открыли новую часть света — Антарктиду, а Руал Амундсен в конце 1911 года первым, преодолев этот огромный континент, дошел до Южного полюса. Советские ученые ведут успешную научно-исследовательскую работу по изучению природных явлений этого сурового края.

Уже десять лет бороздит антарктические воды советская китобойная флотилия «Слава». Наряду с добычей китов на ней ведется регулярная научно-исследовательская работа.

Осенью 1955 года к берегам Антарктиды отправилась первая комплексная советская антарктическая экспедиция под руководством М. М. Сомова. Здесь, на берегу моря Дейвиса, основана южнополярная советская обсерватория Мирный, а в глубине материка, в 385 километрах от берега, создана первая внутриматериковая полярная станция Пионерская. В недалеком будущем откроются еще две внутриматериковые станции: одна — Восток, в районе Южного геомагнитного полюса, в полутора тысячах километрах от Мирного, другая — Советская, в районе «полюса относительной недоступности», на расстоянии двух с лишком тысяч километров от Мирного.

Научные исследования в Антарктике — составная часть работ третьего Международного геофизического года, который намечено провести с июля 1957 года до конца 1958 года. Рука об руку с советскими экспедициями будут работать в Антарктике научные экспедиции Англии, США, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Бельгии, Аргентины, Чили, Японии и, возможно, других стран.

Обширный комплекс исследований, который предполагается выполнить во всех частях Антарктиды во время Международного геофизического года, даст возможность познать этот еще мало изученный континент и решить крупнейшие научные проблемы, которые важны для человечества, для прогресса науки.

Проводя эти работы, мы всегда вспоминаем с благодарностью имена замечательных предшественников, чьи неутомимые труды и подвиги являются для нас примером. Среди этих имен стоит славное имя Руала Амундсена.

А. ТРЕШНИКОВ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУАЛА АМУНДСЕНА

1872, 16 июля — В семье капитана, владельца судоверфи Вербен в Норвегии, родился Руал Амундсен.

1880 — Начало учения в школе.

1890 — Амундсен поступает в университет города Христиании.

1894 — Для изучения морской службы Амундсен нанимается матросом на шхуну «Магдалена» и совершает плавание к Шпицбергену.

1894—1896 — Амундсен плавает на разных судах: «Вальборг», «Оскар», «Хюльдра», «Рона», «Язон»; проходит путь от матроса до шкипера, затем сдает экзамен на штурмана.

1897—1899 — На судне «Бельгика» штурман Амундсен участвует в научно-исследовательской экспедиции лейтенанта де Герлаха в Антарктику, к магнитному полюсу.

1900 — Амундсен сдает экзамен на капитана. Поступает на работу в Гамбургскую обсерваторию для изучения вопросов, связанных с земным магнетизмом.

1903—1906 — Амундсен на судне «Йоа» впервые в истории совершил непрерывное плавание из Атлантического океана в Тихий, открыв Северо-Западный проход.

1910—1912 — Экспедиция Амундсена на «Фраме» к Южному полюсу. Высадившись в Китовой бухте, экспедиция 20 октября 1911 года отправляется к полюсу. 15 декабря достигает полюса.

1914 — Амундсен сдает экзамен на гражданского летчика.

1918—1921 — Экспедиция Амундсена на корабле «Мод». Цель ее, вмерзнув в лед, дрейфовать вместе со льдами через Северный полюс. Экспедиция не достигла конечной цели, но в течение трехлетнего дрейфа собрала большие, ценные научные материалы.

1925, 21 мая — На самолете N 25 Амундсен летит к Северному полюсу и терпит неудачу из-за поломки самолета.

1926, 11 мая — Амундсен вылетел со Шпицбергена на дирижабле «Норге» с целью пролететь по прямой линии через Северный полюс. Полет длился 75 часов. Дирижабль пролетел через Северный полюс и опустился на Аляске.

1928, 18 июня—На самолете «Латам» Амундсен вылетел спасать экспедицию Нобиле и героически погиб.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Амундсен Руал, Собрание сочинений в пяти томах. Изд-во Главсевморпути, Л., 1936—1939.

Его же, Завоевание Южного полюса. Изд-во «Новая Москва», М., 1924.

Его же, Моя жизнь. Изд-во «Прибой», Л., 1930.

Его же, На корабле «Мод». Гиз, М.—Л., 1929.

Его же, На крыльях в страну безмолвия. Изд-во «Земля и фабрика», М.—Л., 1926.

Его же, Перелет через Ледовитый океан. Гиз, М.—Л., 1927.

Его же, Плавание Северо-Западным проходом на судне «Йоа». Изд-во Главсевморпути, Л., 1935.

Его же, По воздуху до 88° северной широты. Гиз, М.—Л., 1926.

Его же, Южный полюс. Изд-во «Молодая гвардия», Л., 1937.

Вязов Е. И., Руал Амундсен. Географгиз, М., 1955.

Дейч А. И., Амундсен. Учпедгиз, М., 1936.

Дмитриев С. Н., Первый полет через Северный Ледовитый океан из Европы в Америку. Издатель Мириманов, М., 1929.

Дьяконов М., Амундсен. Изд-во Жургазобъединение, серия «Жизнь замечательных людей», М., 1937.

Лактионов А. Ф., Северный полюс. Изд-во «Морской транспорт», М., 1955.

Яковлев А., Жизнь и приключения Руала Амундсена. Детгиз, М.—Л., 1936, 1938.

Его же, Руал Амундсен. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1948.

СОДЕРЖАНИЕ

Яковлев Александр Степанович

РУАЛ АМУНДСЕН

Редактор *Е. Грушко*
Худож. редактор *В. Плешко*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

* * *

А02611 Подп. к печати 2/III 1957 г.
Бумага 84 × 108$^1/_{32}$ = 3,5 бум. л. =
11,48 печ. л. + 1 вклейка. Уч.-изд. л. 10,49
Заказ 1634 Тираж 75 000 экз.
(1-й завод 50 000 экз.)
Цена 4 р. 75 к.

* * *

Типография „Красное знамя"
изд-ва „Молодая гвардия".
Москва, А-55, Сущевская, 21.

Путешествия Руала Амундсена

0°
„Йоа"
Гренландия
N
„Норге"
Аляска
Сибирь
„Мод"
180°

4 р. 75 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

А. ЯКОВЛЕВ - РУАЛ АМУНДСЕН